

Российская национальная библиотека
Фольклорно-этнографический центр имени А. М. Мехнецова
Санкт-Петербургской государственной консерватории (академии)
имени Н. А. Римского-Корсакова,
Санкт-Петербургская региональная благотворительная общественная
организация «Общество русской традиционной культуры»

**«Я — посвященный от народа». Н. Клюев:
Николай Клюев: образ мира и судьба»**

Научный сборник

Санкт-Петербург
2015

УДК 891.161.1.09
ББК 83.3(2 Рос — Рус)6

«Я — посвященный от народа». Николай Клюев: образ мира и судьба». Научный сборник /отв. ред. В. А. Доманский, ред. В. П. Гарнин. СПб: 2015.- 15 п.л.

Редакционный совет:

В. П. Гарнин В. А. Доманский

В научном сборнике представлены статьи и материалы выступлений участников Санкт-Петербургских научных чтений, посвященных великому русскому поэту Н. А. Клюеву. Разделы сборника зеркально отражают тематику этих чтений, на которых особое внимание уделяется публикации новых материалов о биографии и судьбе художественного наследия поэта, его глубинной связи с традиционной русской культурой, личным и творческим взаимосвязям с современниками, а также рецепции и интерпретации его произведений. Публикация данного сборника и проведенные в течение последних шести лет всероссийские и международные чтения свидетельствуют о том, что Санкт-Петербург, наконец, становится одним из центров отечественного клюеведения.

Книга адресована филологам и литературным работникам, преподавателям вузов и учителям-словесникам, историкам и культурологам, студентам и аспирантам.

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор О. Б. Кафанова
кандидат филологических наук, доцент М. А. Зенкин

© Авторский коллектив, 2015

© Санкт-Петербургская региональная благотворительная общественная организация «Общество русской традиционной культуры». 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начиная с 2009 года, 22 октября, в день рождения выдающегося русского поэта, уроженца Вытегорского уезда Олонецкой губернии, Николая Алексеевича Клюева в Санкт-Петербурге собираются исследователи его наследия, представители научных и учебных заведений, все, кто любит и ценит его творчество. Первые Клюевские чтения состоялись в Царскосельской иконописной мастерской Федоровского городка, в котором в 1915—1917 годах проходили собрания «Общества возрождения художественной Руси» с участием Клюева.

Тема первого памятного собрания была посвящена 125-летию со дня рождения поэта и называлась «Николай Клюев — боян XX века» (2009), а задачей конференции 2010 года — «Николай Клюев — поэт русского эпоса» — стало выявление роли эпических традиций в поэтическом наследии вытегорского самородка. Научные чтения «Памяти Николая Клюева», прошедшие в 2011 году, были посвящены традициям олонекской земли, повлиявшим на творчество поэта. В 2011 году существенно расширился круг участников мероприятия — чтения приобрели региональный статус.

В 2014 году прошли юбилейные Всероссийские Клюевские чтения с международным участием под названием «“Я — посвященный от народа”: Поэзия. Личность. Служение». Их организаторами выступили Санкт-Петербургская региональная благотворительная организация «Общество русской традиционной культуры», Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, Институт русской литературы (Пушкинский дом), Фольклорно-этнографический центр имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории (академии) имени Н. А. Римского-Корсакова, Санкт-Петербургская православная духовная академия.

В настоящем научном сборнике представлены наиболее интересные доклады и сообщения, заслушанные на конференциях 2009—2014 годов.

Содержание сборника состоит из четырех разделов, которые зеркально отражают тематику этих чтений. В *первом разделе* помещены статьи, посвященные биографии поэта и судьбе его наследия. Открывает раздел статья В. А. Доманского, исследующая понимание Н. Клюевым миссии поэта в жизни народа и в культуре. Е. С. Павлова репрезентирует автографы поэта в Отделе рукописей РНБ. Английский ученый Маквей Гордон представляет историю своих публикаций о Клюеве. Е. Ю. Коломийцева и М. В. Скороходов вводят в научный обиход работу В. К. Завалишина о крестьянской поэзии и творчестве Н. А. Клюева (по материалам Бахметьевского архива Колумбийского университета).

Во *втором разделе* помещены статьи, прослеживающие глубинную связь русского поэта с традиционной русской культурой. Студент Санкт-Петербургу-

ской православной духовной академии Антоний Пронских раскрывает сущность церковного социального служения (на примере Покровской общины). В статье В. Г. Подковыровой исследуется вопрос о духовных корнях поэта, его отношении к старообрядчеству, а Ю. В. Шабарова акцентирует свое внимание на периоде активного творческого взаимодействия Клюева с членами «Общества возрождения художественной Руси». Ю. Будникова прослеживает близость близость художественно-эстетических исканий Н. Клюева и Н. Рериха.

Статьи *третьего раздела* посвящены творческим взаимосвязям Клюева со своими современниками, а также историческому и литературному контексту его творчества. Докторант университета Сорбонна Дарья Синичкина рассматривает «Новые песни» Николая Клюева как сложный путь духовно-нравственных исканий поэта в своей трагической эпохе. С. И. Субботин исследует немецкие переводы «Песни Солнца»». В статье Е. А. Валевской воссоздается образ одного из современников Клюева — М. Н. Мехнецова, которому поэт посвятил несколько своих стихотворений. В небольшой статье В. К. Семибратова представлен образ столицы «страны мертвых» — маленького городка в Сибири Колпашева, в котором четыре месяца провел в ссылке Н. Клюев.

Авторы статей, помещенных в *четвертом разделе*, касаются проблем эстетики и поэтики творчества Н. Клюева. Открывает его статья А. Л. Казакова о песенном сборнике поэта «Неувядаемый цвет», вышедшем в 1920 в Вытегре, изданию уникальному по языковому слогу-причету, по строгой красоте музыкально-народного строя. Статья С. В. Байнина посвящена анализу критических оценок современника поэта о его поэме «Погорельщина». Исследователей и читателей научного сборника, несомненно, привлечет статья К. К. Логинова, описывающая провидческо-пророческие народные практики Обонежья и их связь с жизнью и творчеством поэта.

Отдельный блок в данном разделе представляют статьи земляков поэта — вытегорцев. Заведующая школьной библиотекой средней общеобразовательной школы № 1 города Вытегры, руководитель фольклорно-этнографической группы «Олония» Н. А. Митрошкина рассказывает о деятельности «Клюевского родничка» в школьной библиотеке. Ее воспитанницы — Ольга Горбунова и Елизавета Ольшукова — представляют свои научные проекты, посвященные фантастическим птицам и сказочным мотивам в творчестве Н. Клюева.

Завершают сборник поэма Владимира Лазарева «Плач по Николаю Клюеву» и музыкальное приношение поэту.

В. А. Доманский, И. С. Попова, доцент кафедры этномузыкологии

СУДЬБА ПОЭТА И НАСЛЕДИЯ

Валерий ДОМАНСКИЙ

Я — ПОСВЯЩЕННЫЙ ОТ НАРОДА...»: МИССИЯ ПОЭТА В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

*Я — посвященный от народа,
На мне великая печать,
И на чело свое природа
Мою прияла благодать [3, с. 391].*

В этих известных строках Клюева по существу заключен его творческий манифест. Но здесь не так все однозначно: он не просто певец народа, природы и земли Русской. Сколько таких поэтов было и есть на нашей земле! Но он и не избранный, как сейчас наш народ избирает своих представителей во всякие общественные структуры. Он — «посвященный», именно ему открыл свои потаенные тайны, сокрытые от обычного человека.

Что это за тайны? Послушаем самого поэта: «От норвежских берегов до Усть-Цыльмы, от Соловков до персидских оазисов знакомы мне журавлиные пути. Плавни Ледовитого океана, соловецкие дебри и леса Беломорья открыли мне нетленныеклады народного духа: слова, песни и молитвы. Познал я, что невидимый народный Иерусалим — не сказка, а близкая родимая подлинность, познал я, что кроме видимого устройства жизни русского народа как государства, или вообще человеческого общества существует тайная, скрытая от гордых взоров, иерархия, церковь невидимая — Святая Русь, что везде, в поморской ли избе, в олонецкой ли позёмке или закаспийском кишлаке есть души, связанные между собой клятвой спасения мира, клятвой участия в пла-

не Бога. И план этот — усовершенствование, раскрытие красоты лика Божия» [2, с. 35].

Конечно, не будем дословно понимать все сказанное Клюевым в его «Гагарьей судьбине», ведь сам поэт писал о себе: «Греховным миром не разгадан...». Это не обычная автобиография с некоторой долей вымысла, а сложная книга со своим мифотворчеством, откровениями, пророчеством, интертекстами, иносказаниями, аллюзиями, своеобразной системой метафор. Книга, которая требует адекватных приемов для ее прочтения. Опыт такого прочтения предпринял в своем биографическом романе-исследовании Сергей Куняев [5].

В приведенной мною большой цитате из «Гагарьей судьбины» есть некая программа жизни, творчества и понимания назначения поэта, владеющего потаенным знанием, то есть «нетленными кладами народного духа»: «слова, песни и молитвы».

Имеется и вторая загадка в тексте процитированного клюевского стихотворения «Я — посвященный от народа...»: почему не поэт принимает благодать от природы, как в славянской мифологии, а наоборот природа «на свое чело» его «прияла благодать»? Это уже христианская концепция, но вместо поэта должен быть Христос. Чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо обратиться к этапам становления и самоопределения Клюева как поэта.

Самые ранние юношеские стихи Клюева, как и Есенина, достаточно традиционные и написаны в духе крестьянских поэтов (А. Кольцова, И. Сурикова, И. Никитина, С. Дрожжина). Главная их тема — тяжелая судьба народа, печаль и безысходность. Но сразу же имеется отличие: у Есенина появляются надсоновские мотивы. Его лирический герой одного из первых стихотворений сосредоточен лишь на собственной печальной судьбе, поэтому стихотворение и названо «Поэт»:

Он бледен. Мыслит страшный путь.
В его душе живут виденья.
Ударом жизни вбита грудь,
А щеки выпили сомненья [1, с. 7].

У Клюева долгое время тема поэта не заявлена. Его лирический герой живет думами и настроениями народа. Поэтому его судьба становится общей для многих людей из народа, как, например, в революции

онной песне «Безответным рабом/ Я в могилу сойду...». Фактически до 1907 года, переписки с Блоком, определение себя как поэта Клюева мало интересует. Идет процесс овладения поэтическим мастерством, поиск собственного голоса. Диапазон необычайно широк: от народно-песенной поэзии и былинных стилизаций до символистских опытов и мотивов. Пока его поэзия не отражает глубины духовных поисков, которые сразу же обозначатся в его переписке и общении с Блоком. Любопытно, что Блок, как первый поэт «заметил и благословил», хотя и по-разному, Клюева и Есенина. Есенина как поэта-песенника, а Клюева как крестьянского пророка и поэта, наделенного сокровенным словом. Этот факт очень значим в понимании их духовного и поэтического становления.

Блок очень много значил в судьбе Клюева. При содействии Блока стихи Клюева печатаются в журналах «Золотое руно», «Новая земля». В 1912 вышли две поэтические книги Клюева — «Сосен перезвон» (с предисловием В. Брюсова) и «Братские песни», а затем еще два сборника — «Лесные были» (1913) и «Мирские думы» (1916).

Но для Блока Клюев выступает не только учеником, но и учителем, необычным учителем, скорее духовником. Как известно, для Блока общение с Клюевым, прежде всего эпистолярное, а затем и личное (они очно познакомились четыре года спустя после начала переписки) имело чрезвычайное значение. Блок помещал отрывки из писем Клюева в свои статьи, неоднократно цитировал своего корреспондента, читал его письма знакомым. Клюев явился для Блока не просто талантливым человеком из народа, но, прежде всего носителем глубинного национального духа, новым Иоанном Крестителем. Не случайно в декабре 1911 года мать поэта в письме к М. П. Ивановой сообщает: «Клюев нынче осенью провел с Сашей несколько дней. Сидел по ночам. Я думаю, Вы поймете всю важность этого Крещения».

Не будем подробно останавливаться на этой теме, она достаточно полно и интересно представлена К. М. Азадовским в его книге, где впервые были напечатаны и прокомментированы письма Клюева к Блоку [4].

Что произошло в период этого общения с самим Клюевым? Он понял, что в исторической эпохе ему уготовлено место крестьянского поэта-Мессии и стремился его занять. Поэтому тема поэта будет заявлена

в его творчестве теперь необычайно сильно и уже не уйдет до конца его жизни.

В программном стихотворении 1909 года «Поэт» Клюев создаст амбивалентность своего образа поэта — наружного и потаенного, «неосязаемого»:

Наружный я и зол и грешен,
Неосязаемый — пречист,
Мной мрак полуночи кромешен,
И от меня закат лучист.

Я смехом солнечным младенца
Пустыню жизни оживляю
И жажду душ из чаши сердца
Вином певучим утолю [3, с. 1151].

Еще более загадочным предстанет его лирический герой в стихотворении «Пловец» 1908 г., посвященном А. Блоку. Необычна его композиция: вначале стихотворения лирический герой — певец направляет свой челн в «страну пророков и царей», чтобы на него «пролилась Божья благодать»:

В страну пророков и царей
Я челн измученный направил
И на безбрежности морей
Творца Всевидящего славил [3, с. 107].

Во второй части наступает преобразование героя, получившего эту благодать от Бога:

Рукою благостной Господь
Развеял сумрак непогодный
И дал мне светлую милоть
И пояс, радуге подобный.

Молниевиден стал мой лик
И ясновидящ взор туманный,
Прозрев за далью материк
Земли пловцу обетованной... [там же].

Совсем необычный финал стихотворения. Древний бог породил природу, но не дал ей благодати, благодать прольется на нее от прозревших, обретших внутреннее зрение людей идущих по пути Христа. Творчество и есть путь Христа, создание красоты, гармонии, наделение всего мира живым словом, потаенным знанием. И настоящий поэт обладает этим знанием:

Как будто в сумраке далече,
За гранью стынувшей зари,
Пловцу отважному навстречу
Идут пророки и цари [3, с. 108].

Огромную роль в жизни Ключева сыграл и украинский Кобзарь Т. Г. Шевченко. Потомок коренного крестьянского рода северного поморского края не раз мечтал о славе украинского поэта, который из крестьянских низов поднялся до поэта всего украинского и славянского мира. Русский поэт тоже знал себе цену, понимал значение своего таланта и того места, которое он занимает и займет в галерее крестьянских (разумеется, христианских) поэтов. Если Шевченко открывает эту галерею, то Ключев ее фактически завершает, так как в последний раз в творчестве Ключева народная речь, уходящая в небытие крестьянская культура и история, по словам О. Манделъштама, «замкнула язык извне, отгородила его стенами государственности и церковности». Ключев последний пример этой живой жизни народно-поэтического и книжно-архаического языка, который «со всех сторон омывает и опоясывает грозной и безбрежной стихией» [6, т. 2, с. 245].

Как и у Тараса Шевченко, основы его образности и миросозерцания скрываются в фольклорных истоках, церковно-славянской и древнерусской традиции. Но если украинский поэт аккумулировал в своем творчестве ритмомелодику украинской разговорной речи, разнообразие его интонаций и мелодий народных песен, лукавую мудрость сказок, печаль дум, высокую архаику исторических летописей, то стих Ключева больше восходит к русским былинам, календарно-обрядовой поэзии, плачам и причитаниям Русского Севера, традициям старобрядческой книжности. Это своеобразие его поэтического мастерства точно подметил Осип Манделъштам в известном своем высказывании: «Ключев пришел от величавого Олонца, где русский быт и русская му-

жицкая речь покоятся в эллинской важности и простоте. Ключев народен, потому что в нем уживается ямбический дух Баратынского с вещим напевом неграмотного олонецкого сказителя» [6, с. 34]. Сам русский поэт, обладая пророческим даром, улавливал свою миссию художника в эпоху крушения крестьянской культуры и унификации народного языка:

О Боже сладостный, ужель я в малый миг
Родимой речи таинство постиг,
Прозрел, что в языке поруганном моем
Живет Синайский глас и вышний трубный гром?.. [3, т.3. с. 34].

Хочу заметить, что Ключев к творчеству и личности Шевченко обращался неоднократно. Обратился он к нему и в своей харьковской поэме «Кремль». В ней, ведя диалог с властями, Ключев прибегает к истории жизни Тараса Шевченко, которая является поучительным примером победы великого поэта над своими историческими гонителями в «малом времени». «Большое время» все расставило по своим местам: поэт не просто реабилитирован историей, он стал духовным отцом украинского народа, гордостью украинской и мировой литературы, а сославший его русский царь Николай I подвергся нравственному остракизму потомков.

В этой поэме речь уже идет не только о сближении и сходстве судеб двух поэтов — украинского кобзаря и олонецкого гусяра, но и о понимании Ключевым своей роли в истории русской национальной поэзии, которую он сравнивал с ролью Шевченко, мысля себя его поэтическим «собратом»:

Тарас Николе как собрату,
Ковыльную вверяет кобзу! —
И с жемчугом карельским розу
Подносит бахарь Украине! [7, с. 211].

Их встреча в веках знаковая: как Державин из дряхлеющих рук передает свою лиру юному Пушкину, так и Шевченко «ковыльную вверяет кобзу» своему поэтическому потомку — русскому народному поэту, именуемому диалектным словом *бахарь*, которым обозначали в старину говорюнов, краснобаев, рассказчиков, сказочников.

Имеет свой потаенный смысл и подарок «певца олонецкой избы» великому Кобзарю — роза с жемчугом. Образ розы — царицы цветов — заключает в себе множество значений. Но в поэтике клюевских текстов это, прежде всего, символ сердца Богоматери, вмещающего безграничную любовь к людям и их бесконечные страдания. Он применим также и к образу народного поэта, «сердце-роза» которого вместилище красоты и неизбывной печали. Как лик Богоматери украшали окладом из жемчуга, так и поэтическое слово « в жемчугах ходило».

И поэт Николай Клюев имел полное право поставить себя рядом с великим украинским поэтом Тарасом Шевченко, потому что никто из крестьянских поэтов не представил в таком завершённом виде «избяной космос», как это сделал Клюев (цикл стихов «Избяные песни», поэтический сборник «Изба и поле», поэмы «Мать-Суббота», «Деревня»). В его представлении изба-жилище-храм — не только модель русского национального космоса, но и всеславянского, всемирного. Она является своеобразной матрицей планетарного дома, которая соединяет части света, разные народы и культуры. Становятся понятными неожиданные планетарные ассоциации Клюева, связанные с образами разных стран, народов, цивилизаций и культур: Древней Руси, Египта, Вавилона, Греции и Рима, Северной и Южной Америки, Индии и Китая. В красном углу русской светелки поэту видится и манящая его далекая Индия —

Кто несказанное чаёт,
Веря в тулупную мглу,
Тот наяву обретает
Индию в красному углу [3, с. 311] —

и другие страны, так как весь мир состоит в родстве с бревенчатой избой. Через «сердце избы» пролегло множество духовных векторов, но особо значима для поэта геополитическая ось — Русский Север — Юг. При этом если Юг — исток древнерусской культуры, то Север является хранителем ее первообразов, кодов славянской мифологии, чистоты православной веры. Вот почему для олонецкого гусяра, так же как и для Шевченко, дороги все знаковые топосы Киевской Руси: «тур златорогий Киев», Чернигов, Путивль, Полтава, Переяславль, Волынь, Карпаты. В поэтическом сознании Клюева домонгольская Русь существует целостно и неделимо, потому что это общая духовная родина

единой славянской семьи, о содружестве и процветании которой мечтал его старший поэтический брат Тарас Шевченко:

Обнімiтьсѣ ж, брати мої,
Молю вас, благаю [8, т. 1., с. 306].

Каждый великий поэт, предчувствуя свой уход, создавал свой поэтический памятник. Имеется он и у Ключева, это стихотворение «Есть две страны: одна — Больница», своеобразная проекция пушкинского «Пророка», так часто цитируемого им в поэме «Кремль». Но здесь вместо «шестикрылого серафима» является ангел смерти, «тетушка Могила». Перед их лицом, в этот судный день, «поэт олонецкой избы» без ложной позы, просто и трогательно, признается в своей искренней любви к Родине, России:

«Люблю тебя, Рассея,
Страна грачиных озимей!» [3, с. 632].

Как и в пушкинском стихотворении, в ключевском два плана: один реальный, насыщенный мрачными образами Нарыма и Томска, и мифологический — «кущи рая». Предошущая неминуемую гибель, поэт словно живет на грани этих двух миров. В противоположность земному, безжизненному миру, сотканному из образов смерти, тот, неземной мир, полон божественной музыки и гармонии. Символично, что встречает поэта там, в другом мире, «серафимом с лютней». Это знак славы и бессмертия. Бессмертия его поэзии, прославляющей «родной осень», которой вторит сам ангел. Заканчивается стихотворение упоминанием об «Оном Дне», ссудном дне, когда перед Христом предстанут все грешники, а Россия очистится от скверны и засияет в своей нетленной красоте.

Чтение поэзии Ключева — это глубокая духовная работа, постижение невидимой, потаенной России, (Руси-Китежа) которая открывается только «посвященным от народа».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 4. Стихотворения, не вошедшие в «Собрание стихотворений» / Науч. ред. А. Д. Громова; Сост., подгот. текстов и коммент. С. П. Кошечкина и Н. Г. Слюсова. 1996. 544 с.

2. Ключев Н. А. Гагарья судьбина//Ключев Н. А. Словесное древо. СПб, 2003. С. 35.
3. Ключев Н. А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Предисл. Н. Н. Скатова; Вступит. ст. А. И. Михайлова; Сост., подготовка текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: РХГИ, 1999. 1072 с. С. 115.
4. Ключев Николай. Письма к Александру Блоку: 1907 — 1915. Публикация, вводная статья и комментарии К. М. Азадовского. М., Прогресс-Плеяда, 2003.
5. Куняев С. С. «Ты жгучий отпрыск Аввакума...»//Наш современник, 2009. № 1—10.
6. Мандельштам О. Э. Собр. соч. В 4 т. М., 1991.
7. Наследие комет. Неизвестное о Николае Ключеве и Анатолии Яре. Кравченко Т., Михайлов А. Москва-Томск, 2006.
8. Шевченко Т. Г. Твори. В 5 т. К., 1978.

Евдокия ПАВЛОВА

АВТОГРАФЫ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА В ОТДЕЛЕ РУКОПИСЕЙ РНБ. К 130-летию со дня рождения

В 2014 г. отмечалось 130-летие со дня рождения выдающегося русского поэта Николая Алексеевича Ключева (1884—1937). В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится целый ряд автографов поэта.

Хотя в РНБ нет личного архива Николая Ключева, его автографы сохранилось в различных архивах и коллекциях Отдела рукописей. Литературное наследие Ключева сравнительно невелико по объему, незначительно и количество его уцелевших рукописей в архивах и музеях России, и потому даже сравнительно небольшая частица наследия Ключева в РНБ имеет большое значение для исследователей его творчества.

Практически все автографы из собрания Отдела рукописей РНБ знакомы исследователям, произведения опубликованы. Тем не менее, работа по выявлению и изучению еще далеко не закончена.

Автографы Николая Клюева начали поступать в библиотеку еще при жизни поэта. Первыми из них были приобретены Публичной библиотекой в составе собрания П. А. Вакселя.

Ваксель Платон Львович (1844—1918), музыкальный критик, сотрудник МИДа, коллекционер. Окончил Лейпцигский университет, по специальности доктор международного права. Был постоянным сотрудником газеты *Journal de St.-Petersbourg*, видным деятелем Русского музыкального общества, действительным членом Академии художеств. Среди его работ — биография М. И. Глинки и множество статей по истории русской музыки и изобразительного искусства.

Коллекцию автографов, рисунков и портретов иностранных и русских деятелей Ваксель начал собирать еще студентом. В своей деятельности коллекционера он стремился охватить как можно большее количество деятелей искусства, литературы, науки и политики, стараясь получить хотя бы один автограф сколь возможно большего числа лиц.

Коллекция Вакселя была открыта для научной работы, для публикаторов и исследователей. Платон Львович предполагал, что всё собранное им будет со временем передано в Публичную библиотеку. Однако после смерти П. А. Вакселя его коллекция оказалась разрознена. Большая часть перешла к его приемному сыну и наследнику Юргенсону. У последнего она была куплена Комиссариатом народного просвещения и затем передана в 1919 г. в Государственную Публичную библиотеку. Другие части собрания разошлись в разные стороны и приобретались Библиотекой позднее (1943—1950 гг.) в Книжной лавке писателей и букинистических магазинах. В настоящее время собрание Вакселя насчитывает более 6 тысяч автографов русских и иностранных деятелей XVIII, XIX и XX веков.

В собрании П. А. Вакселя содержатся следующие автографы Н. А. Клюева:

1. Надпись для плаката (?) 1916 или 1917 гг. (Ф. 124 *Ваксель П. А.*, № 2047, л. 1);

2. «Памяти матери». Стихотворение из цикла «Избяные песни» 1914—1917 гг. (*Там же*, л. 2);

3. «Шесток для кота, что амбар для попа ...» Стихотворение из цикла «Избяные песни» 1914—1917 гг. (*Там же*, л. 3);

4. «На сивом плесе гагарий зык ...» Стихотворение 1916 г., не включенное в циклы и при жизни Ключева не опубликованное. (*Там же*, л. 4.);

5. Договор с издателем Михаилом Васильевичем Аверьяновым и расписки в получении денег. 18 сент. 1915 и 25 января 1916, 9 марта 1917. Текст договора написан рукой Аверьянова, внизу — почерком Ключева расписки в получении денежных сумм. (*Там же*, л. 5, 6, 7).

Также еще при жизни Ключева, в 1935 г. в Публичную библиотеку поступили его рукописи из собрания **Константина Константиновича Владимирова** (1879—1933). О самом Владимирове известно мало. К. К. Владимиров был автором некоторого количества рассказов, графологом и коллекционером, членом Петербургского Теософского кружка. Владимиров был лично знаком с Ключевым и с людьми из его ближайшего окружения, например, с Сергеем Есениным. Коллекция его сравнительно невелика, но интересна. Она поступила в Публичную библиотеку в 1935 г., после смерти Владимирова.

Автографы Н. А. Ключева в собрании К. К. Владимирова:

1. Фотография Николая Алексеевича Ключева и Игоря Осиповича Маркова с их памятными надписями. Фотограф Напшельбаум, 1924 г. (*Ф. 150 Владимиров К. К., № 358*).

Надпись Н. А. Ключева:

«Этот юноша не мой, совсем чужой и не любимый — бес сунул с ним сняться. Но так всегда бывает... Господи, избави нас от друзей! Бес в друге, а друг — суета. Н. Ключев. 1926. Декабрь 10».

Надпись И. О. Маркова:

«У попа был кол,
На колу мочало
Начиная сначала!..
По миру хаживали — мир в путях,
На миру сходилась, а что мир, что то ходячее...
Сени в сени изба выйдет, оденете сафьян, сапоги
плясать пойдете...
Чего еще?
Баба как баба — мужик на полатах лежит
Ежели сметану есть, все ничего, а горшка мыть похуже.
С этого все и начинается.
10/IX 26. Игорь Марков».

В верхней части листа дарственная надпись Игоря Маркова:

«Славному Конст. Конст. Владимирову за память ко мне».

2. «Я кузнец Вавила...» Стихотворение из цикла «Новые песни». 1926. Автограф, кар. Сбоку — список стихотворений (вероятно, цикла «Новые песни»). Часть вычеркнута. (Ф. 150 Владимиров К. К., № 357, л. 2);

3. «Свежей подснежников и хмеля...» Стихотворение. Фрагмент стихотворения «Новая застольная». Автограф, чернила. 1925. (Там же, л. 1);

4. «Ленин» и «Певчая руга». Циклы стихотворений. Автограф. Оформлены в виде макета книги «Ленин». 1918. (Ф. 150 Владимиров К. К., № 356, л. 1—18);

5. Письмо неустановленному лицу (профессору) с просьбой дать за работок «хорошо грамотному и отчаянно нуждающемуся юноше». 1920-е гг. Ленинград. (Ф. 150 Владимиров К. К., № 536);

6. Заявление в книгоиздательство «Скифы» в Берлине с требованием об уплате гонорара за книги стихов «Избяные песни» и «Песнь солнценосца». 14 ноября 1924. Ленинград. (Ф. 150 Владимиров К. К., № 355).

Два письма Ключева сохранились в составе архива писателя, литературного критика и издателя **Иеронима Иеронимовича Ясинского** (1850—1931), переданного в Публичную библиотеку в 1930-е гг.

1. Письмо Иерониму Иеронимовичу Ясинскому с просьбой уплатить гонорар за стихотворения в литературном сборнике Страде. [15 сентября 1916] г. (Ф. 901, Ясинский И. И., оп. 3, № 369, л. 1);

2. Письмо Иерониму Иеронимовичу Ясинскому с просьбой опубликовать в «Биржевых ведомостях» заметку о его весенних «крестьянских вечерах» совместно с певицей Надеждой Васильевной Плевицкой. [1916] г. (Там же, л. 2).

В годы войны в Отдел рукописей поступило большое количество фондов и коллекций, чьи владельцы погибли на фронте или умерли во время блокады. Фонды привозили из брошенных, разбомбленных квартир или приобретали через Книжную лавку писателей.

Так, в 1943 г. была куплена коллекция автографов русских писателей, принадлежавшая **Павлу Николаевичу Медведеву**, содержащая среди прочих, дарственную надпись Н. А. Клюева.

Медведев Павел Николаевич (1891—1942) — литературовед, в 1922—1928 г. работал научным сотрудником ИРЛИ, в 1928—1935 был заведующим отделом Леногиза, затем профессором Ленинградского Государственного Педагогического института им. А. И. Герцена по теории и истории русской литературы. Издавал книги, посвященные А. Блоку, С. Есенину, Д. Бедному, Б. Лавреневу и др. Коллекция автографов Медведева в первую очередь состоит из двух альбомов, в которых автографы произведений и писем были вклеены по алфавиту фамилий авторов (альбом первый — буквы А-И, второй — К-Я). Также в собрании сохранилось некоторое количество писем, адресованных Медведеву и дарственных надписей на книгах ему же.

Автограф Н. А. Клюева:

Дарственная надпись Павлу Николаевичу Медведеву на книге «Сосен перезвон». Книга вышла в 1912 с предисловием Валерия Брюсова. Точная дата надписи неизвестна. (Ф. 474 *Медведев П. Н.*, № 17).

Автограф Клюева имеется в собрании **Бориса Федоровича Лаврова**. Сведения о Лаврове очень скудны и собственно, ограничиваются словом — «литератор». В справочных материалах Отдела указано, что он погиб на фронте. Судя по немногочисленным обращенным к нему письмам, Лавров занимался историей литературы, в частности, творчеством Александра Алексеевича Измайлова. Его собрание автографов попало в годы блокады в Книжную лавку писателей и в 1944 г. было приобретено Публичной библиотекой.

Автограф Н. А. Клюева:

Письмо Александру Алексеевичу Измайлову об отсылке пяти своих стихотворений для публикации в «Биржевых ведомостях». 26 нояб. 1914 (Ф. 414, *Собр. Лаврова Б. Ф.* № 27).

Также в годы войны библиотекой был приобретен **архив редакции журнала «Звезда»**, впоследствии преобразованный в Собрание автографов советских писателей и критиков. В нем собраны рукописи и письма авторов, присылавшиеся в редакцию журнала для публикации.

В составе собрания оказался автограф Клюева:

«Стихи из колхоза». Цикл стихотворений [1928—1930].

На последнем листе — обращение к редактору (Ц. С. Вольпе?) с просьбой печатать эти стихотворения в указанном порядке и о высылке гонорара. (Ф. 709, *Собр. автографов советских писателей и критиков, оп. 2, № 337, л. 1-5*).

В **Собрании книг с автографами** хранится маленькая книжечка Николая Клюева «Песнь солнценосца», напечатанная в Берлине в издательстве «Скифы» в 1920 г. На шмуцтитуле — надпись Клюева: «Это солнце стало книгой. Только книгой. Н. К.», на с. 13 и 18 поправки автора. В книге стоит штампель «Лавки Писателей». (Ф. 710, *Собр. книг с автографами. № 42, л. 1-2*).

В **Собрание отдельных поступлений** входят приобретенные библиотекой в 1940-е гг. автографы следующих стихотворений Клюева:

1. «Теперь бы Казбек — коврига...». Стихотворение. (Ф. 1000 *Собр. отдельных поступлений, оп. 2, № 604, л. 1*);
2. «Голод» («Родина, я умираю...»). Стихотворение. (*Там же, л. 2*);
3. «На темном ельнике стволы берез...» Стихотворение. (*Там же, л. 3*).

Последним по времени в Российскую национальную библиотеку поступил автограф Клюева из архива писателя **Леонтия Иосифовича Раковского** (1895—1979). Раковский больше всего известен как автор исторических романов «Генералиссимус Суворов», «Кутузов», «Адмирал Ушаков», популярных в советское время. В 1920-е гг. Раковский был секретарем Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей, какое-то время в 1932 г. занимался распределением материальных благ. Многие писатели обращались к нему с просьбой о выдаче пайков, «мануфактуры», одежды и прочего. Письма эти Раковский сохранил. Среди них оказалось и письмо Клюева:

Письмо Леонтию Иосифовичу Раковскому с просьбой о материальной помощи. [1932] г. Москва. (Ф. 1203, *Раковский Л. И., № 829, л. 1*).

Кроме того, здесь же сохранилась копия заявления Клюева в Правление Всероссийского союза советских писателей от 20 янв. 1932. Копия сделана рукой Л. И. Раковского и содержит ответ на «запрос Союза о самокритике моих последних произведений и о моем общественном поведении», и объяснения по поводу поэмы «Деревня». Клюев пишет о тяжелом материальном положении во время создания поэмы и ссылается на плохое состояние здоровья как оправдание своего неуча-

ствия в общественной жизни, собраниях и пр. (Ф. 1203, Раковский Л. И., № 829, л. 2).

Раковский передал первую часть своего архива и собрания в дар Публичной библиотеке в 1977 г. Следующую часть передала уже после его смерти вдова Неонила Флоровна Чегель в 1981 и уже после и ее смерти оставшуюся часть фонда подарили библиотеке наследники в 1984 г. Письмо Ключева принадлежало ко второй части архива, переданной в РНБ в 1981 г.

Таков основной состав рукописей Н. А. Ключева в собрании Российской национальной библиотеки.

Гордон МАКВЕЙ
(Бристоль, Англия)

К ИСТОРИИ МОИХ ПУБЛИКАЦИЙ О НИКОЛАЕ КЛЮЕВЕ

Писать кратко о таком загадочном человеке и оригинальном поэте, как Николай Ключев, вряд ли имеет смысл. Ключев — поэт завораживающей силы и трагической судьбы. Он стал привлекать мое внимание в 1964—1966 гг., когда я собирал материал для диссертации, посвященной жизни и творчеству Сергея Есенина. Ясно было, что в 1915—1916 гг. Ключев играл огромную и сложную роль в становлении Есенина — поэта и человека. Об этом свидетельствует тон ключевских писем Есенину:

«Голубь мой белый <...>. Ведь ты знаешь, что мы с тобой козлы в литературном огороде, и только по милости нас терпят в нем, и что в этом огороде есть немало ядовитых колючих кактусов, избегать которых нам с тобой необходимо для здоровья как духовного, так и телесного.

<...> Мне очень приятно, что мои стихи волнуют тебя <...>. О, как я люблю свою родину и как ненавижу Америку <так!>, в чем бы она ни проявлялась. Вот нужно ехать в Питер, и я плачу горькими слезами,

прощаясь с рекой окуньей, с часовней на бору, с мошничьим перелетом, с хлебной печью... Бога ради, не задержи ответ. Целую тебя, кормилец, прямо в усики твои милые...»¹ [2, с. 236—238].

Так же заманчив и обворожителен тон письма Клюева в 1914 г. к другому «крестьянскому» поэту из глубинки, Александру Ширяевцу:

«Я каждый день хожу в рощу — сижу там у часовенки — а сосны столетние, в небо вершок — думаю о тебе: — какой ты горячий да круглоголовый — и хочешь стать памятником в Жигулях... Целую тебя в очи твои и в сердце твое — милое. Сегодня такая заря сизоперая смотрит на эти строки, а заяц под окном щиплет сено в стогу. О, мать пустыня! рай душевный, рай мысленный! Как ненавистен и чёрен кажется весь так называемый Цивилизованный мир и что бы дал, какой бы крест, какую голгофу понес — чтобы Америка не надвигалась на сизопёрую зарю, на часовню в бору, на зайца у стога, на избу-сказку...»² [2, с. 224].

Я стал тогда в 1960-е годы собирать высказывания тех, кто знал Есенина и Клюева. Для Сергея Городецкого Клюев — «чудесный поэт, хитрый умник, обаятельный своим коварным смирением»³. Рюрик Ивнев считал, что Клюев, хотя и прекрасный поэт, «был гениальным комедиантом — он верил меньше, чем атеист»⁴.

Анатолий Мариенгоф вспоминает Клюева 1923 года: «Мне нравился Клюев... И то, что он творил крестное знамение над жидким мосельпромовским пивом и вобельным хвостиком, и то, что он, ради мистического ряжения и великой фальши, которую зовем мы искусством, одел терновый венец и встал с протянутой ладонью среди нищих на соборной паперти с сердцем циничным и кощунственным, холодным к любви и вере» [3, с. 146].

Советские есениноведы в 1960—1970-е годы относились к личности и творчеству Клюева с явным предубеждением и недружелюбием: «Для его стихов характерны мистическое восприятие природы, идеализация патриархального быта, любование вековой деревенской плесенью. Клюев все свои помыслы направил на идеализацию патриархаль-

¹ Из письма Н. А. Клюева С. А. Есенину из Вытегры, август 1915 г.

² Из письма Н. А. Клюева А. В. Ширяевцу из Вытегорского уезда; ноябрь 1914 г.

³ Новый мир, 1926. № 2. С. 139.

⁴ Высказывание Р. Ивнева в беседе с Г. Маквеем, Москва, 27 марта 1966 г.

ного деревенского уклада... Позже этот “идеализм” приведет Клюева к противоречию с революционной эпохой» [4, с. 32].

В 1966—1968 гг., когда Борис Филиппов в США готовил новый двухтомник Клюева, я по мере сил изучал черновики Клюева с неопубликованными стихами поэта в архивах и рукописных отделах Москвы и Ленинграда. Эти стихи (к сожалению, с некоторыми неточностями) вошли в указанное издание в 1969 г.:

Мне революция не мать —
Подросток смуглый и вихрастый,
Что поговоркою горластой
Себя не может рассказать... ⁵

***

Я гневаюсь на вас и горестно браню,
Что десять лет певучему коню,
Узда алмазная, из золота копыта,
Попона же созвучьями расшита,
Вы не дали и пригоршни овса
И не пускали в луг, где пьяная роса
Свежила б лебедю надломленные крылья.
Ни волчья пасть, ни дыба, ни копылья
Не знали пытки вероломней, —
Пегасу русскому в каменоломне
Нетопыри вплетались в гриву
И пили кровь, как суховеи ниву,
Чтоб не цвела она золототканно
Утехой брачною республике желанной.
Чтобы гумно, где Пушкин и Кольцов
С Есениным в венке из васильков
Бодягой поросло, унылым плауном
В разлуке с песногривым скакуном...

Я гневаюсь на вас, гнусавые вороны,
Что ни свирель ручья, ни сосен перезвоны
Ни молодость в кудрях, как речка в купыре,
Вас не баюкают в багряном октябре...

---

⁵ «Мне революция не мать...» [1, т. 2, с. 261]. Здесь и далее в сносках указываются процитированные фрагменты произведений Н. Клюева.

Я содрогаюсь вас, убогие вороны,
Что серы вы, в стихе не лирохвосты,
Бумажные размножили погосты
И вывели ежей, улиток, саранчу...⁶

***

Старый лебедь, я знаю многое,
Дрёму лилий и сны Мемфиса,
Но тревожит гнездо улогое
Буквоедная злая крыса, —

Чтоб не пел я о Тициане,
Пляске арф и живых громах ...
Как стрела в святом Себастьяне,
Звенит обида в стихах.

И в словесных взвивах и срывах,
Страстотерпный испив удел,
Из груди не могу я вырвать
Окаянных ноющих стрел!⁷

В ту пору — в конце 1960-х и в 1970-е годы — когда стихи Ключева в Советском Союзе были фактически под запретом, я стремился опубликовать известные мне стихи, письма, дарственные надписи, фотографии и портреты поэта в научных изданиях в Англии, Германии и США. Перечислю мои публикации в 1969—1989 гг. о Николае Ключеве:

1. Nikolai Klyuev: Some biographical materials. In: Klyuev, Nikolai. Sochineniia (Munich, 1969). Ed. by Gleb Struve and Boris Filippoff. Vol. 1. P. 183—206. Also photographs facing P. 32, 320.

2. Previously unpublished poems and portraits of Nikolai Klyuev. In: Klyuev, Nikolai. Sochineniia (Munich, 1969). Ed. by Gleb Struve and Boris Filippoff. Vol. 2. Poems (P. 210—213, 238—247, 251—295), variants (P. 380, 382—393), portrait (facing P. 4), photograph (facing P. 320),

⁶ «Клеветникам искусства» [1, т. 2, с. 258—260].

⁷ «Не буду петь кооперацию...» [1, т. 2, с. 245].

3. N.A. Klyuev: Unpublished Letters and Photographs. Russian Literature Triquarterly (Ann Arbor). No. 4. Fall 1972. P. 377—395.

4. Esenin, Klyuev, Klychkov and Oreshin: New Photographs and Texts. Russian Literature Triquarterly (Ann Arbor). No.16. 1979. P. 281—301.

5. Nikolay Klyuev and Sergey Klychkov: Unpublished Texts. Oxford Slavonic Papers (Oxford). New Series. Vol. 17. 1984. P. 90—108.

6. Unpublished Texts of Nikolay Klyuyev. The Slavonic and East European Review (London). Vol. 63. No. 4. October 1985. P. 560—566.

7. Esenin, Klyuev, Klychkov, Oreshin and Shiryaevets: Rare and Unpublished Photographs. Russian Literature Triquarterly (Ann Arbor). No. 21. 1988. P. 191—204.

8. Nikolai Kliuev (1884—1937): Unpublished Letters. The Slavonic and East European Review (London). Vol. 67. No. 4. October 1989. P. 596—599.

К счастью, с годами на родине поэта стало возможно исследовать его жизнь и творчество обстоятельно и объективно. Появился целый ряд ценных работ таких авторов, как Александр Грунтов, Василий Базанов, Константин Азадовский, Александр Михайлов, Виктор Гарнин, Сергей Субботин, Людмила Киселёва и др. Следует отметить некоторые крупные публикации — издания стихов и прозы Ключева, и книги о нем:

Николай Ключев. Стихотворения и поэмы. /Вступительная статья В. Г. Базанова, составление, подготовка текста и примечания Л. К. Швецовой. Библиотека поэта, малая серия. Л., 1977;

Николай Ключев. Избранное: Стихотворения и поэмы. /Вступительная статья В. Г. Базанова. М., 1981;

Азадовский К. М. Николай Ключев: Путь поэта. Л., 1990;

Базанов В. Г. С родного берега: О поэзии Николая Ключева. Л., 1990;

Ключев Н.. Песнослов: Стихотворения и поэмы. /Составители, авторы вступительной статьи и комментариев С. И. Субботин и И. А. Костин. Петрозаводск, 1990;

Николай Ключев. Исследования и материалы. /Редактор-составитель С. И. Субботин. М., 1997;

Николай Ключев. Сердце Единорога: Стихотворения и поэмы. / Вступительная статья А. И. Михайлова. СПб., 1999;

Азадовский К. М. Жизнь Николая Клюева: Документальное повествование. СПб., 2002;

Николай Клюев. Письма к Александру Блоку 1907—1915. / Публикация, вводная статья и комментарии К. М. Азадовского. М., 2003;

Клюев Н. А. Словесное древо. / Вступительная статья А. И. Михайлова. СПб., 2003;

Венок Николаю Клюеву (1911—2003) . / Составление, предисловие, примечания С. И. Субботина. М., 2004;

Николай Клюев глазами современников. / Вступительная статья А. И. Михайлова. СПб., 2005;

Николай Клюев: образ мира и судьба/ Приложение к журналу «Вестник ТГУ». Томск, 2000. 224 с.

Азадовский К. М. «Гагарья судьбина» Николая Клюева. СПб, Инапресс. 2004. 199 с.

Николай Клюев: образ мира и судьба./ Сборник статей. Выпуск 2. / Ред.-сост. А. П. Казаркин, В. А. Доманский. Томск: Сибирика, 2005. 311 с.

Яцкевич Л. Г., Головнина С. Х., Виноградова С. Б. Поэтическое слово Николая Клюева. Вологда: Русь. 2005. 247 с.

Кравченко Т. А., Михайлов А. И. «Наследие комет: Неизвестное о Николае Клюеве и Анатолии Яре», М. — Томск, 2006;

XXI век на пути к Клюеву. / Составитель и научный редактор — Е. И. Маркова. Петрозаводск, 2006;

Нарымская поэма Н. Клюева «Кремль»: интерпретации и контекст./ Ред.-составитель В. А. Доманский. Томск: ТГУ, 2008. 221 с.

Николай Клюев: образ мира и судьба. Научный сборник. Вып. 3. / Отв. ред. В. А. Доманский. Томск: ТГУ, 2010. 240 с.

Николай Клюев: Воспоминания современников. / Ответственный редактор С. И. Субботин, вступительная статья Л. А. Киселевой. Москва, 2010;

Николай Клюев: образ мира и судьба. Научный сборник. Вып. 4. / Отв. ред. В. А. Доманский. Томск-Санкт-Петербург, 2013. 288 с.

Куняев Сергей. Николай Клюев. М.: Молодая гвардия, 2014. — 647[9] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1490).

Любому иностранцу трудно и самонадеянно оценивать всю глубину и изощренность творчества Николая Клюева. Его языковое и культурное богатство доступно лишь россиянам и их соотечественникам, да и из них совсем немногим:

От иконы Бориса и Глеба,
От стригольничьего Шестокрыпа
Моя песенная потреба,
Стихов валунная сила.

Кости мои от Маргарита,
Кровь — от костра Аввакума.
Узорнее аксамита
Моя золотая дума:

Чтобы Русь, как серьга, повисла
В моем цареградском ухе...
Притекают отары-числа
К пастуху — дырявой разрухе.

И разруха пасет отары
Половецким лихим кнутом,
Оттого на Руси пожары
И заплакан родимый дом...

И желанна великая треба,
Чтоб во прахе бериллы и шёлк
Пред иконой Бориса и Глеба
Окаянный поверг Святополк!⁸

ЛИТЕРАТУРА

1. Клюев Н. А. Сочинения. В 2-х т. Мюнхен, А. Neimanis Buchvertrieb und Verlag, 1969. /Под общей редакцией Г. П. Струве и Б. А. Филиппова.

Т. 1. Вступительные статьи Б. А. Филиппова и Гордона Маквэя. Комментарии Б. А. Филиппова. 571 с.

Т. 2. Вступительные статьи Генриха Штамлера, Эммауила Райса и Б. А. Филиппова. Комментарии и библиография Б. А. Филиппова. 503 с.

⁸ «От иконы Бориса и Глеба...» [1, т. 2, с. 238-239].

2. Ключев Н. А. Словесное древо. Проза / Вступ. ст. А. И. Михайлова; Сост., подгот. текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: Росток, 2003. 688 с.
3. Мариенгоф А. Б. Роман без вранья. Л., 1927. С. 155 с.
4. Наумов Е. Сергей Есенин: Жизнь и творчество. Л. : Учпедгиз, 1960. 280 с.

Елена КОЛОМИЙЦЕВА, Максим СКОРОХОДОВ

В.К. ЗАВАЛИШИН О КРЕСТЬЯНСКОЙ ПОЭЗИИ И ТВОРЧЕСТВЕ Н.А. КЛЮЕВА (ПО МАТЕРИАЛАМ БАХМЕТЬЕВСКОГО АРХИВА КОЛУМБИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)⁹

Вступительная статья и комментарии

Вячеслав Клавдиевич Завалишин, родившийся 13 октября 1915 г. в Петрограде, известен как журналист, поэт, литературный и художественный критик. Он прожил большую, насыщенную событиями жизнь, скончавшись в Нью-Йорке 31 мая 1995 г.

В фондах Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете (США, Калифорния) нами обнаружен «План воспоминаний» от 20 июня 1950 г. (машинопись с рукописной правкой), в котором Завалишин приводит краткие сведения о себе: «Окончил в 1939 году Ленинградский университет, я занимался изучением древнерусской литературы под руководством академика А. С. Орлова (умер в 1943 г.)¹⁰ и изучением древнерусской иконописи под руководством члена-корреспондента Академии наук СССР Д.В. Айналова¹¹. <...> Как корреспондент ТАСС, сотрудник “Ленинградской правды” и “Крестьянской правды” (орган Ленинградского обкома ВКП(б)) и ли-

---

⁹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 13-34-01017.

¹⁰ Александр Сергеевич Орлов (1871—1947), академик АН СССР.

¹¹ Дмитрий Власьевич Айналов (1862—1939), член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук.

тературный консультант журнала “Резец”, встречался с рядом писателей, художников, журналистов» [32].

Завалишин упоминает тех из них, о которых у него имеются интересные материалы, в том числе П. Н. Васильева, Б. П. Корнилова, О. Ф. Бергольц, А. П. Чапыгина, О. Э. Мандельштама, К. А. Мариенгофа (его он называет сыном С. А. Есенина и А. Б. Никритиной, которого усыновил А. Б. Мариенгоф), С. М. Эйзенштейна.

Во время Великой Отечественной войны Завалишин попал в плен. Согласно его собственным рассказам, «из плена бежал, проживал под чужой фамилией в Новгороде и Пскове. Был схвачен полевой жандармерией и отправлен в тюрьму СД в Двинске» [7, с. 264], затем в штрафной лагерь в Латвии. «Из лагеря удалось спастись, — вспоминает он, — благодаря митрополичьему экзарху Сергию (в миру Воскресенский)» [7, с. 265].

Находясь на временно оккупированной территории, Завалишин не только пишет статьи, но и занимается издательской деятельностью, в том числе принимает участие в издании в 1944 г. в Риге однотомного сборника стихов Есенина. Как пишет Н. Г. Юсов, «... до 5 августа 1944 г. в Риге в издательстве “Культура” вышел сборник Есенина “Избранные стихотворения”. Книга была издана под редакцией и со вступительной статьей “Жизнь и творчество Сергея Есенина” В. Казанского (псевд. Вячеслава Клавдиевича Завалишина)» [31, с. 233].

В то время Завалишин сотрудничает и в рижском издательстве «Русский вестник», выпускавшем тиражом 30 000 экземпляров журнал «Для всех». Именно Завалишин пишет предисловие и подбирает для публикации в мартовском номере (1944 г.) этого издания фрагменты «Страны Негодяев» Есенина¹². Отмечая, что произведение не завершено автором, в небольшом предисловии критик отмечает: «... по тем отрывкам и сценам, которые дошли до нас, мы можем утверждать, что в этом произведении — самое сильное, самое глубокое изображе-

---

¹² Об авторстве Завалишина свидетельствует, в частности, почти дословный повтор информации о том, что Есенин начал работать над поэмой после возвращения из Америки, куда ездил, сопровождая Айседору Дункан, а также о том, что на композицию этого произведения оказали значительное влияние авантюрные американские фильмы, которые смотрел Есенин (ср. рассматриваемое предисловие и главу о Есенине в исследовании Завалишина 1950-х гг. [22, с. 32—33].

ние пасмурных годов, расстрелянных революцией и мятежами. Неверно думать, что Номах бандит. Это вождь стихийного крестьянского бунта. Это мужик, который понял, что земля вырывается из-под ног его. Озверевшая ненависть к захватчикам толкает его на преступный путь. Но Есенин убедительно показывает, что те, усилиями которых большевизм приведен к власти, — негодяи, жестоко оскорбившие лучшие чувства народа. Вот почему Номах, смело объявивший им смертельный бой, не может быть признан разбойником, — в том смысле, в каком мы понимаем это слово. По замыслу Есенина, Номах должен поднять мятеж с целью сокрушить большевизм. Поэт создал яркий образ борца против Советов. Других образов противников коммунизма — такой же отваги и размаха — в мировой литературе нет. <...> “Страна негодяев” была опубликована в четвертом томе сочинений поэта и в журнале “Красная новь”, редактируемом Воронским. Книги эти изъяты из советских библиотек и достать их почти невозможно. Вот почему мы с радостью делаем “Страну негодяев” достоянием наших читателей» [5, с. 133].

В апрельском номере журнала напечатан «Пасхальный благовест» Есенина, в июньском под псевдонимом Вячеслав Казанский Завалишин публикует пространный очерк «Сергей Есенин. Жизнь и творчество» [9, с. 31—37].

Во второй половине 1940—х гг. Завалишин находится в Мюнхене, на территории, которую контролировали США. В 1950 г. он готовится к переезду в Америку. Об этом, в частности, свидетельствует его письмо от 2 ноября 1950 г., адресованное историку Б. И. Николаевскому [32]. В недатированном письме к тому же адресату, написанному, судя по содержанию, примерно в то же время, среди подготовленных им материалов Завалишин называет статью «Павел Васильев (жизнь и творчество)». В свою очередь Николаевский, общаясь с представителями гуманитарного фонда Б.А. Бахметьева, от имени фонда заказывает Завалишину материалы¹³ и оказывает крайне необходимую ему в то время финансовую поддержку.

Обнаруженные в фондах Гуверовского института документы свидетельствуют о неточности, допущенной В. А. Синкевич, которая

---

¹³ См., например, письмо Б. И. Николаевского к В. К. Завалишину от 15 апреля 1951 г. [32].

писала о переезде Завалишина в США в 1951 г. [26, с. 227]. Так, сохранилось письмо Завалишина Николаевскому, датированное 17 января 1952 г. и написанное еще в Германии, в транзитном лагере, в котором он ожидал отправки в Бремен и далее в Нью-Йорк [23]. Очевидно, на постоянное жительство в США Завалишин перебирается в 1952 г. И с этого времени на протяжении нескольких десятилетий в «Новом русском слове» (Нью-Йорк) регулярно публикует материалы о русских театральных постановках, концертах, книжных новинках, выставках и лекциях, сотрудничает в «Новом журнале» (Нью-Йорк).

Живя в Америке, Завалишин по-прежнему пишет о Есенине и Н. А. Клюеве. Так, он откликнулся на выход в нью-йоркском издательстве «Мост» «Плача о Есенине» Клюева. В рецензии он сравнивает творчество Есенина и близких ему по взгляду на мир современников. «Клюев, Клычков, Орешин, Васильев, — отмечает Завалишин, — находятся в очень сложной зависимости от обоготворенных ими вещей и предметов. Этим вещам и предметам они всегда подчиняют человека. У них на первом плане — хозяйство, а человек — на втором. Есенин же ставит во главу угла душу человеческую. Для крестьянских поэтов двадцатых годов важно творение в связи с творцом. Для Есенина важен творец в связи с творением.

Настоящий поэт — пишущий — постигает то, до чего не доходит даже самый умный и самый вдумчивый критик. То, что для Клюева — признак отступничества и то, о чем скорбит крестьянский поэт, на самом деле — очень большое достоинство Есенина. Этим достоинством — на наш взгляд — и объясняется исключительная популярность Есенина в современной России» [там же].

Вскоре после выхода в 1954 г. в Нью-Йорке двухтомника Клюева Завалишин отзывается на появление этого издания. Прежде всего он упоминает «Погорельщину», сообщает об ее истории и цитирует фрагменты. Взгляд на творчество Клюева совпадает с тем, который прослеживается в публикуемой ниже главе.

Высоко оценивает рецензент работу Б. А. Филиппова. «Клюев запрещен в современной России, — констатирует он. — Поэтому так трудно собрать воедино то, что написано большим национальным поэтом.

Тут надо отдать должное Борису Филиппову, составителю и редактору этого двухтомника; им блестяще выполнена сложная и кропотливая работа. Такой книги до сих пор не было ни в эмиграции, ни в Советской России.

Двухтомнику предпослана умная и обстоятельная работа Бориса Филиппова о жизни и творчестве Николая Клюева». Высказаны и замечания: «К тому месту работы, где идет речь о влиянии, которое оказано Клюевым на творчество Есенина, Заболоцкого, Васильева, следует добавить, что в поэмах Незлобина и “Лингаан” и “Еременин клад” чувствуется заметное воздействие Олонцкого поэта. К тому же Незлобин встречался с Клюевым в Сибири, когда Клюев был в ссылке.

На наш взгляд, Филиппов мог бы полнее и ярче указать на старообрядческую стихию в поэзии Клюева. Раскольничья стихия, как это ни парадоксально, сожгла революционные мотивы поэзии Клюева. Путь к воскрешению проходит через смерть. В сердце поэта кипит кровь старообрядцев, которые сжигали себя в срубах. Не революционные чувства, а мистический восторг самосожжения — вот чем сильны стихи Клюева о революции» [там же, 15 авз.].

Откликаясь на смерть А. Б. Мариенгофа, Завалишин вспоминает об имажинизме и Есенине [2], в небольшом очерке памяти С. М. Городецкого отмечает, что этот поэт оказал немалое влияние на некоторых своих современников и писателей последующих поколений, в частности, «мотивы противопоставления патриархальной Руси современной технической цивилизации были подхвачены тогдашними друзьями поэта — Клюевым, Есениным, Ширяевцем и, независимо от этих трех, Клычковым и Орешиним» [8].

В недатированной статье «Хождение по мукам (О писателях и ученых Ленинграда)» Завалишин пишет о том, что одной из причин ареста в конце 1920—х гг. историка М. Д. Присёлкова явилось то обстоятельство, что он «дал поэту Клюеву идею поэмы “Деревня”» [33].

Далее Завалишин рассказывает о выступлениях самого Клюева: «В период ожесточенной борьбы Иосифа Сталина с зиновьевской оппозицией в стан “уклонистов”, кроме ряда писателей и журналистов, попали и крестьянские писатели, как настороженные и подозрительные посланцы русской деревни.

Поэт Николай Клюев, например, выступил на одном из устроенных зиновьевцами митингов с такими стихами:

На ущербе красны дни
Наступают геенские, серные.
Зажигайте ж на башнях огни,
Стражи-друзи, товарищи верные!> [там же].

Среди славистов известна книга Завалишина «The Early Soviet Writers», выдержавшая два издания (New York, Frederick A. Praeger, Inc., Publishers, 1958 и 1970). Работа в фонде «Research Program on the USSR Manuscripts. 1950—1955» Бахметьевского архива Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) позволила установить местонахождение расширенного варианта этого исследования, написанного Завалишиным на русском языке. В папках названного фонда (box 48—51) хранятся разнообразные материалы, относящиеся к работе над книгой «Русская литература послевоенного периода (1917—1951 гг.)» [22, с. 9—11].

Подготовку этого фундаментального исследования Завалишин начал в середине 1940-х гг. в Германии — об этом свидетельствует Г. А. Глинка — автор рецензии на первое английское издание книги Завалишина. Глинка отмечает: «Основным объектом своих наблюдений В.Завалишин избрал советскую литературу. В продолжение последних двенадцати лет, сначала в Мюнхене и затем в Нью-Йорке, он упорно и добросовестно работал над историей советской литературы. И только теперь, наконец-то, ему удалось опубликовать первую часть своего большого труда в английском переводе. <...> Это первый том истории советской литературы, который в русском тексте занимал более восьмисот страниц. По предложению издательства, Завалишину пришлось сократить книгу почти наполовину.

Мне довелось познакомиться с текстом в его русском варианте. И прежде всего хочется отметить обилие документального материала и попытку автора по возможности объективной оценки каждого отдельного писателя и поэта» [24].

В папке 51 (box 51) фонда «Research Program on the USSR Manuscripts. 1950—1955» находится среди других материалов второй том,

первая часть которого «Судьбы крестьянских писателей» включает главу о Ключеве, которая приводится ниже¹⁴.

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

Еще до начала тридцатых годов на побережье Белого моря и в районе Олонецкого озера каким-то чудом сохранилась культура допетровской Руси. Россия XVII века вмерзла в быт тамошних староверов, как в ледяную глыбу.

Сосуществование двух русских культур — той, что зачата Петром и прославлена Пушкиным, и той, что восходит к Киевской Руси и теряет след в раскольничьих скитах, — было неоспоримым фактом, архаической реальностью.

Порой эти две культуры соприкасались, причем древнерусская обогащала первую, менее старую.

Поэзия Николая Ключева — лучшее доказательство этому.

Личность Ключева, и как человека и как поэта, во многих отношениях загадочна. Ключев любил распространяться о том, куда «уходит коренем» и где «закудрявлено ветвию» дерево его предков. Тут Ключев, мягко говоря, допускает поэтическое преувеличение. Со стороны отца его родословное дерево «уходит коренем» в самоедский чум. Отец Ключева — из крещенных инородцев, жителей поморского Севера¹⁵. Признаваться в этом Ключев не любил, но где-то в глубине души в нем жила глубокая привязанность к отчему чуму:

На закате плещут тюлени,
Загляделся в озеро чум...

---

¹⁴ Главы «Смысл крестьянской литературы» и «Сергей Есенин» см.: Современное есениноведение. 2014. № 29. С. 11—36.

¹⁵ Здесь нашли отражение легенды, существовавшие вокруг Ключева и часто возникавшие не без его участия. А. К. Грунтов, основываясь на изучении архивных документов, отмечает: «Алексей Тимофеевич родился в 1842 году. С 1862 года он отбывал воинскую повинность и дослужился за 15 лет до чина фельдфебеля. Вернувшись домой, взял в жены (не позднее 1881 года) девушку из старообрядческой семьи.

Метрическая запись говорит, что ко времени рождения сына Николая А. Т. Ключев был урядником. В 90-е годы он получил место сидельца в казенной винной лавке в деревне Желвачево Мокачевской волости Вытегорского уезда. Квартира Ключевых была при лавке» [4, с. 119]— коммент.

Златогорие мои олени, —
Табуны напевов и дум¹⁶ [19, с. 66].

Сам поэт как-то проговорился о пристрастии к лопарским сказкам: «Вам, люди, несущая я этот звон — отплески Медного Кита, на котором, по древней лопарской сказке, стоит Всемирная Песня», — пишет Клюев в предисловии к сборнику стихотворений «Медный кит»¹⁷ [19, с. 5].

Происхождение Клюева со стороны отца позволяет нам оправдать выбор им литературной позы: Клюев всегда носил высокую войлочную шляпу, какую зажиточные русские крестьяне носили в конце восемнадцатого и начале девятнадцатого века, поддевку или армяк, сафьяновые или хромовые сапоги, смазанные дегтем, вышитую русскую рубаху до колен и шелковый пояс с кистями. Подчеркивая древнерусский раскольничий покрой своего платья, Клюев хотел отвлечь внимание той литературной среды, куда он попал, от своего монголоидного лица и от своей монголоидной фигуры. Все-таки зазорно всем знать, что духовный возглавитель крестьянской интеллигенции и признанный глава крестьянских поэтов по происхождению — эскимос.

Что касается происхождения со стороны матери, то тут Клюев не допускал никаких легенд и преувеличений. Тут его родословное древо воистину «закудрявлено ветвием» в культуре Руси семнадцатого столетия.

Мать Клюева, подобно Ирине Федосовой¹⁸, причитания которой Некрасов с благодарностью принял в свое сердце и в свой стих, была профессиональной воппенницей, т. е. тем и занималась, что была воппенницей. Клюев очень высокого мнения о своей матери. Ему принадлежит «Песня о великой матери». Если принять во внимание, что причитания или плачи — отрасли древнерусской поэзии, то надо сознаться

---

¹⁶ «Долина единорога» — *примеч. В.К.Завалишина*. Здесь и далее библиографические отсылки, приведенные в соответствии с современными требованиями, даются по изданиям, на которые ссылается Завалишин (в том числе сохраняются упоминаемые им названия разделов сборников и циклов), в случае необходимости цитаты выправлены по этим источникам — *коммент.*

¹⁷ «Присловье»

¹⁸ Ирина Андреевна Федосова (1831—1899) — народная сказительница, жила в Олонецкой губ.; записанные от нее причитания Н. А. Некрасов использовал в поэме «Кому на Руси жить хорошо» — *коммент.*

в том, что Клюев здесь не сгущает красок. Большая и своеобразная воплощенная поэзия вырастила и воспитала большого и своеобразного поэта, творчество которого превратилось в плач о страданиях русской земли. Сын достоин матери и мать достойна сына.

«Мама в раю, — запоем веретенце,
Нянюшкой светлой младенцу-Христу»...
Как бы в стихи, золотые, как солнце,
Впрямь волхованье и песенку ту? [13, Кн. 2. С. 10].

Клюев пришел из культуры семнадцатого века в предреволюционную русскую поэзию, совместив достоинства и той и другой. Культура обеих России приобрела в его поэзии гармоническое равновесие с некоторым перевесом, правда, в сторону древнерусской культуры.

«Если отнять у Клюева крестьянство — у него вообще ничего не останется. Его духовный облик — подлинно крестьянский, притом — северно-крестьянский», — пишет Троцкий в книге «Литература и революция»¹⁹. В том, что Клюев крестьянский поэт, нечего сомневаться, это аксиома. Но его духовный облик древне-московский и притом раскольничий. Олонецкий край, северное крестьянство, только помогло поэту. Первый сборник Николая Клюева, изданный при содействии купца Сабашникова, называется «Сосен перезвон»²⁰. «Песнослов», сборник сочинений Клюева, и открывается этой первой книжкой. Дальнейшие свои стихи в «Песнослов» Николай Клюев расположил в хронологическом порядке и снабдил такими названиями: «Братские песни», «Радельные песни» (т. е. хлыстовские, ибо Клюев Давид хлыстовского корабля, т. е. песнотворец этой секты), «Лесные были», «Мирские думы» (написанные большей частью в период Первой мировой войны перед революцией), «Песни из Заонежья» и др. Из дальнейших, выпущенных Клюевым сборников, стоит отметить: «Ленин» (1924), «Медный кит», «Львиный хлеб», «Имба и поле», «Мать Суббота», «Четвертый Рим», «Плач по Сергее Есенине» <так!>.

---

¹⁹ Ср. у Л. Д. Троцкого: «Если отнять у Клюева его крестьянство, то его душа не то что окажется неприкаянной, а от нее вообще ничего не останется. <...> Клюев не мужиковствующий, не народник, он мужик (почти). Его духовный облик подлинно-крестьянский, притом северно-крестьянский» [29, с. 47] — *коммент.*

²⁰ Данные сведения не находят подтверждения — *коммент.*

Клюев автор поэм: «Заозерье», «Деревня», «Погорельщина» (написаны в 1925—33 гг.) [28]²¹. «Деревню» поместил журнал «Звезда», из-за чего главного редактора сняли с работы со строгим выговором по партийной линии²². «Заозерье» помещено в сборнике ленинградских поэтов. После «Двенадцати» Александра Блока «Погорельщина» — самое высокое достижение русской послереволюционной поэзии. Ни один журнал не решился эту вещь напечатать, и она известна только по рукописным спискам. Один такой список²³, точность которого не вызы-

---

²¹ Поэмы «Заозерье» и «Деревня» написаны в 1926 г., «Погорельщина» — в 1928 г. — *коммент.*

²² В 1927 г. в редакционную коллегию журнала «Звезда» входили: Л. Горохов, А. Зонин (№ 1—3), Р. Ковнатор, П. Петровский (он же — ответственный редактор), Г. Ржанов, А. Стецкий. В майском номере за тот же год было опубликовано стихотворение Клюева «Юность». Таким образом, приведенные Завалишиным сведения не находят подтверждения — *коммент.*

²³ О судьбе этой копии поэмы «Погорельщина» написал сам Филиппов: «2 мая 1953 года я получил письмо от известного литературоведа проф. Глеба Петровича Струве: “Я, кажется, нашел для Вас ряд *неизданных* стихотворений Клюева”... У профессора Этторе Ло-Гатто (Рим) оказались рукописи Клюева. Во время своего пребывания в России, куда проф. Ло-Гатто несколько раз ездил, он подружился с поэтом, и Клюев “доверил ему свои неизданные стихотворения с просьбой опубликовать их после его, Клюева, смерти”. При любезном содействии Г. П.Струве, мною были получены от проф. Э.Ло-Гатто копии трех рукописей Клюева: поэм: “Деревня” <...>; “Заозерье” <...> и “Погорельщина” — полный текст с авторским пояснителем» [20, с. 112]. Здесь и далее выделено в цитируемых источниках).

В ответном письме от 11 мая 1953 г. Филиппов сообщает: «Теперь о самом последнем Вашем письме, очень меня обрадовавшем: о НЕИЗДАНЫХ стихотворениях КЛЮЕВА, хранящихся у проф. Этторе Ло Гатто. Очень буду и Вам, и ему благодарен, если он пришлет их мне ВСЕ. Все неизданное опубликовать можно и в “Новом журнале”, который платит по 35 центов за строку стихов — может быть, выторгуя и 40 центов, я уже вел с ними переговоры на эту тему, — и в чеховском собрании, которое готовлю я. С чеховцами тоже договорюсь, но если они не согласятся, выделю соответствующий процент из моего гонорара» (Hoover Institution on War, Revolution and Peace. G.P.Struve Collection. Box 83. Folder 13). В письме Филиппова от 18 мая 1953 г. — вновь напоминания о необходимости получения клюевской поэмы: «Спешу ответить Вам о “Погорельщине”: ради Бога, напишите Ло-Гатто, что она ОЧЕНЬ нужна. У меня только разрозненные строчки из этой замечательной поэмы. Опубликуем ее и в “Новом журнале”, и в книге Клюева. Буду и Вам, и Ло-Гатто бесконечно благодарен. “Погорельщина” — самое значительное из оставшихся (не уничтоженных вместе с архивом писателя в НКВД) вещей Клюева. Она ходила в списках, один из списков был у Иванова-Разумника, но исчез после его смерти» (Там же). В письме от 28 мая 1953 г. — вновь упоминания «Погорельщины».

В письме Филиппова от 12 июня 1953 г. уже звучит уверенность, что материалы будут получены и введены в научный оборот: «Начинаю с огромной благодарности Вам за помощь в деле получения “Погорельщины” и других материалов Клюева от проф. Ло-Гатто. Ему я также крайне признателен за согласие предоставить клюевские материалы для издания. С нетерпением жду их. Конечно, нужны не только “Погорельщина”, но и все другие стихи Клюева, имеющиеся у Ло-Гатто в рукописях. Полагаю, что они не опубликованы» (Там же). 23 июля Филиппов получил от Ло-Гатто материалы Клюева. 25 июня он сообщил Струве: «Получил и “Заозерье” с “Деревней”, и, позавчера, “Погорельщину”. Огромное спасибо за них и Ло-Гатто, и Вам. “Деревня” у меня имелась — она была опубликована в “Звезде”, 1927, ном. 1. Но получение рукописи от Ло-Гатто — через Вас — было очень важно: в тексте Ло-Гатто оказались пропущенные в журнальной публикации 4 строчки. Ошибки и описки исправил, сообщу о них дальше. “Заозерье” было опубликовано в середине двадцатых годов <...> Но “Погорельщина” — это, может быть, вообще самая интересная вещь не только Клюева, а всей послереволюционной русской поэзии. Очень сложная, перенасыщенная образами, но благоуханная и драматическая. Из нее я знал отдельные строчки, что и позволило выправить несколько мест — исправления ничтожные, но не основанные на памяти, а на небольших цитатах из поэмы в романе Н. Брыкина и др. статьях и очерках. Поэма ходила в списках, и Брыкин взял для своего “Стального Мамая” эпиграф именно из “Погорельщины”. Встречаются небольшие цитаты и еще кое в каких статьях и очерках. Но как важно было получить полностью поэму! Конечно, в случае журнальной публикации ее нужно печатать ТОЛЬКО со статьей Ло-Гатто. А почему бы ему вообще не написать статью о знакомстве с Клюевым? Эту статью, полагаю, напечатали бы охотно. Думаю, что Вы правы, и лучше “Погорельщину” поместить прямо в книге, не предваряя ее опубликование в клюевском собрании журнальным ее опубликованием: для издательства это — козырь. Деньги за перепечатку (около 5 долларов) буду придерживать, как Вы мне пишете, здесь, и вышло их или равноценную книгу по первому требованию. <...>

Корректуру “Погорельщины”, конечно, пошлем Ло-Гатто, но “Деревню” — не следует, думаю, посылать, т. к. различия с печатным текстом, за исключением указанных выше пропущенных 4 строк, только пунктуационные. И упоминание о Ло-Гатто, и благодарности ему за доставление материалов, и все остальные необходимые атрибуты не только обычной вежливости, а действительной и горячей благодарности ему в книге, конечно, будут. О гонораре буду заботиться тоже <...>. Очень хотелось бы видеть и статью Ло-Гатто о знакомстве с Клюевым и обстоятельствах передачи ему поэтом рукописей. Скоро вышло Вам копии и “Погорельщины”, и “Заозерья”, и “Деревни”. <...> Еще и еще раз спасибо за Клюевские “Погорельщину” и “Заозерье” с “Деревней”! Поблагодарите от моего имени профессора Ло-Гатто. Исправления — на особом листе» (Там же). Отдельная машинописная страница, приложенная к письму, — «Описки в рукописях Клюева» — «Деревне», «Заозерье» и «Погорельщине». Внизу этого листа информация: «Посылаю Вам копию “Погорельщины”» (Там же). 2 июля Филиппов спрашивает: «Получили ли Вы посланные Вам копии “Заозерья” и “Погорельщины”...» (Там же). В архиве Струве хранится отпуск машинописи

вает недоверия (отдельные незначительные ошибки не в счет), находится у Бориса Филиппова²⁴ в Нью-Йорке.

«Погорельщины» и «Пояснителя» (Hoover Institution on War, Revolution and Peace. G.P.Struve Collection. Box 97. Folder 9).

9 июля Филиппов вновь обращается к клюевской теме (хотя теперь большую часть писем занимают материалы, связанные с подготовкой издания Мандельштама): «Получил Ваше письмо от 6 июля. Спасибо за справку об опечатках. Публиковать нужно будет, конечно, без явных описок и опечаток» (Там же).

С изданием собрания Клюева происходит некоторая заминка, и только 27 января 1954 г. Филиппов радостно сообщает своему корреспонденту: «... помимо обычных дел по зарабатыванию хлеба насущного нужно было кое-что завершить по Клюеву. На прошлой неделе подписал контракт, и скоро надеюсь получить деньги. Дали мне 750 долларов и... только три авторских экземпляра. Профессору Ло-Гатто не удалось провести 100 долларов за “Погорельщину”, но я ему все равно их пошлю из моего гонорара. Это я пишу только Вам, ради Бога ничего об этом не пишите Гектору Доминиковичу. Как только получу деньги — пошлю ему его гонорар. Мне не хотелось бы, чтобы он плохо думал о русских и их издателях — пусть думает, что это от издательства: сто долларов» (там же). Затем подготовка двухтомника Клюева была задержана уже составителем — в Британском музее был обнаружен «Львиный хлеб» — «единственный сборник Клюева, которого мне не доставало (часть стихотворений этого сборника я разыскал в других книгах поэта и журнальных публикациях). Заказал через Чеховское изд-во фотостаты, и задержал набор <...>. Но, думаю, если не в июне, то в июле оба тома ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ (теперь уже действительно “полного”) выйдут из печати» (Там же). В письме от 12 апреля 1954 г. — информация о том, что собрание Клюева окончательно сдано в типографию. Вероятно, собрание вышло в начале июля 1953 г., поскольку в письме от 25 июля Филиппов пишет о том, что экземпляры, в том числе Ло-Гатто, были отправлены две недели назад — *коммент.*

²⁴ Отметим, что Б.А. Филиппов (наст. фамилия — Филистинский) проявлял значительный интерес к творчеству Есенина, Клюева и поэтов их окружения в течение многих десятилетий. Так, например, 1 июня 1943 г. в газете «За свободу», выходившей в Пскове на временно оккупированной фашистами территории, опубликован его очерк «Поэты — жертвы большевизма», в котором основное внимание уделяется даровитым поэтам — представителям «русской национальной школы, так называемой “крестьянской плеяды”, или “мужиковствующих”, — как их презрительно называли футуристы», — Клюеву, Есенину и П. И. Карпову [30, с. 2].

В статье «Русская песня: Отражение души и гения русского народа» Филиппов вновь касается творчества названных выше авторов. «Разымчивая и широкая, как русские просторы; полнозвучная, как полноводные русские реки; то буйно-веселая, как загулявший мужик, то протяжно-унылая, как тоска рекрута или невесты, идущей за нелюбимого, — песня русская чарует душу размашкой и глубиной, высокой духовностью и безудержным разгулом. Песня бесконечна, как русские, убегающие в вечность дороги <...> Из сокровищницы народной песни черпали полными пригоршнями самоцветы и золотые монеты Держа-

О своих первых шагах в литературе Клюев пишет так:

Прихожу. Вижу избы — горы.
На водах — стальные киты...
Я запел про синие боры,
Про Сосновый Звон и скиты²⁵ [19, Кн. 2, с. 66—67].

Первые сборники Клюева имеют двойственные истоки: с одной стороны ранний Клюев вышел из лирического плача, духовного стиха и раскольничьих песнопений, с другой стороны — из поэзии Александра Блока. Вот стихотворение Клюева, где Блок слышится довольно отчетливо:

Но ты во век неуязвима,
Для смерти яростных зубов,
Как мать, как женщина, любима
Семьей отверженных сынов²⁶ [18, Кн. 1, с. 26].

Клюев высоко ценил Бунина, стремившегося к точности, ясности и реалистической конкретности пейзажа. Клюев по-хозяйски облюбывал бунинский метод единения настроения с реалистической точностью описания и перенес этот метод в свой северно-русский пейзаж с его молитвенной красотой. У Клюева оригинальный подход к природе:

Хороша лесная родина:
Глушь, да поймища кругом!..
Прослезилася смородина,
Травный слушаая псалом²⁷ [18, Кн. 1, с. 123].

вин, Катенин, Пушкин, Языков, Кольцов, Лермонтов, Вячеслав Иванов, Блок, Клюев, Есенин и многие, многие другие. <...> На наших глазах “пошли в народ” многие песни Есенина» [30, № 259, с. 4].

В статье «Взыскание града невидимого», в которой говорится о легендарном озере Светлояр и о граде Кияже, вновь заходит речь о Клюеве: «И бредут ко граду странники, взыскующие Града Божия, града невидимого, правды Божией. И бредут нищие, и безродные, голодные и холодные, алчущие телесной и духовной пищи. И находят ее, и успокояется их душа. Такой видел Русь и град незримый великий песнопевец нашей Родины — Римский-Корсаков. Такой видели их Нестеров, Клюев, безымянные народные певцы и сказители» [25, № 8. 10 июня, с. 5] — *коммент.*

²⁵ «Долина Единорога»

²⁶ «Сосен перезвон».

²⁷ «Лесные были»

Для Клюева нет разницы между северно-русским лесом и северно-русской часоventкой, между северно-русским заливным лугом и скатертью в северно-русской горнице. Бог также добротен, по-хозяйски срубил природу, как северно-русский крестьянин срубил собственный дом.

Сегодня в лесу именины,
На просеке пряничный дух,
В багряных шугаях осины
Умильней причастниц-старух.

Пышной кулича муравейник,
А пень, как с наливкой бутылъ [там же, с. 202].

Северно-русский крестьянин умеет мечтать. Но мечта его не обращена к будущему, а перевернута к прошлому, опрокинута в Киевскую и Московскую Русь. Живет такой мужик в какой-нибудь лесной хатенке, водит компанию с елями да соснами. В то же время он поет былины о стольном граде Киеве, о златоглавых соборах, о скатных жемчугах древнерусских красавиц. Если это «богачество» не стало достоянием его жизни, то стало достоянием мечты. И северно-русский крестьянин также привязан к былине, как к своей сети или баркасу. И без того и без другого он не может жить.

Клюев считал себя собственником северно-русской мечты и имел на то законное наследное право. Поэт подчас видел деревню, вброшенной не в северно-русские леса, а в златокрылатую мечту:

В избах и барках ловецких
Пляска сидонских ковров!..
Тянет от пущ соловецких
Таборным дымом стихов [15, с. 35].

Тут реальность поворачивается к мечте. А вот мечта, повернутая к реальности:

В селе Красный Волок пригожий народ,
Лебедушки девки, а парни, как мед.
В моленных рубахах, в беленных портах,
С малиновой речью на крепких губах... [13, с. 22].

Надо видеть, как северно-русский крестьянин справляет праздники. Праздничная одежда у него должна обязательно отличаться от будничной. При этом высшим признаком хорошего тона — надеть в воскресный день или в престольный праздник ту одежду, которая сберегается в сундуках целое столетие, а то и ряд столетий. Нередко у поморских крестьянок и у олонецких поозеров находили сарафаны пятнадцатого, шестнадцатого века. Олонецкие мужики на Пасху появлялись в моленных в боярских или стрелецких шапках. В приведенном нами стихотворении Клюева напрасно усматривали утопию. Это просто северно-русская деревня в праздничный день, пришедшая в гости в московскую Русь семнадцатого века.

Перелом в поэзии Клюева связан с революцией и войной. Клюев — принципиальный антипораженец: он за войну до полной победы. Почему-то Клюев был уверен, что если с немцем помириться, он не утихомирится, а снова нападет на Россию. «У немца тьма-тьмущая машин, а жрать этим идолам нечего: вот и повернулись к светлой России за сырьем».

Не косить детине пожен,
Не метать крутых стогов,
Кладенец из красных ножен
Он повынул на врагов. <...>
У детины кудри — боры,
Грудь — Уральские хребты,
Волга реченька — оборы,
Море синее — порты²⁸.

Тут Клюевым применена мастерская гармонизация частушки. Частушка в его руках перестала быть чем-то низким, третьесортным, а заиграла и заискрилась, как самоцвет:

Придорожну скатну ягоду
Топчут конник, пешеход, —
По двадцатой красной осени
Парня гонят во поход²⁹ [18, Кн. 1, с. 309].

²⁸ «Русь». Цитата взята из: Волков А. Поэзия русского империализма. М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1935. С. 157 и 158 — *примеч.* В. К. Завалишина. Вероятно, для Завалишина был недоступен сб., в котором опубликовано произведение. [17, с. 28] — *коммент.*

²⁹ «Песни из Заонежья»

Кажется, в этот период Клюев впервые ввел в свою поэзию мотивы северно-русских плачей, с которыми он уже не расставался до последних дней. И тут Клюев не постеснялся признаться в своей привязанности к Некрасову, чего он раньше как-то стыдился. Когда один поэт использует достижения другого поэта, то он не становится рабом чужих мотивов, если творчески окреп, достиг независимости и зрелости. В таком случае чужое служит подсобным материалом для созидания нового, самостоятельного, самобытного. Так случилось и с Клюевым:

На завалинах рать сарафанная,
Что ни баба, то горе-вдова;
Вечерами же мглица багряная
Поминальные шепчет слова³⁰ [Там же, с. 211].

Клюев выступает в роли утешителя вдов и сирот, но он утешает их, доказывая им, что солдатская смерть и солдатская кровь необходимы для сохранения жизни нации.

Еще перед войной Клюев отдал дань революционным настроениям, объявив о сочувствии эсерам. Эсеровские нотки звучат и в стихах поэта:

В час зловещий, в час могильный
Об одном тебя молю:
Не смотри с тоской бессильной
На восходную зарю.

Новерна словам
Слезы робости утри,
И на проблески рассвета
Торжествующе смотри.

Не забудь за далью мрачной,
Средь волнующих забот,
Что взошел я новобранно
По заре на эшафот...³¹ [21, с. 71].

В революционных стихах Клюева, как это ни парадоксально, религиозная идея сожгла гражданские чувства. Путь к воскрешению прохо-

---

³⁰ «Мирские думы»

³¹ «Завещание»

дит через смерть. Надо радоваться самым тяжким мукам, потому что они ведут в жизнь вечную. Тут в Клюеве заговорила древняя раскольничья стихия. Стихия самосожжения. В сердце поэта стала стучать кровь старообрядцев, которые сами сжигали себя в срубах. Не революционные чувства, а лирический восторг самосожжения — вот чем сильны революционные мотивы поэзии Клюева.

Русская революция повлияла на Клюева так же, как и на всех крестьянских писателей, независимо от размаха и размеров дарований: поэт перерос самого себя. Им совершен прыжок в высокое мастерство. Объясняется это порывом к самоутверждению и надеждой на самоутверждение.

Народно-крестьянскую революцию Клюев сразу, без всяких обиняков и разговоров, признает своей:

«Безответным рабом
Я в могилу сойду,
Под сосновым крестом
Свою долю найду».

Эту песню певал
Мой страдалец отец,
И в наследство отдал
Допевать мне конец.

Но не стоном отцов
Моя песнь прозвучит,
А раскатом громов
Над землей пролетит.

Не безгласным рабом,
Проклиная житье,
А свободным орлом
Допую я ее [16, с. 24].

Разгром помещичьих усадеб кажется Клюеву весьма нужным и законным мероприятием. Ленинский лозунг «Грабь награбленное» — ему определенно пришелся по душе.

Обожимся же, братья, на яростной свадьбе
Всенародного сердца с Октябрьской грозой,
Пусть на полке Тургенев грустит об усадьбе,
Исходя потихоньку бумажной слезой! [15, с. 9].

К пролетарско-матросской революции в городах Ключев отнесся настороженно, но не без сочувствия: «пусть ребята стараются, пусть дворцы разрушают, лишь бы наших хат не трогали». И Ключев считает своей обязанностью похлопать пролетария по плечу, даже напомнить, что все мы братья. Но делается это с целью напомнить пролетарию, что мужик берет его под защиту не зря. В городах распоряжайся, а в деревне не мешай. Эти хозяйственно предохранительные нотки Ключев странным образом сочетает с религиозными мотивами.

Из подвалов, из темных углов,
От машин и печей огнеглазых
Мы восстали могучей громов,
Чтоб увидеть все небо в алмазах,
Уловить серафимов хвалы,
Причаститься из Спасовой чаши!
Наши юноши — в тучах орлы,
Звезда задумчивей девушки наши [16, с. 53].

Это опять-таки не революция. Это скорее лирическое воспоминание о расколе. Ключев не может быть иным; как только художник перевешивает в нем публициста, в Ключеве пробуждается или раскольник-самосожженец, или раскольник, слушающий Никиту Пустосвята³² на какой-нибудь площади Москвы семнадцатого столетия.

Старообрядцы бережно хранят в памяти легенды о Беловодье, о земном рае. Ключев и хочет видеть в русской революции сошествие Беловодья в русскую жизнь.

Пробудился Народ-Святогор, <...>
Ставьте ж свечи Мужичькому Спасу! [13, с. 6-7].

---

³² Никита Пустосвят — наст. имя и фамилия — Никита Константинович Добрынин (казнен в 1682 г.) — священник, последовательный противник церковной реформы патриарха Никона, один из наиболее ярких представителей движения раскольников — *коммент.*

Пролетела над Русью Жар-птица,
Ярый гнев зажигая в груди...
Богородица наша Землица —
Вольный хлеб мужику уроди! [там же, с. 5].

Крестьянские восстания и большевистская с ними расправа отрезвили Ключева. «Шабаш празднику. Начинаются суровые похмельные будни». И тут Ключев остается верен гуманитарной тенденции крестьянской литературы. Пора убить в человеке зверя. Не надо невинной крови. Не надо жестокостей. За труд надо приниматься с любовью.

В желтухе Царь-град, в огневице Калуга,
Покинули Кремль Гермоген и Филипп,
Чтоб тигровым солнцам лопарского юга
Сердца врачевать и молебственный хрип³³ [19, Кн. 2. с. 241].

В народно-крестьянской революции Ключеву уже слышится «грохот обвала»:

Россия плачет пожарами,
Варом, горючей золой,
Над перинами, над самоварами,
Над черной уездной судьбой³⁴ [15, с. 40].

Муравьиные, косные силы
Гасят песни и пламя знамен... [там же, с. 38].

Революция вбросила в мир злое начало. Из зла ничего путного не выйдет. Зло надо укрощать, а не выращивать (в самом начале революции Ключев выражает желание увидеть дьявола в образе покорной, смирившейся овцы). Торжество злого начала Ключев объясняет падением религиозности. Главным виновником этого падения Ключев считает не большевизм, а патриарха Никона и тех иерархов православной церкви, которые в течение трехсот лет были наследниками и преемниками:

Церквушка же в заячьей шубе
В сердцах на Никона-кобеля: —

---

³³ «Красный рык»

³⁴ «Огненный лик»

От него в заруделом срубе
Завелась скрипучая тля!³⁵ [20, Т 2., с. 100].

Личность Ленина Ключева интересует прежде всего с религиозно-мистической стороны. Для Ключева Ленин — это протопоп Аввакум без Христа в сердце. Ленин — воплощенное русское святотатство. Но в этом еретике и богохульце течет отравленная кровь старообрядческих пророков. Отравленная, но все-таки пророческая.

Почему Россия выдвинула такого человека, как Ленин? Сам Ключев теряется. Кто Ленин такой? Пророк или антихрист? В том, что в России могли появляться такие натуры, как Ленин, Ключев видит дьявольский результат поражения раскола. Начало русской катастрофы, по Ключеву, надо искать не в октябрьской революции, а в расколе.

Ключев в своих стихах о Ленине старается как бы ударить православное духовенство по самым больным местам: «Не хотели в свое время протопопа Аввакума с Христом в душе, — так получайте протопопа Аввакума с трупным ядом марксизма в мозгу. Ленин не дьявольское, а ваше порождение, господа православные коноводы».

Итак, Ленин, по Ключеву, протопоп Аввакум без Христа в сердце, но с Марксом в мозгу. Но в душе Ленина где-то есть подспудный божественный глагол, и трагедия красного водителя России в непрерывном разладе и подчас обостренных конфликтах между мозгом и сердцем. В этом причина непрерывных метаний вождя от зла к добру и от добра ко злу.

Есть в Ленине Керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в Поморских Ответах³⁶ [19, Кн. 2., с. 230].

И тут Ключев не упускает случая уязвить православие.

Мужицкая ныне земля
И церковь — не наймит казенный,
Народный испод шеvelя
Несется глагол краснорзвонный. <...>

³⁵ «Заозерье»

³⁶ «Ленин».

Борис, златоордный мурза,
Трезвонит Иваном Великим,
А Лениным — вихрь и гроза
Причислены к Ангельским ликам [там же, с. 5].

То, что судьба России попала в руки такого человека, как Ленин, внушает Ключеву тревогу и беспокойство. В наши дни мозг всегда довлеет над сердцем.

Есть в Смольном потемки трущоб
И привкус хвои с костяникой,
Там нищий колодовый гроб
С остатками Руси великой [там же, с. 6].

НЭП Ключев встретил со вздохом облегчения. Слава Богу, ленинское сердце взяло мозг под контроль. Интересно, что Ключев, который был далек от Ленина, кое в чем сходится с Бухариным. Бухарин видел в Ленине доброго по натуре человека, которого рассудок и железная логика сделали планетарно жестоким, безжалостным, беспощадным. Подобно Ключеву Бухарин дает в одной из своих статей несколько иконописный, сусально-лубочный образ Ленина, но эта мысль стоит того, чтобы к ней прислушаться: «... было у Ленина какое-то неведомое шестое чувство, которое позволяло ему чутким ухом прислушиваться, как растет под землею трава, как бегут и журчат подземные ручейки, какие думы, какие мысли бродят в головах бесчисленных тружеников земли» 37[1]. Самым серьезным качеством Ленина Бухарин считал ленинское умение угадывать биение пульса крестьянской жизни.

Смерть Ленина вызвала у Ключева панику и страх. После смерти Ленина наступит «черное царствие Малюты». Малюта все-таки был палачом при царе, а что получится, если новый Малюта сам на престол взойдет? Вот почему Ключев так иступленно оплакал смерть Ленина.

Ленин на эшафоте,
Два траурных солнца зрачки.
Не спроста журавли на болоте
Изнывают от сизой тоски³⁸ [15, с. 38].

³⁷ У Завалишина источник цитаты не указан — *коммент.*.

³⁸ «Ленин».

Еще в двадцать четвертом году Клюев высказал убеждение, что НЭП будет погребен, и могильщики НЭПа схоронят вместе с кратковременной весной ленинское сердце, подняв над Россией, как факел, ленинский мозг. Будущее мерещится Клюеву в самых мрачных красках.

На ущербе красные дни,
Наступают геенские, серные...³⁹ [19, Кн. 2., с. 228].

НЭП угасает постепенно. Но лесной пожар надо предугадать, когда вспыхивает одно дерево, а не когда весь лес претворяется в костер:

Нам красная гибель соткала покровы...
Слезинка России застынет луной... [15, с. 43].

В царской России был один писарь на несколько деревень. Теперь на мужика насядут по несколько писарей на несколько изб. Малюте нужна армия приказных строк:

Чернильные будни в комиссариате,
На плакате продрог солдат,
И в папахе, в штанах на вате,
Желто-грязен зимний закат. <...>

Вспыхнет закат-папаха,
Озарит потемки чернил,
И лагунной музыкой Баха
Зажурчит безмолвье могил [там же, с. 49-50].

Годы НЭПа для Клюева были годами экспериментальных опытов над формой стиха. Был у Клюева период, когда он, оставаясь крестьянским поэтом, превратился в то же время в новатора, который ни на кого не похож. Эксперименты Клюев производил над фольклором и оставался, как всегда, верен себе. Поэт вел себя, как умный зажиточный крестьянин, который после долгих раздумий приобретает локомобиль или молотилку последнего образца. Прежде чем купить, надо подумать и крепко подумать, будет ли эта машина выгодна для хозяйства.

Новая форма понадобилась Клюеву для нового содержания, для передачи надтреснутого и гибнущего крестьянского быта.

³⁹ «Красный рык»

Древо песен бурею разбито, —
Не Триодь, а Каутский в углу.
За окном расхлябанное сито
Сеет копать, изморозь и мглу⁴⁰ [16, с. 65].

Представьте себе человека, художника, который хочет изобразить землетрясение, но не тогда, когда на земле установился покой, и не тогда, когда о том, что было, можно судить по развалинам, а тогда, когда земля еще в преддверии обвала. Такой художник должен не только воспроизвести вещь, но и передать экспрессивную силу движения. Можно воспроизвести вещи в момент падения, охваченные нервной дрожью и страхом.

Именно таким представляется позднему Клюеву северно-русский край. Природа, церкви, крестьянские избы как бы претворяются стихотворным ритмом в излом молнии. Русь влетает в пожар. Русь влетает в смерть.

Уму — республика, а сердцу — Матерь-Русь.
Пред пастью львиною от ней не отрекусь.
Пусть камнем стану я, корягою иль мхом, —
Моя слеза, мой вздох о Китеже родном,
О небе пестрядном, где звезды — комары,
Где с аспидом дитя играют у норы,
Где солнечная печь ковригами полна
И киноварный рай дремливее челна... [там же, с. 57].

Преданность прошлому у Клюева сочетается с озлоблением на машинный мир. Поэт одержим неприязнью к технической цивилизации. Можно ли видеть в этом панический страх дикаря перед той силой, которая недоступна его уму и пониманию? Можно ли видеть в этом луддитский заквас, на котором, по мнению многих, как на дрожжах возшло то направление крестьянской литературы, какое большевики называют кулацким. Дать на эти вопросы положительный и безоговорочный ответ — значит рассуждать упрощенно.

Клюев как-то высказал, что в технической цивилизации ему претит всерьез только одно: стандартизация. Когда мужик делает рыбачью

---

⁴⁰ «Медный кит»

лодку, то он может это делать и с любовью и без любви, с ленцой и с усердием. Во всех случаях настроение скажется в его работе. Не то в машине, сделанной по стандартному образцу. Стандарт все нивелирует, все сводит к холодному безразличию.

На морозном стекле Менделеев
Выводит удельный вес, —
Видно, нет святых и злодеев
Для индустриальных небес⁴¹ [19, Кн. 2, с. 217].

Дайте такие машины, из которых одна не походила бы на другую. Убейте в технике стандартизацию и тогда технику можно, пожалуй, принять.

Во-вторых, Клюев озлоблен на технику за то, что в России монопольные собственники ее — сплошь коммунисты. Не будь у большевиков техники — ни за что не позволил <бы> мужик запрячь себя в колхозное ярмо. У мужика обреза, у большевика — артиллерия. У мужика — кастет да осиновый кол, у большевика — винтовка и пулемет. Клюев часто переносит ненависть к коммунизму на технику, ибо в России единственным хозяином техники является коммунистическая партия. Эту особенность отношения Клюева к технической цивилизации нельзя не брать в расчет. Тут мы имеем дело, скорее, с антибольшевизмом, чем с антиурбанизмом. Во всяком случае, в творчестве Клюева антиурбанизм — производная величина от антикоммунизма. Многие совершенно напрасно полагают обратное.

Если в годы НЭПа в экспериментальных стихах Клюев изображал Русь в период землетрясения, то позднее поэт изображает Русь после грозы. Во всех случаях поэт обгоняет время, предчувствуя то, что должно произойти. Последний период творчества Клюева начался с XV съездом большевистской партии и окончился изгнанием поэта из литературы. Клюев умер в 1940 году от тифа на пути в Москву, куда ему разрешили вернуться⁴².

---

⁴¹ «Республика»

⁴² Последняя страница машинописи утрачена. Вероятно, автор дорабатывал часть, связанную с гибелью Клюева, уточняя время и обстоятельства его кончины. В сокращенном издании исследования Завалишина, вышедшего на английском языке, как время смерти поэта указан уже не 1940-й, а 1937 год.

В последнем периоде творчества Клюев достиг исключительного совершенства в гармонизации северно-русских причитаний.

Из того, что им создано, к лучшему относят поэмы «Деревня» и «Погорельщина». В «Деревне» Клюев как бы вводит нас в Россию, которая стоит у преддверия коллективизации:

На деревню привезен трактор —
Морж в людское жилье.
В сельсовете баяли: «Фактор,
Что машина... Она тое...» <...>
Только видел рыбак Кондратий,
Как побережем, не глядя назад,
Утопиться в окуньей гати
Бежали березки в ряд. <...>
Только ласточки по сараям
Разбили гнезда в куски.
Видно, к хлебушку с новым раем
Посошку пути не легки!⁴³ [11, с. 128]

Клюев как бы стоит на высокой колокольне, откуда ему видна вся земледельческая Россия и то, что с ней сбудется через десятки лет. Поэт видит разоренные деревни, оскудевшие поля, утомленные и угасшие лица крестьян. Эта безотрадная картина вызывает в Клюеве переход от страха к гневу. Поэт выражает надежду, что мужику удастся «снести бородой новое татарское иго».

Будет, будет русское дело, —
Объявится Иван Третий
Попрать татарские плети... [там же, с. 126]

В «Погорельщине» та же картина приобретает еще более широкий, еще более дерзновенный размах. Вся поэма построена, как скорбный плач о том, [что принесла революция. Поэма была известна советским читателям: ходила в списках, поэт читал ее в частных домах и на нелегальных собраниях. В поэме Клюев приходит к великой трагической простоте:

Судя по сохранившимся сноскам к утраченной странице, Завалишин цитировал «Погорельщину» — *коммент.*

⁴³ «Деревня».

Горыныч с запада ползет
По горбылям железных вод! [19, Кн. 2, с. 134].

.....
Не ты ли, Пашенька⁴⁴, в сугробе,
Как в неотпетом белом гробе,
Лежишь под Чертовой Горой?!
Разбиты писанные сани,
Издох ретивый коренник... [19, Кн. 2, с. 136].

В 1933 году, заклеянный как представитель кулачества, Ключев был сослан в Сибирь. Он умер в 1937 году на обратном пути в Москву, где должна была решиться его дальнейшая судьба, а «чемодан рукописей»⁴⁵, который он вез с собой, исчез без следа].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бухарин Н. Товарищ // Правда. 1924. 24 янв.
2. В. З. Анатолий Мариенгоф // Новое русское слово. Нью-Йорк. 1962. 12 авг.
3. Волков А. Поэзия русского империализма. М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1935.
4. Грунтов А. К. Материалы к биографии Н. А. Ключева // Русская литература. 1971. № 1.
5. Для всех. Рига. 1944. № 3. Март.
6. За свободу. Псков. 1943. № 259.
7. Завалишин В. К. [Автобиография] // Берега. Стихи поэтов второй эмиграции. Филадельфия. 1992.
8. Завалишин Вяч. Сергей Городецкий // Новое русское слово. 1967. 20 авг.
9. Казанский В. Сергей Есенин. Жизнь и творчество // Для всех. Рига. 1944. № 10. Июнь. С. 31—37. Сообщено С. И. Субботиным.
11. Ключев Н. Деревня // Звезда. 1927.
12. Ключев Н. Долина единорога // Ключев Н. Песнослов. Кн. 2. Пг.: Литературно-издательский отдел Народного комиссариата по просвещению, 1919.

---

⁴⁴ Завалишин допустил ошибку: вместо имени собственного Пашенька написал «пашенка», в результате в английском переводе возникло смысловое искажение («**The wheat field**») — коммент.

⁴⁵ *Иванов-Разумник Р. В.* Писательские судьбы. Нью-Йорк: Литературный фонд, 1951. С. 37.

13. Клюев Н. Избяные песни. Берлин: Скифы, 1920.
14. Клюев Н. Избяные песни // Клюев Н. Песнослов. Кн. 2. Пг.: Литературно-издательский отдел Народного комиссариата по просвещению, 1919.
15. Клюев Н. Ленин. Пг. — М.: Гос. изд-во, 1924.
16. Клюев Н. Медный кит. Пг.: Издание Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов, 1919.
17. Клюев Н. Мирские думы. Пг.: Изд-во М. В. Аверьянова, 1916.
18. Клюев Н. Песнослов. Кн. 1. Пг.: Литературно-издательский отдел Народного комиссариата по просвещению, 1919.
19. Клюев Н. Песнослов. Кн. 2. Пг.: Литературно-издательский отдел Народного комиссариата по просвещению, 1919.
20. Клюев Н. Полн. собр. соч.: В 2 т. Т. 1. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954.
21. Клюев Н. Сосен перезвон. М.: Кн-во «В. И. Знаменский и К^о», 1912.
22. Коломийцева Е. Ю., Скороходов М. В., В. К. Завалишин о С. А. Есенине (по материалам Бахметьевского архива Колумбийского университета США): Современное есениноведение. 2014. № 29. С. 32—33.
23. Новое русское слово. Нью-Йорк. 1954. 11 апр.
24. Новое русское слово. Нью-Йорк. 1958. 21 сент.
25. Новый путь. Рига. 1944. № 8. 10 июня.
26. Синкевич В. Летописец Нью-Йорка Вяч. Завалишин // Новый журнал. Нью-Йорк. 2007. № 248.
27. Современное есениноведение. 2014. № 29.
28. Субботин С. И. Николай Алексеевич Клюев (1884—1937). Хронологическая канва жизни и творчества Томск, 2007.
29. Троцкий Л. Д. Литература и революция. Изд. 2-е, доп. М.: Госиздат, 1924. С. 47—47.
30. Филастинский Б. Поэты — жертвы большевизма // За свободу. Псков. 1943. № 126.
31. Юсов Н. Г. Издания и публикации стихов Есенина и о нем на временно оккупированной территории СССР (1942—1944 гг.) // Есенин и поэзия России XX—XXI веков: Традиции и новаторство: Материалы международной научной конференции. М. — Рязань — Константиново, 2004.
32. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. V.I.Nicolaevsky Collection. Box 509. Folder 7.
33. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. V.I.Nicolaevsky Collection. Box 235. Folder 15.

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

Антон ПРОНСКИХ

ЦЕРКОВНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ НА ПРИМЕРЕ ПОКРОВСКОЙ ОБЩИНЫ г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ПРОЕКТЫ

Деятельность Покровской общины состоит в социальной и духовной помощи нуждающимся людям. Работа ведется совместно с Русской Православной Церковью. Основанием для деятельности служат слова Иисуса Христа: *был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне* (Мф 25:36). Направления служения Общины достаточно разнообразны: помощь бездомным, служение в больницах, работа с зависимыми, помощь пожилым людям, работа в детских учреждениях, сотрудничество с учреждениями исправительной системы. Сотрудниками Общины являются преимущественно миряне. Финансирование осуществляется частными лицами и добровольными пожертвованиями.

ИСТОРИЯ ПОКРОВСКОЙ ОБЩИНЫ

Главная идея Покровской общины заключается в словах их устава Марфо-Мариинской Обители: *«Организация имеет своей целью трудом сестер и братьев милосердия и иными возможными способами помогать больным и бедным, оказывать помощь и утешение страждущим и находящимся в горе и скорби»* [3]. Деятельность Покровской общины началась в начале 90-х гг. в составе Санкт-Петербургского Православного благотворительного братства св. вмц. Анастасии Узорешительницы. Официально организация получила регистрацию в 2000 г.

Всякое служение требует полной отдачи себя. Бывает так, что нет возможности изменить обстоятельства, от которых зависит место пре-

бывания человека, тем не менее, сотрудники Общины стараются донести до сердец страждущих, что в любом месте, возможно обрести мир и покой в душе, утешение и правильное понимание той ситуации, в которой человек оказался. Социальное служение является помощью страдающим людям. В своих сложных обстоятельствах обрести мир в сердце со Христом, покой и путь к исцелению [1].

Деятельность организации не ограничивается только социальной помощью в материальном отношении. Главной задачей является помощь людям в духовном плане. Ввиду этого большую работу проводят священники, которые служат и помогают Покровской общине. Духовенство всегда может утешить, выслушать человека, подсказать совет в решении того или иного жизненного вопроса. Постоянными помощниками являются: благочинный Центрального округа Санкт-Петербургской епархии протоиерей Владимир Сорокин, а также протоиерей Иаков Амбарцумов, протоиерей Евгений Горячев, иерей Дионисий Холодов.

Важно, что в Общине трудятся студенты Православной духовной академии, проходя здесь послушание в рамках социальной практики. Одной из целей социальной работы является формирование у студентов целостного представления о назначении, формах, методах и технологиях обеспечения социального служения. Главной целью является воспитательная функция, формирование у молодых церковно- и священнослужительских пастырских качеств [2]. Для студентов особенно необходимо общение с нуждающимися людьми, это позволяет сформировать у будущих пастырей правильное отношение к социальному служению и помощи ближним.

Сотрудники и добровольцы, служащие в Общине — это главные люди. Именно на них ложится основная масса работы.

Существуют штатные сотрудники. Как правило, это люди, имеющие возможность регулярно нести послушание в Общине, имеющие достаточное количество свободного времени.

Добровольцы — братья и сестры самых разных профессий и социального положения. Здесь можно встретить и студентов и рабочих и состоятельных бизнесменов. Главное — это стремление человека быть полезным, равнодушным к нужде ближнего. Мера участия в деятельности Общины у всех разная, в зависимости от количества свободного

времени, талантов, образования и жизненных обстоятельств. Существует проблема нехватки помощников, волонтеров, в связи с этим, актуальными становятся слова Евангелия: *Жатвы много, а делателей мало* (Мф 9:37).

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

За более чем 20-ти летнее существование Покровской общины обозначились основные направления работы в сфере социального служения. К основным проектам служения относятся: помощь бездомным, служение в больницах, помощь пожилым людям в качестве сиделок и патронажных сестер.

Важно, что деятельность Общины достаточно широка и выходит за рамки основных направлений, также появляются новые, пробные площадки служения.

Служение в больницах

Мариинская больница является одной из старейших в городе. Сотрудничество Покровской общины и Мариинской больницы началось в конце 90-х гг. и стало важной площадкой деятельности.

Проблемы, связанные с нестабильным финансированием больницы, нехватки квалифицированных кадров влияют на обеспечение медицинского обслуживания. Сотрудники Покровской общины восполняют эту недостаточность. Сестры, служащие в больнице, прошли 6-и месячные курсы сестер милосердия, некоторые являются квалифицированными медицинскими работниками. Однако всегда остро стоит вопрос о необходимости волонтеров для служения в больнице. Помощь персоналу больницы осуществляется в уходе за больными, при необходимости раздают пищу и одежду. Часто в больнице оказываются люди лишенные крова, брошенные и скитающиеся, и Община помогает им, создавая условия для лечения, приобретая медикаменты, продукты, предметы гигиены и быта.

Покровская община имеет возможность оказывать дополнительную финансовую поддержку больнице. С 2000 г. По инициативе Покровской общины в больнице действует ежегодная благотворительная акция, приуроченная к празднику Рождества Христова, в которой принимают участие деятели искусств, мастера, художники, деятели культуры Санкт-Петербурга. Также Община создает проекты по поддержке

больницы. На средства, полученные через акции и проекты, для больницы приобретен комплекс современного медицинского оборудования, медикаменты, предметы ухода и быта.

Исторически в здании больницы находился домовый храм св. ап. Павла. В нем с 2004 г. ведется многолетний ремонт главного корпуса больницы, и нет возможности проводить богослужения в храме. В храме с 2000 г. совершались богослужения и по инициативе Покровской общины был создан Приходской совет. Администрация больницы предоставила помещение для часовни, в которой и совершаются регулярные богослужения.

Дом престарелых «Покровская обитель»

Учреждение является частным, оно создано в 2009 г. на средства частных лиц и членов Покровской общины. Содержание обеспечивается частными (физическими) или юридическими лицами совместно с Комитетом по социальной защите населения Администрации муниципального образования, Выборгского района Ленинградской области, а также с благотворительными фондами. Затраты на содержание больного зависят от его положения и степени сложности ухода за ним, ввиду этого существует испытательный срок для больного. Важно понять, сможет ли учреждение обеспечить требуемую помощь, на которую рассчитывает пациент.

«Покровская обитель» осуществляет стационарное медико-социальное обеспечение лиц пожилого и преклонного возраста. Существует на некоммерческой основе путем самокупаемости.

В учреждении осуществляется уход за людьми, требующими постоянной опеки. Персонал имеет опыт работы с пожилыми людьми, является квалифицированной медицинской командой, использующей опыт работы европейских стран. Учреждение обеспечивает обеспечение многоразового питания, а также питания в индивидуальном порядке, согласно назначениям врача. Осуществляется круглосуточный медицинский уход. Проводится лечебная физкультура, массаж, физиотерапия, фитотерапия, арттерапия, занятия с психотерапевтом или клиническим психологом. Важным является обеспечение учреждением полного реабилитационного комплекса. Стационар оснащен современным оборудованием, реабилитационной техникой, индивидуальными многофункциональными средствами ухода. Важно, что положение центра находит-

ся в Ленинградской области, пос. Лужки, что обеспечивает возможность проводить лечение в экологически благоприятной обстановке.

Сотрудники учреждения заботятся не только о физическом здоровье больных, но и о духовном. На территории стационара действует храм во имя Покрова Богородицы, в котором регулярно проходят богослужения.

В рамках деятельности стационарного учреждения «Покровской обители» действует программа «Гостевой дом». Этот проект создан для пожилых людей, способных к самообслуживанию, как правило, для обеспечения их отдыха.

Служение патронажных сестер и сиделок

В рамках деятельности учреждения «Покровской обители» осуществляется проект патронажных сестер и сиделок. Необходимость создания программы «*Домашний уход*» связана с обеспечением ухода за больными, вышедшими из больницы. Часто люди обращаются за помощью по уходу на дому или в больницах. Патронажные сестра осуществляют медицинский уход, выполняют назначения врачей, проводят комплекс мероприятий по обеспечению гигиенического ухода.

Помощь бездомным

Необходимость создания проекта помощи бездомным обуславливается наличием большого количества инвалидов, лишенных крова в силу объективных и субъективных обстоятельств в жизни. Многих бездомных помещают в Мариинскую больницу, с которой сотрудничает Покровская община. Поводится медико-социальная помощь для нуждающихся.

После лечения в стационаре, бездомные инвалиды помещаются в Приют. В 2005 г. в полуподвальном помещении для временного содержания на период оформления документов, был открыт Приют. Позже Приют был перемещен в небольшую квартиру в центре города, где помещаются всего 8 человек. Помощь и обслуживание членами Покровской общины осуществляется в гигиеническом, бытовом уходе, медицинской помощи. Для Приюта организуются программы развития, духовно оформляет насельников священник, приезжают с духовными беседами студенты Духовной академии, осуществляется терапевтическая и психотерапевтическая помощь, развиваются программы по социальной адаптации.

Культурно-просветительская и образовательная деятельность

Для обеспечения деятельности Покровской общины необходимо иметь резерв кадров и соответствующую их подготовку. На добровольных (непостоянных) пожертвованиях организации, имеющей статус общественной, довольно проблематично организовать такое обеспечение. Вместе с тем делается все возможное для осуществления квалифицированной подготовки специалистов. По инициативе главной сестры Покровской общины в 1996 г. были организованы шестимесячные курсы сестер милосердия на базе городского медицинского училища № 6.

Учитывая многолетний опыт работы Покровской общины, ежемесячно проводится семинар для сестер милосердия и социальных работников Санкт-Петербурга. Проводятся научно-практические конференции по тематике социального служения, на которых исследуются вопросы, связанные с историей диаконии и современными проблемами и их решениями.

Организуется издательская деятельность, выпущены сборники конференций, книги по социальному служению, сняты обучающие фильмы. Община приняла авторское участие в издании книги исторической тематики «Мариинская больница» к её 200-летию юбилею, а также книги «Сестры милосердия России» под эгидой Санкт-Петербургской медицинской академии последипломного образования, посвященной истории общин сестер милосердия. Выпущен в свет сборник трудов «На небесах водворится истина Твоя» (совместно с издательством «Искусство России») о безвременно ушедшей сестре милосердия Покровской общины Любови Алексеевны Карпычевой.

Режиссером С. Смирновой сняты документальные фильмы «Служение сестер милосердия в Покровской общине» (2003 г.) и «Валерий» (2008 г.). Последний получил звание Лауреата на кинофестивале «Встреча» в 2009 г. Кроме того был выпущен учебный фильм по материалам семинара «Милосердие и профессионализм. Повышение квалификации и передача опыта». Премьера фильма состоялась на XX Рождественских Чтениях в Москве. Он представляет собой киноверсию об организации медико-социального некоммерческого учреждения — дома престарелых. Фильм имеет приложение — методические материалы.

В 2010—2012 гг. были организованы выставки работ проживающих в организации граждан: «Преображение» в музее А. А. Ахматовой, «Серебряная ночь» в галерее Митьков, «70+ Жизнь продолжается» в г. Выборге. В следующем году были проведены практические консультации для специалистов всех уровней, занимающихся социальным служением для бездомных.

Деятельность Покровской общины — свидетельство церковного социального служения и реальной помощи обездоленным и нуждающимся людям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Дух, душа и тело. М., 1997.
2. Социальная практика // Официальный сайт СПбДА / Учебный процесс / Практика. URL: <http://edus.spbda.ru/node/466>
3. Устав Покровской общины // Официальный сайт Покровской общины / URL: <http://www.omophor.ru/about>

Вера ПОДКОВЫРОВА

СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ «ПОДДОННОЕ» ПРАВОСЛАВИЕ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

*Свете Тихий от народного лика
Опочил на моих запятых и точках¹.*

Ответ на вопрос о сокровенной тайне, хранящейся в стихах и жизни Николая Алексеевича Ключева, созвучен, может быть, ответу на вопрос о значении для русской истории церковного раскола XVII века. За последние 25—30 лет творчество загадочного поэта земли российской стало, наконец, предметом пристального внимания исследователей [4; 6; 8; 11; 14; 15; 19 и др.]. Закономерно, что значительная часть работ

---

¹ «Маяковскому грезится гудок над Зимним...» [13, с. 433]. Здесь и далее в сносках указываются процитированные фрагменты произведений Н. Ключева.

посвящена изучению старообрядческих корней и истоков клюевской поэзии [5; 10; 21; 22 и др.].

Николай Алексеевич Клюев родился в Олонецкой губернии — в дальнем лесном крае, с конца XVII века скрывавшем от преследований властями хранителей старого церковного порядка. О крещении Николая Клюева имеется соответствующая запись в метрической книге православной Сретенской церкви д. Коштуги [16, с. 7]. Основываясь на этом факте, некоторые авторы высказывают сомнение в самой принадлежности поэта к старообрядцам. Однако такие утверждения могут только удивить, так как большое количество ныне уже опубликованных автобиографических и биографических источников [1; 13; 17 и др.] и сами стихи Клюева не могут оставить никаких сомнений не только в формальной принадлежности, но и в глубоком духовном родстве с «Аввакумовым корнем»:

Кто пречист и слухом золот,
Злым безверьем не расколот,
Как береза острым клином,
И кто жребием единым
Связан с родиной-вдовицей,
Тот слезами на странице
Выжжет крест неопалимый
И, таинственно водимый
По тропинкам междустрочий,
Красоте заглянет в очи —
Светлой девушке с Поморья².

Что же касается записи о крещении в официальной церкви, то такая практика была очень распространена среди старообрядцев разных согласий. Из-за гонений и гражданских притеснений ревнители старой веры нередко крестили своих детей (когда удавалось, то подкупали священников и только записывали в метрические книги) в «никонианских» церквях, а потом раз в год формально же приходили к исповеди и причастию.

---

² «Песнь о великой матери» [13, с. 702].

Николай Клюев был воспитан глубоко верующей матерью-старообрядкой, обладавшей душой чистой и поэтической. Ее молитвы, песни, предания, выросшие из веры православной, выстроили фундамент цельного мировосприятия поэта:

Кто за что, а я за двоеперстье,
За байку над липовой зыбкой...
Разгадано ли русское безвестье
Пушкинской золотою рыбкой?

Изловлены ль все павлины,
Финисты, струфокамылы
В кедровых потемках овина,
В цветике у маминой могилы?³

Родители матери: дед Митрий Андреевич был «древнему благочестию стеной нерушимой» и укреплял «левитовы правила красоты обихода»; бабушка Федосья происходила из рода «бояр Серых», ушедших на Выг хранить веру отцов [13, с. 31]. Односельчане рассказывали, что «в доме Ключевых было немало старопечатных и рукописных книг, в горницах висели иконы старого дониконовского письма...» [7, с. 119]. Сам поэт в мифологизированной автобиографии «Гагарья судьбина» писал: «Грамоте меня выучила по Часовнику мамушка. Я еще букв не знал, читать не умел, а так в Часовник смотрю и пою молитвы, которые знал по памяти...» [1]. В доме Ключевых гостила старлица из Лексы, и мать благословила шестнадцатилетнего юношу на послушание в Соловецкий монастырь, откуда он начал свои хождения по скитам, монастырям, примкнув на время и к сектантам.

Кровная принадлежность к старообрядчеству и его увлечение хлыстовством, течением «голгофских христиан» не равно значимы для оценки духовной жизни Ключева [23]. Творческая жизнь любого поэта — процесс страстный и мучительный, редко проходящий без ошибок и срывов. Николай Клюев не исключение. Его сектантские заблуждения — неотъемлемая часть жизненного пути. Истоки религиозных исканий поэта в органической потребности веры «живой»: он стремился

---

³ «Кто за что, а я за двоеперстье...» [16, с. 457].

не просто к выполнению испокон веков установившихся обрядов, его душа жаждала ощутить непосредственную сопричастность Богу.

Не потому ль родимых сел
Смиренномудрен вид,
Что жизнедательный глагол
Им явственно звучит,

Что небо теплит им огни,
И Дева-благодать,
Как тихий лен, спрядает дни,
Чтоб вечное соткать?⁴

В следующих строках эту веру воплощает наставник Выговской пустыни и автор одного из основополагающих идеологических старообрядческих произведений — «Поморских ответов»:

Отец «Ответов» Андрей Денисов
И трость живая — Иван Филиппов
Сузёмок пили, как пчелы липы.
Их черным медом пьяны доселе
По холмогорским лугам свирели,
По сизой Выге, по Енисею
Седые кедры их дыхом веют...⁵

Проблема поиска живой веры в православной церкви конца XIX века очень хорошо описана отцом Никоном Воробьевым, который вспоминал, как его «учили в школе Закону Божиему, вере: заставляли пересказывать Священное Писание без какого-либо приложения его к практической жизни, зубрить тексты, не вникая в их смысл, заучивать одним голым рассудком догматы, заповеди, факты истории. Во всем преподавании не чувствовалось никакой жизни. [...] Христианство изучали, как посторонний, внешний объект, который необходимо было изучать лишь потому, что так было положено, а не затем, чтобы иметь руководство к новой жизни по образу Христа» [9, с. 10—11]. Для поэта, которому с детства мать говорила: «В тебе, Николушка, аввакумовская сле-

⁴ «Судьба-старуха нижег дни...» [13, с. 263—264].

⁵ «Погорельщина» [13, с. 674].

за горит, пустозерского пламени искра шаит. В нашем колене молитва за Аввакума застойной была и праотеческой слыла» [цит. по: 22], была неприемлема формальная абстрактная вера в Бога. Для Клюева Спаситель и Богородица, святые и весь церковный обиход составляли внутренний глубинный смысл жизни:

Слышите ль, братья, поддонный трезвон —
Отчие звоны запечных икон?!
Кони Ильи, Одигитрии плат,
Крылья Софии, Попрание врат,
Дух и Невеста, Царица предста
В колосе житном отверзла уста!⁶

Мир северной деревни изображается Клюевым как живое воплощение Бога, а человек, способный чувствовать родную природу, становится сопричастным Жизни Небесной:

Природы радостный причастник,
На облака молюся я,
На мне иноческий подрясник
И монастырская скуфья⁷.

Нет необходимости причислять или даже соотносить Николая Клюева с каким-либо определенным старообрядческим согласием, хотя место, где он родился, известно как духовный центр беспоповцев-филипповцев. В то же время поэт был лично знаком с епископом Белокриницкого согласия Михаилом, который должен был писать предисловие ко второму сборнику его стихов [3, с. 276]. Не догматические разногласия между официальной церковью и старообрядцами волнуют поэта [23, с. 61], гораздо важнее для него угроза существованию старообрядчества и, одновременно, сказочной, исконной «избяной» Руси. Отход от веры, потеря внутреннего чувства Бога приводит к разладу со всей окружающей жизнью:

Обозвал тишину глухومانью,
Надругался над белым «молчи»,
У креста простодушною данью

⁶ «Мать-Суббота» [13, с. 642].

⁷ «Набух, оттаял лед на речке...» [13, с. 172].

Не поставил сладимой свечи.

.....

Заломила черемуха руки,
К норке путает след горностаи...
Сын железа и каменной скуки
Попирает берестяный рай⁸.

Не надо упрощать поэзию Николая Алексеевича Клюева: он был человеком начитанным, много видевшим, его внутренний мир был обогащен (возможно, не фундаментально, но многогранно) знанием мирового искусства. Поэт был хорошо знаком со многими представителями философско-культурной петербургской элиты начала XX века и достаточно перенял от нее, но глубины клюевского мировоззрения, несомненно, питаются плодородной крестьянской старообрядческой почвой. Невозможно согласиться с мнением некоторых ученых, склонных видеть в произведениях Николая Клюева сознательное строительство некоторого мифа о своей принадлежности старообрядчеству: «настоячивое стремление Клюева изобразить себя духовным наследником “древнего благочестия”, соединить себя чуть ли не кровными узами с вождями старообрядчества [...] — все это говорит о тенденциозности его воспоминаний» [3, с. 20]. Гораздо ближе к истине иная точка зрения, которая полагает, что подобный взгляд «упускает весьма существенный момент, а именно: несомненное влияние на поэта воспитавшей его крестьянской среды» [22, с. 8], неотъемлемой частью которой поэт всегда оставался в душе.

Я первенец Киса, свирельный Саул,
Искал пегоухих отцовских ослиц
И царство нашел многоценней златниц:
Оно за печуркой, под рябым горшком,
Столетия мерит хрустальным сверчком⁹.

Особенно явно проявилась духовная связь Николая Клюева со старообрядцами — борцами за сохранение своих идеалов православия —

---

⁸ «Обозвал тишину глухоманью» [13, с. 250].

⁹ «Белая Индия» [13, с. 310].

после 1920 года, когда политика новой власти стала совершенно очевидно разрушительной для русской деревни. Поздний Клюев видит теперь в преобразованиях страшную силу, разрушающую все исконное, старинное:

В Заонежье, в узорных Кижях,
Где рублёвский нетленный сад,
Стальноклювый гость из Парижа
Совершает черный обряд¹⁰.

Наша русская правда погибла,
Как Алёнушка в чарой сказке...
Забодало железное быдло
Коляду, душегрейку, салазки¹¹.

Настроение поэта в последних поэмах скорбное, пронзительно нежное: вспоминаемая былая деревенская жизнь рисуется практически как земной рай:

Отец Алексей в притворе
Стучает ó пол лбом,
Чтоб житные сивые зори
Покумились с мирским гумном,

Чтоб водились сиги в поречье,
Был добычен прилет гусей.
На лесного попа, на свечи
Смотрит Бог, озер голубей¹².

Поэт возвращался к родным местам, жил среди старообрядцев. Об их образе жизни он писал: «в глухих лесах за Печорой, отрезанные от всего мира, живут праведные люди, по дониконовским старопечатным книгам правят службы и строят часовенки и пятистенные избы так же прочно, как пятьсот лет тому назад» [цит. по: 3, с. 276]. Все гармонично в этом устойчивом отлаженном веками красивом мире. Его уничтожение поэт воспринимает не только как физическое разрушение ста-

---

¹⁰ «Красные незабудки» [13, с. 434].

¹¹ «Наша русская правда погибла» [13, с. 543].

¹² «Заозерье» [13, с. 651].

рых изб и уклада жизни, но и убийство живущего в них исконного благодатного духа народного православия, крушение стройного целостного мироустройства, основанного на органичной связи с Богом.

Плачь, русская земля, на свете
Злосчастней нет твоих сынов,
И алмазтовый засов
У врат лечебницы небесной
Для них задвинут в срок безвестный¹³.

Последние, проведенные в ссылке, голодные годы Николая Алексеевича Клюева, полные физических страданий и лишений, воспринимались им как закономерное, принятое от дедов-старообрядцев мученичество за веру.

Святая Русь, мы верим, верим!
И посохи слезами мочим...
До впадин выплакать бы очи
Иль стать подстрешным воробьем,
Но только бы с родным гнездом,
Чтоб бедной песенкой чи-ри
Встречать заутреню зари
И знать, что зернышки, солому
Никто не выгонит из дому...¹⁴.

Мать Николая Клюева сохранила в душе и передала сыну органично выступающую весь миропорядок православную веру. Все, окружавшее мальчика в детстве (молитвы, песни, предания), весь образ жизни «избяного» рая «хранителей древнего благочестия» составил «поддонную» основу творчества поэта, который, несмотря на обстоятельства всю жизнь складывал песнь-сказку об идеальной матушке-Руси:

Нерукотворную Россию
Я, песнописец Николай,
Свидетельствую, братья, вам!¹⁵

---

¹³ Из цикла «Разруха» [13, с. 629].

¹⁴ «Песнь о великой матери» [13, с. 812].

¹⁵ «Погорельщина» [13, с. 684].

ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский К. М. «Гагарья судьбина» Николая Клюева. СПб.: Инапресс, 2004. 199 с.
2. Азадовский К. М. Жизнь Николая Клюева. СПб.: Звезда, 2002. 368 с.
3. Азадовский К. М. Николай Клюев: Путь поэта. Л.: Сов. писатель, 1990. 336 с.
4. Базанов В. Г. С родного берега. О поэзии Николая Клюева. Л.: Наука, 1990. 241 с.
5. Бахтина О. Н. «Сновидения» Н. А. Клюева и традиции древнерусской и старообрядческой литературы // Николай Клюев: Образ мира и судьба. Томск, 2000. С. 64—78.
6. Венок Николаю Клюеву. 1911—2003 / Сост., предисл., примеч. С. И. Субботина. М.: Прогресс-Плеяда, 2004. 318 с.
7. Грунтов А. Материалы к биографии Н. А. Клюева // Русская литература. 1973. № 1. С. 118—126.
8. XXI век на пути к Клюеву: Материалы международной конференции «Олонекские страницы жизни и творчества Н. Клюева и проблемы этнопоэтики». Петрозаводск, 2006. 371 с.
9. Игумен Никон (Воробьев). Нам оставлено покаяние: Сб. писем. М., 2005. С.10—11.
10. Киселева Л. А. Старообрядческая аксиология слова и буквы в поэзии Н. А. Клюева // Православие и культура. Киев, 2002. № 1—2. С. 54—74.
11. Клюев Н. А. Письма к Александру Блоку: 1907—1915 / Издание подгот. К. М. Азадовский. М.: Прогресс-Плеяда, 2003. 368 с.
12. Клюев Н. А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Предисл. Н. Н. Скатова, вступит. ст. А. И. Михайлова; Сост., подготовка текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: РХГИ, 1999. 1072 с.
13. Клюев Н. А. Словесное древо. Проза / Вступ. ст. А. И. Михайлова; Сост., подгот. текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: Росток, 2003. 688 с.
14. Клюевский сборник. Вып. 1. Вологда: Легия, 1999.
15. Маркова Е. И. Творчество Н. Клюева в контексте северно-русского словесного искусства. Петрозаводск: Карел. НИЦ РАН, 1997. 315 с.
16. Михайлов А. И. Николай Клюев и мир его поэзии // Клюев Н. А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Предисл. Н. Н. Скатова, вступит. ст. А. И. Михайлова; Сост., подготовка текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: РХГИ, 1999. С. 7—74.
17. Николай Клюев глазами современников: Сб. воспоминаний / Сост., подгот. текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: Росток, 2005. 352 с.

18. Николай Клюев. Исследования и материалы: Сб. ст. / ИМЛИ РАН; Ред.-сост. С. И. Субботин. М.: Наследие, 1997. 408 с.
19. Николай Клюев: Образ мира и судьба: Материалы Всерос. конференции «Николай Клюев: национальный образ мира и судьба наследия» / Ред.-сост. А. П. Казаркин. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2000. 226 с.
20. Пичурин А. Ф. Последние дни Николая Клюева. Томск: Водолей, 1997. 95 с.
21. Ситько Г. С. Старообрядчество — духовная основа поэзии Клюева // Вытегра. Краеведческий альманах. Вологда, 2000. Вып. 2. С. 196—201.
22. Юхименко Е. А. Народные основы творчества Н. А. Клюева // Николай Клюев. Исследования и материалы. М., 1997. С. 5—15.
23. Вроон Р. Старообрядчество, сектанство и «сакральная речь» в поэзии Николая Клюева // Николай Клюев. Исследования и материалы. М.: Наследие, 1997. С. 54—67.

Юлия ШАБАРОВА

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ В РУССКОМ ГОРОДКЕ ЦАРСКОГО СЕЛА И ОБЩЕСТВО ВОЗРОЖДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РУСИ

Увлечение древнерусской культурой уже в конце XIX века приводит к созданию абрамцевского кружка под Москвой и художественных мастерских княгини М. К. Тенишевой в Талашкино под Смоленском. В начале XX века новым центром русской художественной жизни становится Русский городок при Феодоровском Государевом соборе Царского Села, расположенный рядом с Александровским дворцом, в котором жил Государь Николай II с семьей.

Организатор строительства Русского городка, полковник штаба Царского конвоя, ктитор Царкосельского Феодоровского собора, Дмитрий Николаевич Ломан [9, с. 450] привлекал к его созданию знатоков русской старины, из которых впоследствии, в 1915 году сложилось «Общество возрождения художественной Руси» (далее — ОВХР).

Для деятельности ОХВР была выстроена Трапезная палата: зал служил для проведения концертов в народном духе, музейные палаты — для размещения предметов древнерусской старины, по образцам которых предполагалось создание предметов современного обихода. Председателем Комитета по строительству городка, а затем и руководителем ОХВР стал член Госсовета, гофмейстер, князь А. А. Ширинский-Шихматов. Эскизы одеяний служителей церкви, а также костюмы для участников концертов были созданы по древнерусским образцам художником В. М. Васнецовым. Собор строился по проекту и непосредственно под наблюдением архитектора В. А. Покровского.

Федоровский городок был построен как музей древнерусской архитектуры под открытым небом, чтобы жители столичного Петербурга, не имеющие возможности поехать вглубь родины, могли увидеть лучшие образцы Русского стиля. В Трапезной палате разместились экспозиции древнерусских икон XV—XVIII веков, изделий из металла, предметов народного быта, старинных головных уборов и одежды из парчи, расшитых бисером и золотом.

В предреволюционные годы основные направления деятельности ОХВР оказались созвучны творчеству Николая Клюева — поэта русского эпоса. Так, использовавшиеся в росписях и художественной лепнине строений Русского городка растительные орнаменты, символы сотворения и устройства мира, мифологические образы (в том числе Единорог, Семаргл, Китоврас, Сирин, Алконост и др.) вдохновили и Клюева; эти символические образы появляются во многих произведениях поэта тех лет:

Белый свет Сережа,
С Китоврасом схожий...¹⁶

А дед запекает о Храбром Егорье,
Склонив над иглой солодовую плешь¹⁷.

Когда сложу свою вязанку,
Сосновых слов, медвежьих дум?¹⁸

---

¹⁶ «Поэту Сергею Есенину» [8, с. 300]. Здесь и далее в сносках приводятся сведения о процитированных произведениях Н. Клюева.

¹⁷ «Печные прибои пьянящи и гулки...» [8, с. 317].

¹⁸ «Где рай финифтяный...» [8, с. 340].

Знаки замысла предвечного —
Зодиака и Креста,

И на плате солнца млечного
Лик прощающий Христа¹⁹.

Довольно часто упоминается в творчестве Ключева и образ Китежа. Развенчание западной культуры, устремление на Восток — к «Белой Индии», означающей в народных преданиях то же, что «Беловодье» или «Китеж-Град», — характерно для исканий поэта тех лет:

На дне всех миров, океанов и гор
Цветет, как душа, адамантовый бор, —
Дорога к нему с Соловков на Тибет,
Через сердце избы, где кончается свет...²⁰

Со многими деятелями ОХВР Ключев познакомился осенью 1915 — зимой 1916 годов. Полковник Ломан сразу воспринял поэта как примечательную творческую личность, оценил в нем знатока русской традиционной народной культуры. По воспоминаниям сына полковника, Ключев приезжал в Царское Село вместе с С. Есениным: «Появился Ключев, такой же благостный, каким я привык его видеть. Он мне напоминал попа-расстригу, а они у нас тоже время от времени появлялись. На этот раз Ключев был не один. С ним пришел молодой кудрявый блондин в канареичного цвета рубаше и русских цветных сапогах на высоченном каблуке. Я на него взглянул, и мне показалось, что этот парень похож на Ивана-царевича, словно он только сошел с серого волка» [11, с. 30]. Ключев и Ломан тесно общались друг с другом при подготовке концертов в Русском городке.

В этот период времени Ключев познакомился со многими участниками музыкально-литературных вечеров: кроме уже упоминавшегося выше Есенина, в Федоровском городке выступали крестьянские поэты С. Клычков, С. Ширяевец, писатели С. Городецкий, Вяч. Иванов, А. Ремизов, художники И. Репин и Н. Рерих. Объединенные любовью к рус-ской старине, эти литераторы и художники вошли в состав лите-

¹⁹ «Помню я обедню раннюю...» [8, с. 105].

²⁰ «Белая Индия» [8, с. 309].

ратурно-художественного общества «Страда», созданного по инициативе С. Городецкого в октябре 1915 года с целью распространения художественных образов народной поэзии. Выступавшие на вечерах «Страды» Н. Клюев, С. Есенин, сказительница В. Устругова, хор гусяров под руководством Н. Голосова, становятся впоследствии постоянными участниками концертов в Русском городке.

Стиль и характер выступлений крестьянских поэтов как нельзя лучше отвечали целям и задачам деятельности ОХВР. В начале января 1916 года «народные сказители» Клюев и Есенин выступали в Москве в Марфо-Мариинской обители в присутствии Великой княгини Елизаветы Федоровны. Специально к этому вечеру в мастерской московского купца Н. Т. Стулова, члена ОХВР, в военное время — прапорщика Царскосельского лазарета, были заказаны «боярские костюмы — бархатные длинные кафтаны» [7, с. 145]. В этих же костюмах поэты должны были выступать на концертах, проводимых в Федоровском городке для раненых.

В конце марта — начале апреля 1916 года Клюев отправляет полковнику Ломану «О песенном брате Сергее Есенине моление»:

«Прекраснейший из сынов крещёного царства мой светлый братик Сергей Есенин взят в санитарное войско с причислением к поезду № 143 имени Е.И.В.В.К. Марии Павловны.

В настоящее время ему, Есенину, грозит отправка на бранное поле к передовым окопам. Ближайшее начальство советует Есенину хлопотать о том, чтобы его немедленно потребовали в вышеозначенный поезд. Иначе отправка к окопам неустраима. Умоляю тебя, милостивый, ради родимой песни и червонного всерусского слова похлопотать о вызове Есенина в поезд — вскорости.

В желании тебе здравия душевного и телесного остаюсь о песенном брате молельник

Николай, сын Алексеев Клюев» [4, с. 166].

В результате предпринятых усилий 5 апреля 1916 года Есенин был направлен в Царское Село в военно-санитарный поезд № 143 имени Её императорского Величества Государыни Александры Федоровны.

Среди других членов ОВХР, с которыми непосредственно общался Ключев, следует назвать художников Н. К. Рериха и М. В. Нестерова, преподавателя художественного чтения В. В. Сладкопевцева, в также уже упоминавшиеся выше А. М. Ремизов и В. К. Устругова.

Исследователь творчества Ключева В. Г. Базанов отмечает: «В поэзии Ключева есть что-то общее с живописью Николая Рериха, с которым он был близко знаком (они встречались в “Красе” Сергея Городецкого). В обоих случаях — в поэзии Н. Ключева и в живописи Н. Рериха — огромное значение имеют летописные и фольклорные источники, народное декоративно-прикладное искусство, древнее зодчество. Н. А. Ключев увлекался фресковой живописью, сам писал иконы» [2, с. 46].

«Нестеров — мой любимый художник...», — указывает поэт в автобиографической повести «Гагарья судьбина» (1922) [9, с. 42]. С Михаилом Васильевичем Нестеровым Ключев познакомился в Москве на литературном вечере крестьянских поэтов, состоявшемся у Великой княгини Елизаветы Феодоровны. Примечательно, что художнику понравилось выступление не Есенина, а Ключева: «Его манера была обычной манерой, стилем сказителей. Так сказывали Рябинин, Кривополенова и другие попавшие к нам с Севера. Голос глуховатый, дикция выразительная. Все, что сказывал Ключев, соответствовало времени, тогдашним настроениям, говорилось им умело, с большой выразительностью» [12, с. 380—381]. Нестеров подарил сказителям открытку с репродукцией своей картины «Святая Русь» с надписью: «Сердечный привет певцам русской были и небыли от Михаила Нестерова. Москва. 1916» [5, с. 5].

Со сказительницей Варварой Карловной Уструговой Ключев выступал вместе неоднократно — и на концертах объединения «Страда», и на вечере русской сказки и песни в зале Петровского училища в марте 1916 года. «Царская сказочница», как окрестил Устругову Ключев, исполняла не только русские народные сказки, но и его стихотворения [5, с. 12].

Писателю Ремизову поэт подарил свою книгу «Лесные были» с дарственной надписью:

«Алексею-свет-Михайловичу Ремизову — мудрому сказителю, слова рачителю от велика Новгорода, Обонежской пятитины, погоста Пятницы Парасковии, усадница Соловьева гора, песенник Николашка

по назывке Ключев славу поет, учестлив поклон воздает, день Герасима грачевника лето от рождества Бога-Слова 1913» [10, с. 110].

В свою очередь, А. Ремизов подписал поэту грамоту о вручении своеобразного «памятного знака»:

«Николаю Алексеевичу Ключеву за Вильгельмищу — стих 1915—16 г., за Новый псалом — стих 1916—17 г., за журавлей любимых обезьяний знак первой степени с кисточками дан для ношения 1917 г. 18 февраля Алексей Ремизов» [1, с. 196].

Дружеские отношения связывали поэта с чтецом-импровизатором и педагогом Владимиром Владимировичем Сладкопевцевым. Посещая Царское Село, Ключев бывал в небольшом деревянном доме, возведенном рядом с Русским городком по рисунку И. Билибина в духе северных построек — с резными причелинами, с красивым крыльцом, с коньками на кровле.

Узнайте же ныне: на кровле конёк
Есть знак молчаливый, что путь наш далёк²¹.

Изба — святилище земли,
С запечной тайною и раем,
По духу росной конопли
Мы сокровенное узнаем²².

В этом доме хранились одежды служителей Федоровского городка, гардероб Есенина и других участников вечеров. Живший здесь унтер-офицер Роман Бобков — старший команды солдат-служителей Федоровского собора — гостеприимно встречал Есенина и Ключева, нередко угощая их чудесным массандровским кагором. Как известно, сам Ключев спиртного не пил. Некоторые считали его сектантом, он же относил себя к ревнителям старого благочестия, то есть к старообрядцам, хотя посещал и православные храмы.

Опьяненный перезвонами,
Гулом каменно-глухим,

²¹ «Земля и железо» [8, с. 294].

²² «Поэту Сергею Есенину» [8, с. 299].

Дал обет я пред иконами
Стать блаженным и святым²³.

Известно, что Ключев имел возможность бывать на богослужениях в Государевом соборе. В «Книге исходящих бумаг» по Феодоровскому собору зарегистрировано отношение № 1953/306 начальнику дворцовой полиции о пропуске 22 и 23 октября 1916 года на богослужения в собор С. А. Есенина, П. С. Наумова, Н. А. Ключева и А. А. Ганина .

Церковное место на диво красно:
На утро — алтарь, а на полдень — окно,
На запад врата, чтобы люди из мглы,
Испив купины, уходили светлы²⁴.

В 1916 году Н. Ключев совместно с известной исполнительницей русских народных песен Надеждой Плевицкой совершил несколько поездок по стране; 17 декабря они возвратились из Твери в столицу, а 28 декабря в Трапезной палате Русского городка состоялся большой концерт «Вечер народного искусства». Там выступали: Есенин, Плевицкая, балерина Агрипина Ваганова, артисты Владимир Давыдов и Николай Ходотов, гуслир Николай Голосов, певец Юрий Морфесси, сказительница Варвара Устругова и балалаечники Василия Андреева. Видимо, на этом концерте присутствовал и Ключев. На фотографии, подаренной в этот день поэту Есениным, стоит подпись: «Дорогому Коле на память многую за дни наши светлые. Сергей Есенин. Лето 1916. 28 декабрь» [6, с. 425].

Двенадцатого февраля 1917 года Государь Николай II посетил Трапезную палату Русского городка. В этот день Ключев выступал на собрании религиозно-философского общества: после доклада Андрея Белого «Александрийский период и мы в освещении проблемы “Восток и Запад”» он прочел свое стихотворение «Поддонный псалом» («Что напишу и что реку, о Госпожи...»).

О родина моя земная, Русь буреприимная!
Ты прими поклон мой вечный, родимая,
Свечу мою, бисер слов любви неподкупной...²⁵

²³ «Помню я обедню раннюю...» [8, с. 105].

²⁴ «Песнь о великой матери», 1934 [8, с. 706].

²⁵ «Поддонный псалом» [8, с. 288].

На грани 1916—1917 годов всероссийская слава поэта достигает вершины. Б. Богомолов в очерке «Обретённый Китеж» пишет: «Николай Клюев — предтеча возрождения Руси. Русь наша — великая безглагольница и молчальница, тяжело вздохнув после тысячелетнего безмолвия, заговорила устами самородка Николая Клюева своим страшным, потрясающим пророческим языком» [3, с. 15—16].

По воспоминаниям Юрия Дмитриевича Ломана, 16 или 17 февраля 1917 года полковник Ломан принимал у себя в кабинете художника М. Г. Кирсанова и журналиста-художника Н. И. Кравченко. Они готовились «к показу Трапезной членам Общества возрождения художественной Руси. Заседание этого Общества должно было состояться в Городке 19-го февраля. [...] Отец [...] говорил о сборнике стихов Клюева и Есенина, который он хочет издать в оформлении художника Георгия Ивановича Нарбута» [11, с. 72]. На просьбу Ломана о создании сборника стихотворений Клюев ответил письмом-трактатом «Бисер малый от уст мужицких», в котором объяснил причину своего отказа в создании этого сборника:

«На желание же Ваше издать книгу наших стихов, в которых были бы отражены близкие Вам настроения, запечатлены любимые Вами Феодоровский собор, лик царя и аромат Храмины государевой — я отвечу словами древней рукописи: “Мужие книжны, писцы, золотари заповедь и честь с духовными приемлют от царей и архиереев и да посаждаются на седалищах и на вечерях близ святителей с честными людьми”. Так смотрела древняя церковь и власть на своих художников. В такой атмосфере складывалось как само искусство, так и отношение к нему. Дайте нам эту атмосферу и Вы узрите чудо. Пока же мы дышим воздухом задворок, то разумеется, задворки и рисуем. Нельзя изображать то, о чем не имеешь никакого представления. Говорить же о чем-либо вслепую мы считаем великим грехом, ибо знаем, что ничего из этого, кроме лжи и безобразия, не выйдет» [4, с. 144].

Для Клюева Русский городок Царского Села — это град-Китеж. В поэме «Песнь о Великой Матери», за три года до расстрела, он вспоминал:

Феодоровский собор —
Кувшинка со дна Светлояра...²⁶

²⁶ «Песнь о великой матери» [8, с. 799].

И до конца жизни поэт сохранил образ Русского городка как — теперь уже снова невидимого — града-Китежа...

Пророческий дар, не раз открывающийся в творчестве народного поэта, особенно ярко прозвучал в год революции:

Уму — республика, а сердцу — Матьер-Русь.
Пред пастью львиною от ней не отрекусь.
Пусть камнем стану я, корягою иль мхом, —
Моя слеза, мой вздох о Китеже родном...²⁷

Спустя век в стенах Русского городка — Китеж-града XXI века — продолжают встречаться знатоки русской старины и носители традиционной русской культуры — последователи деятельности «Общества возрождения художественной Руси», которых влечет сюда любовь к Святой Руси, запечатленной навечно в поэзии Николая Клюева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский К. М. Николай Клюев: Путь поэта. Л.: Сов. писатель, 1990. 336 с.
2. Базанов В. Г. С родного берега. О поэзии Николая Клюева. Л.: Наука, 1990. 241 с.
3. Богомолов Б. Обретенный Китеж. Пг., 1917. 16 с.
4. Вдовин В. А. Сергей Есенин на военной службе // Филологические науки. 1964. № 1. С. 135—150.
5. Вечер сказки и былин В. Уструговой // Обзорение театров. 30 марта 1916 г. С. 4.
6. Есенин С. А. Полное собрание сочинений в 7 томах. М.: Наука; Голос, 1999. Т. 7. Кн. 1. [Автобиографии. Дарственные надписи. Фольклорные материалы. Литературные декларации и манифесты].
7. Изряднова А. Р. Воспоминания // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 1. С. 98—100.
8. Клюев Н. А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Предисл. Н. Н. Скагова, вступит. ст. А. И. Михайлова; Сост., подготовка текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: РХГИ, 1999. 1072 с.
9. Клюев Н.А. Словесное древо. Проза / Вступ. ст. А. И. Михайлова; Сост., подгот. текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: Росток, 2003. 688 с.

²⁷ «Уму — республика, а сердцу — Матьер-Русь...» [8, с. 355].

10. Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. М.: Книга, 1989. 463 с.

11. Ломан Ю. Д. Воспоминания крестника императрицы / Автобиографические записки. СПб.: Храм, 1994

12. Нестеров М. В. Воспоминания / Подгот. текста, вступит. ст. и коммент. А.М.А. Русаковой. М.: Сов. художник, 1989. 412 с.

13. Субботин С. И. Два концерта в 1916 году // Автограф. 21 сентября — 4 октября 1995 г. С. 36—38.

Юлия БУДНИКОВА

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ, НИКОЛАЙ РЕРИХ — ТВОРЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Читая исследования о творчестве Рериха, автор настоящей статьи не раз встречала указания на близкие отношения Н. К. Рериха и Н. А. Клюева. Однако никаких документальных свидетельств их общения найти пока не удалось. Можно предположить, что исследователи опираются на воспоминания поэта Сергея Городецкого и на известный факт того, что и Рерих, и Клюев были тесным образом связаны с деятельностью «Общества возрождения художественной Руси» и Федоровского городка в Царском Селе. Несомненно одно: многие творения этих выдающихся деятелей русской культуры близки по духу, в их произведениях встречаются одни и те же символы, художественные и философские образы, архетипы русской культуры — так что утверждение об их близости ничуть не является надуманным.

Скорее всего, знакомство Рериха и Клюева состоялось в контексте деятельности группы крестьянских поэтов «Краса» (1915). Николай Клюев ощущал себя выразителем настроений, дум и чаяний народа, продолжателем традиций не только крестьянских поэтов (А. В. Кольцова, И. С. Никитина), но и А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, Л. А. Мея. Сергей Городецкий вспоминал об этом периоде: «...Клюев оставался первым в группе крестьянских поэтов. Группа эта все росла и

крепла. В нее входили кроме Клюева и Есенина Сергей Клычков и Александр Ширяевец. Все были талантливы, все были объединены любовью к русской старине, к устной поэзии, к народным песенным и былинным образам. Кроме меня верховодил в этой группе Алексей Ремизов и не были чужды Вячеслав Иванов, весьма сочувственно относившийся к Есенину, и художник Рерих. Блок чуждался этого объединения. Даже теперь я не могу упрекнуть эту группу в квасном патриотизме, но острый интерес к русской старине, к народным истокам поэзии, к былине и частушке был у всех нас. Я назвал всю эту компанию и предполагавшееся ею издательство — «Краса». Общее выступление у нас было только одно: в Тенишевском училище — вечер «Краса». Выступали Ремизов, Клюев, Есенин и я. Есенин читал свои стихи, а кроме того, пел частушки под гармошку и вместе с Клюевым — «страдания» [3, с. 140].

Городецкий подмечает в своих воспоминаниях еще одну характерную деталь, касающуюся творчества и личности Клюева: «Чудесный поэт, хитрый умник, обаятельный своим коварным смирением, творчеством вплотную примыкавший к былинам и духовным стихам севера, Клюев, конечно, овладел молодым Есениным, как овладевал каждым из нас в свое время. Он был лучшим выразителем той идеалистической системы, которую несли все мы. Но в то время как для нас эта система была литературным исканием, для него она была крепким мировоззрением, укладом жизни, формой отношения к миру» [3, с. 140]. Последнее обстоятельство, думается, сближает Клюева с Николаем Рерихом, сквозь художественные формы у которого ясно просвечивает глубоко своеобразное, цельное мировоззрение. Вместе с тем, в своем творческом и духовном развитии художник шел к формам народного сознания, к религиозным идеалам, к «русской идее».

Общеизвестен интерес Рериха к древности, еще дохристианской — славянской, финно-угорской и др. Но и в этом мы видим искания не только художественного характера, но и мировоззренческого. Рерих искал в древнем искусстве и мировосприятии, как чуть позднее и в философских учениях Востока, способ для преодоления кризиса современного сознания — механистического, атеистического, не интегрированного в общую жизнь природы, мироздания, космоса. Мироощущение и Рериха, и Клюева можно было бы назвать идеалистическим в том смысле, в каком, несомненно, употреблял его и Сергей Городец-

кий — в платоновском: Идеи движут миром. К тому, что это были за идеи (а точнее, мифологемы), мы вернемся чуть позже.

Ключева и Рериха объединял один круг общения, возникший в процессе создания «Общества возрождения художественной Руси» и строительства Федоровского (Федоровского) городка. Инициатором их организации был полковник гвардии, штаб-офицер для поручений при Дворцовом коменданте, ктитор (церковный староста) Федоровского Государева собора Дмитрий Николаевич Ломан (1868—1918). В гостях у него в Царском Селе бывали многие известные люди: Н. К. Рерих, С. А. Есенин, Н. А. Ключев, А. В. Щусев, В. М. и А. М. Васнецовы, М. В. Нестеров, В. В. Андреев, А. Я. Ваганова, Г. Е. Распутин. На вечерах Общества Есенин вместе с Ключевым выступали в древнерусских костюмах, изготовленных по эскизам Виктора Васнецова.

«Общество возрождения художественной Руси» (ОВХР) было создано в марте 1915 года и просуществовало до октября 1917 года. Оно состояло из 63 членов-учредителей. В ОВХР входили великие князья, царские чиновники, представители духовенства, предприниматели, историки, архитекторы и художники. Несмотря на их социальные и профессиональные различия, все они были объединены единой целью — содействие развитию русской культуры.

Новое общество создавалось не столько для чисто научных изысканий, сколько для «распространения в народе широкого знакомства с теми замечательными памятниками старины, которые лучше всего могут послужить к изучению художественной стороны церковного и гражданского быта древней Руси» [17].

Задач у Общества было немало. Намечалось проводить чтения и беседы, посвященные русской культуре. 10 марта 1916 года были прочитаны доклады А. И. Соболевского «Древнейшие памятники художественной Руси», Н. К. Рериха «Путь творчества» и В. Т. Георгиевского «О хождении по Руси» (чтения сопровождалось показом цветных диапозитивов).

Высказывалась мысль о необходимости создания в Петрограде большого музея древнерусского искусства. ОВХР была составлена программа преподавания русского искусства в школе. Деятели Общества ратовали за очищение русского языка от «мутных потоков иностранщины» [16] — для выполнения этой задачи уже на первом засе-

дании было предложено составить словарь иностранных слов с русскими синонимами. В библиотеке ОХВР были представлены альбомы по архитектуре, древнерусскому прикладному и народному искусству, книги по русской истории и краеведению, по истории церкви и богословию.

Обширные планы деятельности, разработанные членами Общества, в подавляющем большинстве так и остались в проектах, что и не удивительно, ведь на претворение их в жизнь пришлось всего два года! В то же время, заслугами «Общества возрождения художественной Руси» можно считать постановку вопроса изучения и охраны памятников русской старины, развитие традиций древнерусского искусства, организацию ознакомительных экскурсий, стимулирование народных промыслов, издание пособий по русскому искусству для школы, борьбу за чистоту русской речи. Хочется отметить, что среди реализованных инициатив были и художественно-образовательные проекты Н. К. Рериха.

Первоначально Н. К. Рерихом в качестве эмблемы ОХВР был предложен образ Града-Китежа. Окончательным знаком Общества стала эмблема, разработанная на основе рисунка двуглавого орла, — символа российской государственности, но для темы нашей статьи факт обращения к образу Невидимого Града чрезвычайно важен. Очевидно, что Рерих относил его к архетипам русского сознания. Через этот ключевой образ от фактического пересечения путей Рериха и Ключева в доме Ломана мы переходим к перекресткам творческим, философским.

В 1905 году на картине Н. К. Рериха «Сокровище ангелов» впервые является зрителю белокаменная Твердыня, за стенами которой цветет райский сад. В 1911 году на картине «Пречистый град врагам озлобление» вокруг несокрушимых белых стен уже бушует пламя. Работая над картиной, художник пишет жене из Нейенара: «Белый город со святыми внутри окружен пламенем, и демоны кидают камни в него»²⁸.

Белые стены и башни — в огненных клубах и языках пожарищ — возникают и на картине «Ангел последний» (1912)²⁹. И тот же ангел, что и в картине 1905 года, стоит с копьем и мечом, только одежды его из

²⁸ Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. Ф. 44/322. Л. 2.

²⁹ Сюжет картины повторен в 1942 году.

белых стали алыми. Когда через два года начнется Первая мировая война, Рерих заслужит эпитет «величайшего интуитивиста эпохи» (М. Горький). А чуть позже, среди революционного пожара, поэт-интуитивист Клюев напишет:

Жильцы гробов, проснитесь! Близок Страшный суд,
И Ангел-истребитель стоит у порога!³⁰

Художественным и метафизическим прообразом белого города у Рериха, конечно, служил Небесный Иерусалим (Новый Иерусалим, Святой Град).

Тысячелетиями в разных культурах существовало представление о том, что у земли есть небесный аналог, и каждое свойство, существующее на земле, имеет горний прототип, первичный и реальнейший по отношению к дольному.

Связанный с идеей Спасения концепт Небесного Иерусалима оказал влияние практически на все сферы христианской культуры. Иконографическая интерпретация Пречистого града у Рериха синтезировала традиции разных культур, которые объединяет, однако, идея *sacrum palatium* (Священного дворца) — особой архитектурной формы, служащей связью между дольным и горним мирами.

Следует отметить также, что во всех культурах присутствует понятие «середины мира», «сердца мира», даже если его географическое или топографическое положение варьируется. Это может быть страна, пещера, гора, башня, город. Рай — в европейских языках «парадиз» — происходит от старо-персидского *pairidaeza* — «огороженный сад». Как бы то ни было, все эти места ведут свое происхождение от Святой земли, где было произнесено животворящее Слово.

Примечательно и то, что центр земли не всегда имел точную локализацию, но в любом случае через него проходила ось («мировая вертикаль», «древо жизни»), связующая три мира: Верхний, Средний и Нижний.

Не раз в своих работах Рерих изображает древо жизни, произрастающее в Небесном Иерусалиме, «двенадцать раз приносящее плоды, дающие на каждый месяц плод свой; и листья дерева — для исцеления

---

³⁰ Строки цикла «Из Красной газеты» [6, с. 379]. Здесь и далее сведения о процитированных произведениях Клюева указываются в носках.

народов (Откровение Иоанна Богослова, 22:2). Плоды эти есть совершенное знание, открываемое в грядущие времена. Само же древо жизни, по мнению святого Андрея, архиепископа Кесарийского, «знаменует Христа, понимаемого в Духе... Чрез Него же и двенадцать плодов Апостольского лика даруют нам неоскудевающий плод Богоразумия. Листья древа жизни, то есть Христа... будут в исцеление, то есть очищение неведения народов» [8, с. 114].

На Руси по образу «Святого града» строились кремли и монастыри, символизируя преображенное пространство, отгороженное от профанного мира и устроенное на началах лада, чина, благолепия, в котором небо становится ближе к земле. Яркий пример — Новый Иерусалим под Москвой, самым названием подчеркивающий свою функцию. В «Сокровище ангелов» стены и башни небесного города отчетливо напоминают Спасо-Евфимиевский монастырь, изображенный на одном из этюдов «древнерусской серии» Рериха 1903—1904 годов. Эта же идея лежала и в основе создания Федоровского городка в Царском Селе.

Проведем, хотя бы пунктиром, связь между художественными образами Н. Рериха и философскими образами, возникающими в работах русского мыслителя отца Сергея Булгакова. В его системе устойчивый абсолют — «град небесный» — дополняется непрерывным движением к «граду земному». Последний понимается как некий результат истории, к которому сводится ее положительное содержание. Он есть следствие сознательных созидательных усилий людей. Но усилия эти не направлены на осуществление одного какого-то четкого проекта: «град земной» не дан в умозрательном построении ни одному из живущих, он строится, по выражению Булгакова, «частями, и целое не вмещается в сознание строящих» [2, с. 16]. Совокупность подобного рода устремлений, направленных в будущее, получила в русской философии название «Нового града».

Хочется вспомнить еще одну картину Рериха — «София — премудрость Божья», где над группой строений (крепостей и храмов) пролетает в зареве София, которая как бы оплодотворяет огненной мощью — Огнем Небесным — этот «град земной».

Чтобы отразить состояние современной ему цивилизации накануне Первой мировой войны художник тоже прибег к образу града. Каков

смысла «Града обреченного» (1913)³¹? Какой город погрузился во мрак на картине «Зарево» (1914)³²? И уже позднее, на пороге Армагеддона (Второй мировой войны), откуда бегут люди, освещенные зловещим пламенем³³?

На основании искусствоведческого анализа можно предположить, что прообразом града обреченного послужил Содом, на который обрушилась божья кара. Вероятно, аналогичным виделось Рериху положение современной ему цивилизации накануне Первой и Второй мировых войн. В 1947 году художник писал: «С прискорбием можете отмечать, как блуждают, как изменчивы люди, но, с другой стороны, помните древнюю легенду, что ради одного праведника целый город был спасен. Помните мою картину: “Град пречистый — врагам озлобление”. Издавна гнездилась эта борьба. Старые индусские Упадешы говорят: “Богачу и враг родственник, бедному и родственники враги”. Но также издревле заповедано: “Не о хлебе едином жив человек”. Во всем Космосе приливы и отливы» [11, с. 500].

Гибельный кризис современной ему цивилизации художник представил зримо перед согражданами. Град обреченный, безблагодатный Содом — это и есть символы старого мира, земного ветхого сознания. А в переводе на исторический язык — знаки приближающихся катастроф, смен правительств, общественных отношений, экономических формаций в Европе, а чуть позднее и в Азии.

То, что образы картин пророческой серии подразумевают библейскую легенду, подтверждает еще одна картина 1906 года — «Змиевна». Это иллюстрация сюжета из «Голубиной книги».

И Небесный Град, и Мировое Древо, и Голубиная книга (с образами Егория, Царевны и Змия) — многократно повторяющиеся, общие для творчества Рериха и Клюева образы.

Там, минуючи зарю,
Ширь безвестных плоскогорий,
Одолеть судьбу-змею
Скачет пламенный Егорий³⁴.

³¹ Позже был написан вариант картины под названием «Град умерший» (1918).

³² Сюжет картины был повторен в 1931 году.

³³ Художник трижды повторил сюжет «Армагеддон»: в 1932, 1940 и 1941 годах.

³⁴ «Бродит темень по избе...» [6, с. 240—241].

Еще в России художник осознал связь русской культуры с индийской и посвятил этому ряд своих искусствоведческих заметок.

Студентом Н. К. Рерих познакомился с известным критиком и искусствоведом В. В. Стасовым. Это знакомство определило многие будущие устремления и поиски художника. В труде «Происхождение русских былин» (1868) и последующих статьях и книгах критик развивал идею о преемственности русской культуры и вообще европейской от азиатской. Подобные идеи находил молодой художник и в книгах выдающихся путешественников по Востоку Н. М. Пржевальского и особенно Г. Н. Потанина.

А разве не об этом же говорит в своей поэзии Николай Клюев?

Вылез тулуп из чулана
С летних просонок горбат:
«Я у татарского хана
Был из наряда в наряд.

Полы мои из Бухáры
Род растягайный ведут,
Пазухи — пламя Сахары
В русскую стужу несут.

Помнит моя подоплека
Желтый Кашмир и Тибет,
В шкуре овечьей Востока
Теплится жертвенный свет.

Мир вам, Ипат и Ненила,
Печь с черномазым горшком!
Плеск звездотечного Нила
В шорохе слышен моем.

Я — лежебок из чулана
В избу зазимки принес...
Нилу, седым океанам
Устье — запечный Христос».

Кто несказанное чаёт,
Веря в тулупную мглу,

Тот наяву обретает
Индию в красном углу³⁵.

В статье «Индия — Карелия: переключки и параллели» современный исследователь и философ Ю. В. Линник пишет: «В сознании русского человека Индия всегда была образом запредельной, недоступной, сказочной красоты. О ней можно сказать так: это предмет самого сокровенного трансцендирования — аналог рая, его представительство на земном плане. Об Индии мечтают, Индией грезят. В частотном словаре Николая Клюева название заповедной страны занимает выделенное место. Вдохновение аннулирует любые расстояния — и вот происходит чудо: индийские реалии поэт видит рядом с собой — в своей избе, в прионежском пейзаже. Это мираж, наваждение? Вовсе нет! Поэт прозревает корневое родство Индии и России. Свое отечество он называет “Белой Индией” — в одноименном стихотворении читаем такие строки:

Как перепел алый, Христовы уста!
В них тридцать три зуба — жемчужных горы,
Язык — вертоград, железá же — юры³⁶.

За этими образами стоит надревнейший индоевропейский архетип. Человек — и Вселенная: созвучья между ними задаются космогенезисом. Он имел форму жертвоприношения: первочеловек Пуруша — заклал себя — и превратился в космос.

Николай Клюев многократно слышал от народных исполнителей “Голубиную книгу”. Ее космогонические мотивы восходят к тому же архетипу <...>.

Наш Русский Север оказался благодатным субстратом для того, чтобы здесь активизировались архетипы, характерные для Древней Индии» [7].

Конечно, и Русский Север, и Карелия с Валаамом, и чудские сказы, и Алтай — зоны сближения в жизни и творчестве Рериха и Клюева. Но главным, наверное, остается сверхобраз, который Клюев определил для себя в терминах древнерусской традиции — Белая Индия. Рерих в сво-

³⁵ «Вылез тулуп из чулана...» [6, с. 310—311].

³⁶ «Белая Индия» [6, с. 308].

их литературных и живописных произведениях говорит о Граде Небесном, Граде Невидимом, Беловодье, Шамбале. Все это — названия и понятия, существовавшие в культуре, разумеется, задолго до Рериха, но получившие в его творчестве новую интерпретацию, созвучную духовным и социальным исканиям русского общества первой половины XX века. Мы можем только нащупывать какие-то контуры этой иной реальности, иррационально постигаемой и художником, и поэтом. Обозначим некоторые вехи, важные для того, чтобы почувствовать сокровенный смысл этой огромной темы.

Обратимся снова к тексту Юрия Линника о родстве архетипов индийской и русской культур. «Наши культуры имеют общую архетипическую базу. Язык и манифестирует, и закрепляет ее. Поразительны гидронимы Русского Севера! Лишь в санскрите мы можем найти ключ к их пониманию. В Индии течет река Ганг — а возле Коми мы обнаруживаем речку Ганга. Индега, Индига, Индога: в этих названиях северных рек отчетливо отзывается Инд. Красота притягивала русских людей к Индии. Лакшми: так именуется индийская богиня красоты. Неужели каргопольская речка Лакшма когда-то отражала ее лик? <...>».

“Хождение Зосимы к рахманам” повествует именно об острове Индия. Рахманы — это брахманы: люди высшей праведности <...>. Остров рахманов имеет в наших апокрифах сложный онтологический статус. С одной стороны, он принадлежит дольнему миру, с другой стороны, очевидна его необычность, даже трансцендентность <...>. Тяга к земному раю — вовсе не натурализм: эти установка на синтез небесного и земного, идеального и материального. Прообраз такого синтеза Святая Русь нашла на острове рахманов. Наши северные монастыри, возведенные учениками и последователями Сергия Радонежского: обычно окруженные водами, они и топографически, и сущностно вторят острову рахманов. Среди диких лесов и вод — сказка русского монастыря: он трансцендентен, как Индия — у него с нею общие духовные истоки. Белая Индия! Эта формула Н. Клюева относится прежде всего к северным монастырям. Они выносят человека из потока времени — они приобщают его к измерениям вечности.

Русский Север всегда питал особый интерес к Индии. Замечательно, что именно белозерскому книжнику Ефросину мы обязаны сохранени-

ем многих текстов, где речь идет о рахманах. Среди них мы находим “Слово о рахманах и о предивном их житии” <...>. Георгий Аморто в своей “Хронике” пишет о райском благоухании, веющем на острове рахманов; подчеркивается его соседство с Эдемом. Нравственный кодекс рахманов — и монастырский устав: здесь много параллелей <...>. Буян-остров — Лукоморье — Беловодье: имеются тексты, где эти притягательные места-цели сопрягаются опять-таки с Индией — точнее, с островом рахманов. Есть в нашем словаре прилагательное “рахманный” — оно сочетает разные смыслы: щедрый — тихий — блаженный — навий — духовный — связанный с душами умерших. Это культурно-исторический факт: Индия учила Россию трансцендировать — влекла к себе как к чему-то запредельному, райскому» [7].

Старообрядческое Беловодье заставляет нас вспомнить еще одну легендарную страну Востока — Шамбалу, с которым последняя обнаруживает онтологическое родство.

Об этой физической и метафизической реальности мы многое узнаем из творчества Рерихов, придававших ей большое значение в плане выработки нового мировоззрения в революционную эпоху. В период пребывания на Востоке перед Рерихами открывается высшая реальность Царства Небесного (Мира Огненного — высших энергий), переданная в иных символической, метафизической, психологической системах. Манифестации и эсхатология Шамбалы / Калачакры возникают на картинах и в книгах Николая Константиновича, в научных трудах Юрия, в записях Елены Ивановны.

«Восток, как и Запад, применяет многие знания Калачакры, не ведая того, и даже такое бессознательное приложение имеет удивительные следствия. Поэтому ясно, сколь несравненно большие возможности обнаружили бы при сознательном подвиге, и как мудро могла бы быть использована великая вечная энергия, это тонкое невесомое вещество, которое рассеяно повсюду и которое для нас достижимо в каждое мгновение. Это Учение Калачакры, это использование изначальной энергии было названо Учением Огня. Индусам знаком великий Агни. Хотя Учение это и древнее, но оно будет и новым Учением для Новой Эры <...>. высокие Учения утверждают лишь созидание. Так оно и есть. Те же высокие силы предлагаются человечеству. И вполне научно показано, как естественные силы стихий могут быть использо-

ваны человечеством. Когда вам говорится, что кратчайший путь — через Калачакру, через Шамбалу, тогда это означает, что совершенство не есть недостижимый идеал, но что оно может быть достигнуто искренним и усердным устремлением тут, на этой самой земле <...>. Но чтобы достигнуть этого, человек должен полностью посвятить себя творческому труду» [13, с. 177, 196—199].

Центрально-азиатской экспедицией академика Н. К. Рериха было собрано множество научных материалов, выявляющих историческую и физическую составляющую многих древних легенд и символов.

В работе Ю. Н. Рериха «К изучению Калачакры» [14] приводится обширный список восточных и западных авторов, на протяжении веков писавших о Шамбале, а также имена царей Шамбалы. В ней, в частности, указывается: «Обширная литература о Калачакре написана в тантрийском стиле и изобилует специальными тантрийскими терминами и аллегорическими выражениями, тайный смысл которых известен только посвященным <...>. Для правильного понимания этой сугубо специальной литературы необходимо знание тантрийской терминологии индийской системы астрономии и астрологии. Весь вопрос о системе Калачакра теснейшим образом связан с вопросом о царстве Шамбала, таинственной области, откуда система Калачакра была принесена в Индию во второй половине X века н. э., и с проблемой происхождения тибетского шестидесятилетнего цикла <...>. Поиск пути в Царство Шамбала и духовное общение с Правителем Шамбалы всегда были излюбленными темами аскетов и святых Тибета. Веками легенды и богатейшая устная традиция складывались вокруг этого вопроса, скрывая его подлинные стороны» [14, с. 153].

Можно провести аналогию: Иерусалим — Небесный Иерусалим, Шамбала в горах северного Тибета и Шамбала «мистической сферы» мандал.

Царство преображенного/просветленного состояния сознания не раз «меняло географию»: «Те, кто трудится вместе с Шамбалой, посвященные и вестники Шамбалы, не сидят в уединении — они странствуют повсюду. Очень часто люди не узнают их, и, порой, они даже не узнают друг друга. Они совершают свой труд не для себя, но для великой Шамбалы...» [13, с. 199].

«Лама Чампел рассказывает нам, что в Калимпонге есть древняя тибетская книга XVIII века, в которой упоминается пресвитер Иоанн и в которой говорится, что Шамбала в то время находилась в Испании. Лама удивился, когда Юрий показал ему снимки пещер с изображением символов Грааля, которые были недавно открыты недалеко от Монсерата [бенедиктинский монастырь в Каталонии, Испания (основан в 880 г.)].»

В 1933 году австрийский ученый, исследуя древнеперсидские манускрипты, натолкнулся на книгу Парсифаля Намака, вероятно, манихейского происхождения. Тамплиеры знали устные предания манихеев, с которыми они встречались в крестовых походах. Альбигойцы соприкасались с тем же источником. Легендарные до наших времен Монсерат, Монсальват сегодня становятся реальными благодаря новым научным исследованиям молодого швейцарского ученого. Песня Вольфрама фон Эшенбаха о Граале, путешествующем камне, приобретает научное значение» [9, с. 87].

Огромные усилия прилагаются Рерихами, чтобы в конкретных общественных условиях вдохнуть новую жизнь в ставшие некогда путеводными вехами человечества понятия и цели. На Востоке Рерихи открывают для себя тот факт, что идеал Шамбалы жив и действенен в сердцах тысяч людей. Их задача — объединить искры сознаний для создания менее эгоистичного, менее алчного, менее насильственного общества. Видение пророка Исаяи о царстве Мессии, священная война Гессар-хана, знамя Ригден Джапо, эра Майтрейи, идеалы более совершенной личности и братских общественных отношений снова и снова находили отклик в душах людей, готовых к их практическому применению.

К сожалению, в современной литературе нередко приходится встречать упрощенное, политизированное представление о сложном комплексе представлений и духовных исканий, владевших сознанием русского человека начала XX века, вообще, о тех стихийных силах — от русского бунта бессмысленного и беспощадного до вихрей мыслеобразов — которые и строили сложнейшую, противоречивую действительность первой половины ушедшего века. С каким-то подчас озлоблением некоторые современные авторы обвиняют интеллектуалов той эпохи в том, что те «накликали» печальные реалии советской действительности; они ставят знак равенства между абсолютно секуляризированной, ра-

ционализированной и предельно идеологизированной моделью существования в Стране Советов, и художественно-мифологическим мировосприятием русских творцов, гораздо более тонко и сложно психически и эстетически устроенных. Вот примеры подобно рода параллелей, где удивительным образом снова сопрягаются имена Николая Рериха и Николая Клюева:

«Тогдашнее — дореволюционное — творчество Николая Рериха неотделимо от художественных поисков Андрея Белого, Сергея Конёнкова, Николая Клюева. Они черпали вдохновение в русской старине, в северных сказах, в фольклорной мистике.

Год военных поражений России и революций — 1917 — Рерихи провели в Финляндии, в непосредственной близости от колыбели Октября. В 1918-м им не верилось, что советская власть, к которой Николай Рерих отнесся с противоречивой неприязнью, закрепится в России “всерьез и надолго”. Гражданская война казалась ему знаком всемирной катастрофы, и в то же время стихи Николая Клюева были во многом созвучны мыслям Рерихов:

Есть в Ленине керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в «Поморских ответах».

Мужицкая ныне земля,
И церковь — не наймит казенный,
Народный испод шевеля,
Несется глагол краснозвонный³⁷.

Пройдет несколько лет, Николай Рерих убедится в политической эффективности советской власти — и его “Послание Махатм” во многом повторит сумбурные прозрения Клюева» [4].

По нашим представлениям, согласиться здесь можно только с эпитетом «прозрения», поскольку они, действительно, были — и у Клюева, и у Рериха, великого интуитивиста эпохи, и у Блока, трагического тенора эпохи. Несколько лет назад с легкой руки историка В. А. Росова в широкий оборот вошло выражение (применительно к приезду Рери-

---

³⁷ «Есть в Ленине керженский дух...» [6, с. 377].

хов в Москву в 1926 году), что, дескать, художник пытался «соединить буддизм с коммунизмом». А давайте задумаемся в следующие ключевые строки из стихотворения «Стада носорогов в глухом Заонежье...»:

У пудожской печи хлопочет феллашка,
И в красном углу медноликий Будда.
Люба австралийцу московка-фуражка:
То близится Лев — голубая звезда³⁸.

Для кого-то это сумбур в голове или холодный политический расчет, а автору настоящей статьи кажется поразительным, насколько полифонично и стереоскопично русские поэты, художники, музыканты отражали в своих творениях разбушевавшуюся стихию, угадывая за историческими событиями и образами космические тенденции и предвосхищая события мирового масштаба! Эссеист В. Ронкин высказался о том, что в восприятии многих русских гениев «революция осознавалась как Апокалипсис» [15]. Можно ее, конечно, определить формулировками из школьного учебника истории советских лет, но разве этого будет достаточно, чтобы понять, какие силы разбудили «вожди революции», а главное, чему / кому они стали в конце концов служить... Как раз творцы-мыслители, одновременно желая спасти душу России и подсказать, как можно «по уму» использовать ситуацию обретенной воли, о которой столько грезил народ, пытались призвать к жизни русские творческие силы, разбудить их, как спящую царевну из русской сказки. Над этими вопросами размышляли русские религиозные философы (вспомним отца Сергия Булгакова с его «метафизическим коммунизмом»). Много примеров этому мы можем найти в ключевой поэзии 1920-х и отчасти еще 1930-х годов и в литературном творчестве Рериха той же эпохи. Можно, конечно, высокомерно называть «утопией» в бытовом смысле этого слова поиски лучших людей России, считая, что без всего этого сложного цветения идей русскому народу лучше жилось бы в XX веке, в трехмерном пространстве современного посткоммунистического, постиндустриального, постмодернистского и прочих «пост» ума, однако мы позволим себе обратить внимание на следующее.

---

³⁸ «Стада носорогов в глухом Заонежье...» [6, с. 405].

Политико-правовая и социально-экономическая утопия в России XIX—XX веков получила название «русской идеи». Творчество философов, экономистов, социологов, правоведов, писателей, создававших этот концепт русской идеи, убеждает нас в том, что многие выдающиеся русские умы — на фоне разнообразия и разногласий во многих других вопросах — объединяло мнение о том, что наиболее эффективной и благодетельной для России является такая система властвования, в которой консолидация осуществляется на основе некоего руководящего принципа, мировоззрения или идеала [5]. В качестве таких высших руководящих принципов единодушно признавались нравственные ценности христианства, духовные идеалы учения Христа, высшего Откровения. Таких взглядов придерживались С. Аксаков, А. Хомяков, И. Киреевский, Н. Гоголь, Н. Данилевский, К. Леонтьев, Ф. Достоевский, А. Григорьев, Н. Страхов, В. Розанов, Л. Петражицкий, Н. Коркунов, П. Новгородцев, Вл. Соловьёв, С. Булгаков, Н. Бердяев, С. Франк и многие другие. В государственной «русской идее» непременно присутствовало понятие двух сфер социального существования: земной и небесной, или идеальной. Государство должно было быть деятельно-нравственным, подчинять себя религиозному началу. Устойчивость подобных представлений в общественном сознании (неославянофильство, «почвенничество», «веховцы», евразийство и др.) наталкивает исследователей на вывод о том, что «это интеллектуальное течение питало не только различные политические образования и формы, оно консервировалось где-то в глубинах национального самосознания, находя там опору в архетипических структурах, и за изменениями ее символики всегда сохранялись некоторые устойчивые черты и тенденции» [5, с. 178].

Особенностью утопического типа мышления являлось отрицание «политики» как особой категории. Политика рассматривалась уже как иная сущность, во-первых, погруженная в сферу глубинных метафизических и онтологических представлений и тем самым противопоставленная либералистическому релятивизму, и, во-вторых, ориентированная не на разрушение существующего порядка вещей, а на их внутреннее преобразование. Идеал Царства Божьего заставляет людей действовать (в пределах их призвания) для реализации соборных начал жизни и преобразования общественных форм и отношений в духе высшей правды, то есть ведет к христианской политике [5, с. 173].

Соотношение «Царства Божьего» и «царства кесаря» выявлено в работе Н.А. Бердяева «О Царстве Божиим», где автор задает векторы мировой истории. «Вся история наполнена исканием Царства Божьего. Искание это есть сокровенная душа истории, ее святая святых. Все цели истории относительно по сравнению с этой абсолютной целью, все цели превращаются лишь в средство. Самая история, по сокровенному своему смыслу, есть лишь движение к Царству Божьему. Но ограниченное сознание человеческое ищет Царства Божьего в самой истории... Царство Божье — цель истории, конец истории, выход за пределы истории... Царство Божье за историей и над историей, но не в истории. Оно есть всегда четвертое измерение по сравнению с тремя измерениями истории...» [1, с. 294].

Конечно, русская революция тоже отразила эти поиски, «материализованные» соответственно уровню развития, представлениям и чаяниям тех, кто ее совершал. Нельзя видеть в ней сугубо экономические и социально-политические моменты. Русские творцы не могли остаться в стороне от этих процессов и сами порой пытались наполнить их высшим смыслом, они-то как раз такой подмены небесного земным не совершали, в отличие от современных исследователей, налагающих многомерные и разноуровневые понятия на плоскость.

Зарождение русской идеи многие исследователи относят к концу XV — XVI вв. «Именно в... перспективах апокалиптического беспокойства вырисовываются первые очертания известной “теории Третьего Рима”, — пишет в книге «Пути русского богословия» о. Г. Флоровский. — Это была именно эсхатологическая теория, и у самого старца Филофея она строго выдержана в эсхатологических тонах и категориях. “Яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти”... Схема взята привычная, из византийской апокалиптики — смена царств или, вернее, образ странствующего Царства, — Царство или Град в странствии и скитании <...>. В этой схеме два аспекта: минор и мажор, апокалиптики и хилиазм. В русском восприятии первичным и основным был именно апокалипсический минор <...>. Только уже вторично эта апокалипсическая схема была использована и перетолкована официальными книжниками в панегерическом смысле. И тогда превращается в своеобразную теорию официозного хилиазма» [16, с. 144—145].

В книге «Русская идея» Н. А. Бердяев связывает явление раскола с революционным движением как крайние точки одной оси. «Тема раскола была темой историософической, связанной с русским мессианским призванием, темой о царстве. В основу раскола легло сомнение в том, что русское царство, Третий Рим, есть истинное православное царство. Раскольники почуяли измену в церкви и в государстве <...>. Раскол был уходом из истории, потому что историей овладел князь этого мира, антихрист, проникший на вершины церкви и государства. Православное царство уходит под землю. Истинное царство есть Град Китеж, находящийся под озером <...>. Так было в народе, так будет в русской революционной интеллигенции XIX в., тоже раскольничьей, тоже уверенной, что злые силы овладели церковью и государством, тоже устремленной к Граду Китежу, но при ином сознании, когда “нетовщина” распространилась на самые основы религиозной жизни» [16, с. 213—214].

В 1921 году Николай Клюев пишет поэму «Четвертый Рим», название которой не оставляет сомнений в «идейной платформе» автора. Он провозглашает в ней новый порядок вещей и чаёт наступление мужицкого рая. Попутно хочется заметить, что поэт всегда особо подчеркивал свое духовное и генетическое родство с лидером раскола протопопом Аввакумом. Вступление Клюева в ряды большевиков также не было случайностью. Поэт чувствовал социальную правду коммунизма³⁹, отменившего сословное неравенство, и тогда еще верил, что новый строй — это шаг в направлении к царству праведников. В те же самые годы в художественном и философско-публицистическом творчестве Николая Рериха появляется образ Новой Страны, Нового Града, Звенигорода.

«Ведь неизбежно нужно где-то и как-то встретиться! Ведь когда-то нужно покинуть звериные привычки. Ведь сердце-то тоскует по Храму Прекрасному, по Иерусалиму Небесному, по Светлому Китежу и по всем горним Обителям Духа...

Вспомнив о значении творчества, человечество должно вспомнить и о языке сердца. Разве не этим языком созданы Притчи Соломона, и псалмы, и Бхагавад-Гита, и все пламенные заветы отшельников Синаитских?

³⁹ Бердяев справедливо замечал, что социальная система коммунизма более соответствует христианству, чем капитализм. Это же чувствовал простой русский народ, заявлявший в первые годы революции, что «Христос был коммунистом», о чем сохранилось немало воспоминаний.

Прекрасно сознавать, что все заветы ведут не к разделению, не к ограничению, не к одичанию, но к восхождению, и укреплению, и очищению духа!» [12, с. 4].

Н. А. Бердяев в своей работе «Новое средневековье» и других совершенно правильно отмечал, что тоталитаризм возникает тогда, когда утрачивается сакральное обоснование идеологии. Претензии частичного и раздельного (отдельной идеи, группы, нации) на всеобщность порождают тоталитаризм с его механизацией общества. Но, заменяя внутренние, органичные отношения внешними, он нуждается в господствующей идее, которая переформулирует реально существующие, жизненные, социальные ситуации, придавая им характерные черты мифа. Коммунистическая идеология в итоге создала такую десакрализованную мифологию. Четвертый Рим превратился в сталинский Советский Союз. Между Градом-Китежем и двуглавым орлом (вспомним две эмблемы ОВХР!) стрелка весов вновь склонилась к последнему, а вместо предложенного Рерихом строительства Звенигорода на Алтае архитектурной мастерской А. В. Щусева был разработан и осуществлен грандиозный проект ВДНХ — этакая вариация идеального города в стране победившего социализма.

О результатах этого пути много говорить не стоит. Можно лишь сказать, что в обществе сейчас идут стихийные попытки выхода из этого «безблагодатного тупика», и такие художники как Клюев и Рерих как раз и помогают нам почувствовать вектор направления к Царству Божьему, основываясь на глубинных образах, созданных русской традиционной культурой, русским народным гением.

Уму — республика, а сердцу — Матерь-Русь.
Пред пастью львиною от ней не отрекусь.
Пусть камнем стану я, корягою иль мхом, —
Моя слеза, мой вздох о Китеже родном...⁴⁰

«Сведения каждого дня потрясают смятенностью мира.

Апостол Павел, и Платон, и Конфуций опять ободряют, ибо прошли через всякие ужасы смятения духовного. И Соломон мудрый подтверждает: “И это пройдет”.

---

⁴⁰ «Уму — республика, а сердцу — Матерь-Русь» [6, с. 356].

Истинно пройдет! Идут паломники в Шамбалу, в Беловодье. Никакие пропасти не остановят стремление духа. Знают и Пресвитера Иоанна и Гессар-Хана и Владыку Шамбалы. За белыми горами звонят колокола обителей.

Среди духовных движений, родившихся за последние годы, особенно звучат странники “Светлого Града”. О хождении их повествует Брат Алексей в своих поучениях...

“Ты, познавший тоску подорожника, — быть на всех путях везде при дороге, но никогда не знать, на пути ли ты, — вот голубую звезду василька даю тебе, пусть она ведет тебя. Голубые звезды васильков цветут на золоте ржаных полей. Но ты, пришедший, какие поля засеял ты? Не проходи мимо полей, тоскующих по любви, засеяй их золотом свободных устремлений. Возьми колос, в нем ты найдешь зерна для посева. Пусть на каждое зерно, тобой посеянное, вырастет новый Светлый Град, а они все — Один. Бесплодны поля неорошенные... Пусть же алая гвоздика расцветет у тебя на груди. Иди. На пути я встречу тебя”.

Светлый Град стоит на чистом озере. К нему ведут 4 братства: Иоанново, восточное братство, религиозного творчества и проповеди духа; Бояново, северное братство магии искусства; Пифагорейское, западное братство науки и философии; Микулино, южное братство любви и жертвы.

Странники совершали походы и осведомляли о них на своих духовных трапезах. Странники встречались в условном месте и совершали общую трапезу, состоявшую из хлеба, вина и фруктов, под открытым небом.

Разве не чудесно прекрасны такие искания?» [10, с. 70—72]

У Николая Рериха есть замечательная картина «Странник Светлого града». Это своего рода духовный портрет определенной категории русских людей, которых немало было в эпоху исканий Серебряного века и последовавшую за ней эпоху революционных перемен. Несомненно, что герои нашей статьи — Клюев и Рерих — сами принадлежали к этому роду подвижников, взыскающих Града Небесного. Своими художественными и поэтическими творениями они создали свой Светлый град, куда и по сей день зовут своих читателей и зрителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. О Царстве Божиим // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX — начала XX века. М., 1994.
2. Булгаков С. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1911. Ч. 1. XXI с., 303, [3] с.
3. Городецкий С. М. О Сергее Есенине / Новый мир. 1926. № 2. С. 137—146.
4. Замостьянов А. Знахари в овчарне. URL: http://anguium.narod.ru/stat_30.html (дата обращения: 15.05.2011).
5. Исаев И.А. Политико-правовая утопия в России. Конец XIX — начало XX вв. М.: Наука, 1991. 272 с.
6. Клюев Н. А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Предисл. Н. Н. Скатова; Вступит. ст. А. И. Михайлова; Сост., подготовка текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: РХГИ, 1999. 1072 с.
7. Линник Ю. В. Индия — Карелия: перекачки и параллели. URL: http://www.indianembassy.ru/docs-htm/ru/ru_01_04_t009.htm#ИНДИЯ%20-%20КА-РЕЛИЯ:%20ПЕРЕКАЧКИ%20И (дата обращения: 15.05.2011).
8. Маточкин Е. П. Николай Рерих: мозаики, иконы, росписи, проекты церквей. Самара: Агни, 2005. 199 с.
9. Рерих Н. К. Гималаи — обитель света. Адамант. Самара, 1996. 248 с.
10. Рерих Н. К. Град Светлый // Рерих Н. К. Твердыня пламенная. Рига: Виеда, 1991.
11. Рерих Н. К. Листы дневника: в 3 тт. Т. 3: (1942—1947). М.: МЦР, 1996. 688 с.: ил. (Большая Рериховская библиотека).
12. Рерих Н. К. Твердыня пламенная // Твердыня пламенная. Рига: Виеда, 1991. 272 с.
13. Рерих Н. К. Шамбала. Рига: Виеда, 1994. 199 с.
14. Рерих Ю. Н. К изучению Калачакры // Избранные труды. М.: Наука, 1967. С. 153—164.
15. Ронкин В. Город-сад (История утопий). URL: <http://kitezh.onego.ru/gorod-sad.html> (дата обращения: 01.09.2012).
16. Русская идея. В кругу писателей и мыслителей Русского Зарубежья. Т. II. М.: «Искусство», 1994.
17. Устав Общества возрождения художественной Руси. Петроград, 1915.

«ПЕСНЬ О ВЕЛИКОЙ МАТЕРИ» Н. А. КЛЮЕВА И ЕЕ ДРЕВНЕРУССКИЕ ИСТОЧНИКИ

Тонкий знаток и ценитель старожитностей, Н. Ключев хорошо знал древнерусские памятники. Среди упоминаемых и цитируемых им произведений древнерусской литературы можно назвать: «Повесть временных лет», «Слово о законе и благодати», «Сказание о Борисе и Глебе», «Киево-Печерский патерик», «Повесть о Китоврасе», «Александрия», «Девгиево деяние», «Моление Даниила Заточника», «Повесть о битве на Калке», «Повесть о разорении Батыем Рязани», «Слово о погибели Русской земли», «Сказание об Индийском царстве», «Повести о Вавилонском царстве», «Повести о Царьграде», «Повесть об Еруслане Лазаревиче», «Путешествие Афанасия Никитина», «Повесть о Петре и Февронии», «Сочинения протопопы Аввакума». Осознавая себя певцом святой Руси, поэт сознательно «возрождал традиции древнерусской литературы» [8, с. 61], следовал ее архетипам, сюжетам и образам для создания своей поэтической модели мира.

Среди множества произведений, послуживших источником ключевской «Песни о Великой Матери», нетрудно обнаружить бессмертное «Слово о полку Игореве» и порожденную по его образцу «Задонщину»; в поэме имеются прямые отсылки к этим двум великим творениям древнерусской литературы. В первом случае они связаны с ситуацией оплакивания Руси. Знаменитый плач Ярославны накладывается на плач автора о Великой Матери, родной земле, и приобретает в поэме глубокую интимность:

Ой, Каял-река! Ой, грай сорочий!
Ой, бегрян рукав! Ой, раны князьи! [2, с. 771]

Этот прошедший сквозь века плач не отпускает поэта, перед его взором предстает сама героиня «Слова...», но ее «плакучий взор» видится уже в «в путивльские вьюги да хмары» [2, с. 799], которые в поэме становятся метафорой всемирной катастрофы, переживаемой современной поэту Россией.

Вторым важным литературным источником в «Песни о Великой Матери» является «Задонщина», прежде всего образы поля Куликово.

Вечное поле русской истории! Его видел в своем воображении и понимал как метафору русской истории не только А. Блок в знаменитом цикле «На поле Куликовом», но и поэт Н. Клюев:

А травы Куликова поля
К поэту тянутся в окно! [2, с. 722]

Каждое поколение русских людей, вслед за своими предками, должны изгнать из своей земли «духовного Мамаю», чтобы вновь и вновь начинать свое национальное возрождение:

Как дед на поле Куликовском
Изгнал духовного Мамаю
Из золотоордного сарая,
Спалив поганые кибитки [2, с. 805].

Здесь, в «Задонщине, мотив возрождения тоже неотделим от мотива плача, но это уже другой плач, связанный с очистительными слезами радости победы:

Благоуханный Патерик —
Поминок Куликова поля
В нем реки слезоточной соли
Донского омывают лик [2, с. 786].

Образ «поминок Куликова поля» в поэме неслучаен, он восходит к празднику в честь Дмитрия Солунского, который на Руси отмечали 26 октября — почти в день рождения поэта. Как известно, это поминальный день, установленный еще Дмитрием Донским в память о погибших воинах на поле Куликовом. Так посредством образов-ассоциаций Клюев погружает нас в русскую древность, которая не где-то там, в веках, а в сердце. Она и наша радость, и наша печаль:

Умыться сладостно слезами,
Прозрев, что сердце соловьями,
Как сад задумчивый полно [2, с. 722].

Конечно, в структуре поэмы Н. Клюева главное не отдельные отсылки к источникам, а сама позиция автора, которая во многом сходна с гражданской и эстетической позицией автора «Слова ...», патриота,

сына своей родной земли, Руси, любящей ее трогательной и беспокойной любовью в самые трагические периоды истории. В обоих произведениях авторский голос обрел такую мощь и силу выразительности и воздействия на читателя (или слушателя), что он становится явлением надлитературным, сакральным. Вся клюевская поэма представляет собой поток пересекающихся хронотопов бытия, чувств и поэтических медитаций, благодаря чему автор добивается огромной пластичности и выразительности изображения: отдельные сюжеты, образы и картины, стилистические повторы, развернутые метафоры позволяют создать ему грандиозную панораму русской истории.

Опять, как и тогда в двенадцатом веке, «встала обида на земле русской, всплеснула лебедьными крыльями». Но там, в «Слове...», только предостережение и предупреждение о катастрофе, а в «Песне о Великой Матери» — уход святой Руси, апокалипсис. Рефрен из древнерусского текста: «О, Русская земля!» — на разные лады звучит в клюевской поэме как обращение к Руси. В нем — трепет, всхлип, стон, боль, крик:

О Русь, о горлица моя!.. [2, с. 766].

О Русь! О солнечная мати! [2, с. 779].

Эту же особенность поэтики «Песни о Великой Матери» отмечает Л. Г. Яцкевич: «Клюев возрождает древнерусскую традицию называть русскую государственную территорию «Русской землей» и тем самым устанавливает духовную связь между изображаемыми им событиями XX века и древнерусской историей...» [8, с. 187].

Всего в поэме девятнадцать обращений поэта к Руси, святой, белой, соловецкой и восемь обращений к России, одно — к Рассеи. При этом Русь, святая Русь предстает как напоминание о сакральном, идеальном культурном пространстве, а Россия для поэта больше ассоциируется с государством, страной, а не христианским, языческим миром. К святой Руси он всегда относится с умилением, благоговением, а к России отношение неровное, иногда даже иронически-враждебное.

Композиция клюевской поэмы также восходит к его древнерусским источникам. Уже в лирическом зачине упоминание о гуслях ассоциативно рождает образ легендарного Бояна, который сопровождал свои песни под аккомпанемент гуслей. Клюев, вслед за автором «Слова...»,

создает поэму «по былинам сего времени», осознавая себя вместе с тем продолжателем песенно-поэтических традиций своих древнерусских предшественников. Как и автор древнерусского памятника, автор «Песни о Великой Матери» привержен ретроспективному взгляду на историю. Но если в «Слове...» «золотыми временами» являлись «века Трояновы», заключившие в себе эпическое время — оппозиция историческому времени («былинам сего времени»), то в клюевской поэме идеальным временем является как раз двенадцатый век, противопоставляемый чудовищному двадцатому веку российской истории.

У поэта своя история русского православия. Пересаженное на русскую почву из Византии, оно пышно расцвело в Киевской Руси, достигнув своего апогея в двенадцатом веке, накануне нашествия татаро-монголов. В четырнадцатом веке его центром становится Московская Русь, и роль Киева — матери городов русских — играет уже Москва, что явственно дает понять автор «Задонщины». Но после раскола подлинное православие, по мысли поэта, сохранились главным образом на Русском Севере, в Поморье. Поэтому олонецкий Боян — автор поэмы, воспевая и оплакивая свою родную землю, постоянно акцентирует внимание на этой преемственности, перемещении центров православия с юга на север. Причем в его концепции Русский Север как составная часть территории Великого Новгорода уже в начальный период распространения православия не был периферией:

Ах, звезды Поморья, двенадцатый век
Вас черпал иконой обильнее рек.
Полнеба глядится в речное окно,
Но только в иконе лазурное дно [2, с. 704].

Поэтический космос поэмы «Песнь о Великой Матери» соединил воедино разные времена русской истории. В нем, как в Онежском озере, с упоминания о котором начинается поэма, есть разные глубины, но «лазурное дно» — это «Русь нетленная», времена изначальные, «сладкие пасеки Византии». Оттуда пришли наши древнерусские святыни: храмы, иконы, древние книги, а главное — вера. Автор свободно живет и перемещается в веках, осознавая себя поэтом всей святой Руси, отсюда и обилие в поэме ее культурных ландшафтов, представляющих своеобразную поэтическую географию, включающую топонимы

мы этих трех важных для поэта центров Руси: юго-западной (Киевской) и северо-западной (Новгородской), центральной (Московской), Русского Севера. Правда, как раз культурных топонимов первых двух центров Руси в этой поэме, в отличие от других клюевских произведений, немного, зато используются десятки наименований городов, селений, островов, святых мест, рек, озер, морей Русского Севера. И это понятно, потому что именно он становится в поэтическом космосе «Песни о Великой Матери» географическим центром православного и даже всеславянского мира, а его певцом считает себя автор поэмы.

Проникновение в толщу русской истории, обращение к разным культурным топонимам Руси позволяет Клюеву создать монументальную фреску Матери-родины, земли Русской — центральной героини клюевского эпоса. Ее образ строится на основе нескольких идентифицированных факторов. Среди них можно выделить характерные и для поэтики «Слова...»: географический, природный, исторический, фольклорно-поэтический и христианский) и новые, не встречаемые в древнерусском источнике: автобиографический, телесный, психологический. Все это позволяет рассматривать «Песнь о Великой Матери» как произведение, центрированное синтетическим женским образом, сочетающим языческий образ «Матери-сырой земли», черты архетипического образа «матери» и биографические черты матери Клюева — Прасковьи Дмитриевны.

Очевидна и амбивалентность клюевских образов Матери: в одних случаях он сравнивает ее с природными объектами, в других — сама природа, земля олицетворяются, психологизируются. Примером для первого сопоставления может быть метафорическое обозначение матери, характерное для фольклорно-песенной традиции:

Мы жили у Белого моря,
В избе на лесном косогоре:
Отец богатырь и рыбак,
А мать — бледнорозовый мак
На грядке, где я, василек,
Аукал в хрустальный рожок [2, с. 709].

Конечно, сравнение матери с маком имеет свое объяснение в своеобразии северной природы. Эта природа не так ярка и живописна, как

природа южных стран. Более неприхотливы и ее цветы. Именно на севере может появиться сопоставление матери с бледнорозовым маковым цветком, тонким и хрупким цветком, дающим множество семян в жестких условиях.

Другое сопоставление восходит к культу славянской богини Макоши и античной Артемиды:

И улыбается слюда —
Окаменелая вода.
Со стен, где олова прослой
И скопы золота, как рои,
По ульям кварца залегли, —
То груди Матери-земли
Удоем вспенили родник [2, с. 760].

В структуре поэтических метафор, посредством которых автор изображает Матерь-землю, здесь не случайно возникают рои пчел, молочные струи. Их появление связано с античной традицией. Так у древних греков Артемиды была покровительницей брака, рождения потомства (причем не только человеческого). Голова ее на изображениях обычно украшалась головами львов, быков, а также пчелиным роем, а грудь имела множество сосков (Артемиды Эфесская).

Трехчастность построения клюевской поэмы также имеет традицию в древнерусских текстах. Вначале идет величаво-эпическое начало с вплетенными в него лирическими отступлениями, затем появляется реальное повествование (история жизни Прасковьи — матери поэта). Середина поэмы включает страшные предсказания и пророчества, картины гибели святой Руси. В незавершенной третьей части появилась надежда на преображение, существование потаенной Руси — Руси-Китежа.

Ассоциативные ряды, которые выстраивает Клюев в своей поэме, позволяют автору выйти на широкий круг культурных подтекстов. Так, по мысли Д. С. Лихачева, поэтическая речь приобретает «сверхзначения», что «позволяет преодолеть изолированность поэтических образов, объединить всю поэтическую речь, составляющую художественное единство» [3, с. 112—113].

Эти культурные подтексты в клюевской поэме, представлены шестью уровнями: бытовым, историческим, символическим, метафориче-

ским или иносказательным, дидактическим, сакральным. В средневековых текстах можно выделить четыре уровня [4, с. 132].

При помощи этих шести уровней Ключев создает свою поэтическую вселенную, которая состоит в соответствии с народной традицией из трех сфер: *яви, нави и прави*, соединенных между собой символическим мировым деревом, а также его своеобразными семиотическими эквивалентами — избой, храмом, крестом.

Явь — представляет собой мир реальный, включающий в себя быт со всеми его подробностями, историю. В нем происходит борьба страстей, поединок добрых и злых начал как в мире, так и в душе человека. Междоусобицы явилось причиной надвигающейся на Киевскую Русь беды, которая привела к братоубийственным войнам и многовековому татарскому игу («А князи сами себе крамолу коваху, а поганиши сами победами нарищуще на Русскую землю...»). Причиной катастрофы, заката святой Руси в «Песни о Великой Матери» является нашествие техники, противоречия между культурой и природой, лукавство, предательство, утрата веры, революция. Сам автор обличает себя в конформизме и занимается самобичеванием:

Я книжку <>«Ленин»> намарал,
В ней мошкара и жуть болота.
От птичьей желчи и помета
Слезами омываюсь я
И не сковать во мне гвоздя,
Чтобы повесть стыд на двери!... [2, с. 754].

Сбываются пророчества Иоанна для земли Русской, сам господь Бог отвернулся от нее за страшные прегрешения:

Тут ниспала полынная звезда, —
Стали воды и воздуха желчью,
Осмердили жизнь человечью [2, с. 770—771].

Мир *нави*, интернальное вытесняет мир реальный, живой, одухотворенный. Умирает красота, торжествует безобразное, дьявольское, смерть:

Как ворон ночь. И лес костяв.
Змеинные глаза у трав.
Кустарником в трясине руки —
Навеки с радостью в разлуке!

Вот бык — поток, рога — утес,
На ребрах смрадный сенокос.
Знать, новоселье правят бесы
И продают печенку с весу,
Кровавых замыслов вязигу [2, с. 810].

Автор рисует страшные картины гибели святой Руси. Спасения нет, языческий бог не только накликнул беду, как в «Слове...», наступило время дьявола:

Лев грома в духе говорит,
Что от дьявольских копыт
Болеет Мать-земля сырая [2, с. 758].

Здесь опять словесные кальки из «Слова...», но если в нем Русская земля оплакивает поражение князя Игоря, и автор для усиления ощущения всеобщей беды уподобляет земледельческие работы битве и ее кровавой «жатве», («*Чръна земля подь копыты костью была посеяна, а кровью поляна; туюго възидоша по Русской земли*»), то здесь уже сама Мать-сырая земля — жертва: над ней надругался дьявол, зверь из бездны. В клюевской поэме он и волк-оборотень, преследующий Парашу, и медведь, убивающий ее возлюбленного, и Григорий Распутин — «краснозубый кентавр», «бородатая адская лошадь», прискакавшая из «подземных конюшен», то есть из самой преисподни.

Образ Распутина также устойчивый в поэтике Клюева, впервые в качестве растлителя духовности он появляется в цикле «Из «Красной газеты»» (*За то, чтобы снова чумазый Распутин/ Плясал на иконах и в чашу плевал*).

Распутин надругался над самой верой, своими «дьявольскими копытами» осквернил душу Великой Матери. Опять и опять появляются апокалиптические картины: Распутин пускается в пляс с козлом, меркнет «светел царский сад» (метафора райского сада), и появляется «страшный змей»:

Окрест же сельского чертога
Залег чешуйчатой дорогой
С глазами барса страшный змей [2, с. 803].

Сбываются страшные пророчества отца Макария, которому в поэме отведена роль одного из главных выразителей авторского сознания. Осквернена и убита душа матери-Руси, заключенная в «душе гумна, избы, посева, жатвы, бороньбы»:

О горе, горе! Вижу я
В огне родимые поля, —
Душа гумна, душа избы,
Посева, жатвы, бороньбы,
Отлетным стонет журавлем!..
Убита мать, разграблен дом,
И сын злодей на пепелище
Приюта милого не сыщет [2, с. 762].

Этот мотив богооставленности Русской земли, лишенной покровительства Великой Матери появляется в поэме и в другой вариации:

Как будто от самой себя
Сбежала нянюшка-земля [2, с. 809—810].

Образ «сына злодея» трансформирован здесь в образ «одичалого дитяти», превратившегося в фантастического зверя, враждебного небу, универсуму:

И одичалое дитя,
Отростив зубы, волчий хвост,
Вцепилось в облачный помост
И хрипло лает на созвездья [2, с. 809—810].

С темой *нави* в поэме связан также сквозной мотив «мачехи-моги-лы» и смертного заступа, губительного для человека и всей природы.

Так, разворачивая один за другим свои поэтические образы, используя повторы, вариации сюжетов и мотивов, традиционные и новые образы-символы, автор добивается необычайной суггестивности поэмы, ее художественного воздействия на читателя. Поэма Н. Клюева, как точно выразилась С. Г. Семенова: «Это гениальное создание не имеет аналогов в русской, да, пожалуй, и в мировой поэзии нашего столетия. Уходя корнями в самые животворно-архаичные глубины культуры фольклора, культуры религиозной, пророческой, в вещее мифологическое природо-

бого- и человекознание, “Песнь о Великой Матери” достигает неизъяснимого пластического, живописного, словесного волшебства» [6, с. 94].

Мотив богооставленности Руси объясняется также мотивом богооступничества русского народа, который, отдав душу дьяволу, послушно идет за ним к «адским вратам». Поэтому нужен религиозный подвиг, нужны богатыри — Евпатии Коловраты, чтобы противостоять новому игу [1, с. 62]. Но все духовное богатырство в прошлом. Русская земля, вместилище духовной красоты и божьей правды (в поэме имеются прямые аллюзии со «Словом о погибели Русской земли»), завершила свой исторический круг. Теперь она может лишь существовать в светлом образе Руси-Китежа, потаенной страны. Ее «возврат на круги своя» произойдет только после духовного возрождения, когда появятся новые богатыри — Пересвет и Ослябя — герои Куликовской битвы, тоже упоминаемые в поэме.

Ощущая себя, как и автор «Слова ...», ответственным за все происходящее на родной земле, «поэт принимает решение повторить подвиг Аввакума, своего поэтического предка, и сказать правду до конца о том, что происходит с людьми и со страной после революции» [5, с. 75].

Так в поэме продолжается тема личной причастности поэта к отечественной истории, героическим страницам борьбы с врагами русской земли. И призыв деда, обращенный к его внуку:

«Восстань, дитя, убей злодея,
Что душу русскую, как моль,
Незримо точит, в прах и боль,
Орла Софии повергая!..» [2, с. 790] —

становится духовным завещанием. Возникает тема **прави** — правды, сакральности слова, которой определяется и жанровое своеобразие поэмы. Хотя «Песнь о Великой Матери» по своей структуре и есть явление универсальное, синтетическое, соединяющая разные начала: фольклорно-песенные жанры, элегическое воспоминание, апокалиптические пророчества, сны, колыбельные песни, элементы жития — все же жанровой доминантой является *слово* в его изначальном понимании — слово-пророчество, слово-завещание, слово-предостережение, слово-плач, слово-слава, слово-песня.

Поэма Клюева синтезировала стилистические черты нескольких древнерусских слов — от «Слова о полку Игореве» до слов-похвал и жанра «плетения словес». Последний наиболее ярко проявляется в житиях Епифания Премудрого, который, следуя православной традиции, полагал, что мир пронизан словом, и в то же время слово воспроизводит образ Божий. Мир иконичен, он похож на лестницу образов, что наподобие зеркал отражают друг друга, а в конечном итоге отражают Бога как единственный первообраз. Этот стилистический прием лестницы («лествицы») является одним из доминирующих для православной древней книжности [7, с. 208].

Но Клюев его не просто заимствует, а усовершенствует, применительно к своей поэтике, используя вместо обилия эпитетов и синонимических рядов каскад метафор, создающих многомерное пространство текста, украшая центральные образы-доминанты словесными ветвями-гроздьями. Так и создается морфология его поэмы, восходящая к знаменитой метафоре словесного дерева, упоминаемого в «Слове о полку Игореве».

ЛИТЕРАТУРА

Казаркин А. П. Апокалиптика Николая Клюева (к истолкованию поэмы «Песнь о Великой Матери» // Вестник Томского государственного университета. Т. 266. Январь 1998. С. 62.

Клюев Н. А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. Санкт-Петербург, 1999. С. 797 («Песнь о Великой Матери», строки 3261—3263). Далее страницы и строки указываются в тексте.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы, М.: Наука, 1979. С. 112—113.

Мекш Э. Б. Образ Великой Матери (религиозно-мифологические традиции в эпическом творчестве Николая Клюева. С. 132.

Мекш Э. Б. «Ниспала польнная звезда» (пророчество Николая Клюева) // Николай Клюев: Исследования и материалы. М., 1997. С. 75.

Семёнова С. Г. Русская поэзия и проза 1920—1930-х годов. Поэтика. — Видение мира. — Философия. М., 2001. С. 94.

См.: Судаков Г. В. Образы слова в поэзии Клюева // Вытегра. 2. Краеведческий альманах. Вологда: Легия, 2000. С. 208.

Яцкевич Л. Г. Поэтическая география Николая Клюева. // Вытегра. Краеведческий альманах. Выпуск 2. Вологда, 2000. С. 161.

ТВОРЧЕСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

Дарья СИНИЧКИНА

ПО ПУТИ С РЕВОЛЮЦИЕЙ И ОТХОД ОТ НЕЁ: «НОВЫЕ ПЕСНИ» НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

Период 1920—х годов представляет собой важнейший этап в творческом развитии Николая Клюева не только потому, что именно 1920—е годы ознаменованы выходом в свет таких произведений, как «Плач о Сергее Есенине», «Деревня», «Соловки» и «Погорельщина» — грандиозное преддверие к самому значительному эпосу 1930-х годов, «Песни о Великой Матери», но еще и потому, что во время этого десятилетия, на которое выпадает бурное развитие новой советской литературы, утверждается самоопределение поэта, еще недавнего приверженца революции¹.

Точкой отсчета Петроградского-Ленинградского периода творчества Николая Клюева является 1922—ой год, один из самых знаменательных для него. Именно в этом году он подводит черту целому этапу своей литературной деятельности, выступив с 1917—го года в роли «первого поэта революции», признанного Пролеткультом «народно-поэтом» [21, с. 136—150], автором первого стихотворения о Ленине²

---

¹ Клюев приветствовал Октябрьскую революцию 1917 г. прежде всего как революцию крестьянскую. Его увлечение революцией сказалось на стихах первых послереволюционных лет, таких, как «Песнь Солнценосца», «Красная Песня», стихов «из Красной газеты» и других произведений. Воспевший революцию, прежде всего на страницах альманаха «Скифы» (1917), Николай Клюев превратился под пером критика Иванова-Разумника, из «народного поэта» в «первого поэта революции». Покинув Петроград вскоре после революционных событий, Николай Клюев был избран почетным председателем Вытегорской организации РКП(б) в июле 1918. Тем самым поэт окончательно укрепил свою связь с новым государственным строем.

² Несколько раз передававшийся сборник стихов «Ленин» вышел в 1918 г.

[8, с. 141], глашатаем и деятелем советской культуры в Вытегре³[20, с. 35—80].

Этот год также оказался последним годом проживания поэта в родном городе: в июне 1923 Клюев окончательно переезжает в Петроград⁴[15, с. 134—135], после ареста [1, с. 198]. Но в первую очередь 1922-ой — переломный год в отношении самого поэтического творчества: начало и конец этого года были ознаменованы изданиями двух первых больших поэм Николая Клюева — в январе вышел в свет «Четвертый Рим», а в декабре «Мать-Суббота». Обе публикации вызвали неоднозначные реакции в прессе[5, с. 298—299, 612]. В апреле того же года был опубликован «Вытегорский сборник» [13, с. 171—184] стихов под названием «Львиный хлеб», после которого последует пауза длиной в три года, прерванная 30 июля 1925.

Если 1922-й год — переломный для поэта, то он стал переломным и в отношении всей литературной жизни первого десятилетия после революции и гражданской войны. Прошедший под знаком «диктатуры»⁵ [22, с. 128], этот год охарактеризовался ужесточением как литературных дискуссий, так и творческой атмосферы⁶. Одновременно зарождается дискуссия о том, что должен представлять из себя писатель или поэт революции: с 17 сентября по 5 октября 1922 года, Лев Троцкий выступает в «Правде»⁷ с циклом статей, посвященных «внеоктябрьской литературе», в которую включен и Николай Клюев⁸ [23, с. 57—62].

---

³ О деятельности Клюева в Вытегре, в первую очередь на страницах журнала «Звезда Вытегры».

⁴ Кроме очевидного биографического значения, факт переезда из Вытегры в Петроград обретает еще и поэтический, или гео-поэтический смысл. Привязанность поэта к своей родине, а также его отношение к городу и городской культуре, не раз воплотившееся в его стихах, позволяют рассматривать разрыв с Вытегрой сквозь призму не только клюевской поэзии, но и жизнетворчества поэта.

⁵ В «Правде» появляется редакционная статья под названием: «Диктатура, где твой хлыст?»

⁶ Запрещаются издания многих газет и журналов, из которых можно упомянуть «Дом Искусств», «Записки Мечтателей», «Летопись Дома Литераторов», «Перевал», «Культура и Жизнь», «Начало», «Новая Россия», «Литературные Записки» и т.д. Что касается ужесточения дискуссий в сфере литературы и культуры, то следует упомянуть выступление Г. Е. Зиновьева 29 августа 1922 г., в котором шла речь об интеллигенции: «Мы знаем, кто наш враг и кто наш друг» [22].

⁷ В выпусках «Правды» за 17 и 19 сентября, и за 1, 3 и 5 октября.

⁸ Разбору творчества Николая Клюева Троцким посвящено несколько страниц [23, с. 57—62].

В номере от 3 октября Троцкий вводит в литературный обиход понятие «художественного попутчика революции», то есть представителя «переходного искусства», более или менее органически связанного с революцией, но не являющегося в то же время искусством революции» [23, с. 55]. Таким образом, последующий период творческого пути поэта хотя бы отчасти пройдет под знаком этого самого «попутничества», и разные этапы его будут переключаться в той или иной степени с этапами развития как самой советской литературы, так и дискуссии о её определении, вплоть до того, пока не объявится новая литературная и политическая парадигма, а именно вплоть до 1928 года. 1928-й год — точка невозврата: 7 ноября Вячеслав Полонский публикует в «Известиях» статью об «определении крестьянского писателя», которая откроет спор о месте, отведенном таковому в советской литературе эпохи «великого перелома».

После того, как ВОКП⁹ решит вторить процессу коллективизации «раскрестьяниванием»¹⁰ крестьянских писателей, Николай Клюев, Сергей Клычков и другие литературные деятели «из народа» станут известны, как «кулацкие поэты». Так как конец 1920-х годов также совпадает с вытеснением идей Троцкого из культурного обихода страны, Клюев попадет под двойное обвинение «попутничества» и «кулачества». 1928-й год станет для поэта завершением не только целого этапа литературной жизни — в этом году увидит свет его последний прижизненный сборник, «Изба и поле», — но и началом нового витка творчества, вдохновением к которому послужит встреча с молодым художником Анатолием Яр-Кравченко.

Творческий путь Николая Клюева и литературная жизнь послереволюционной России оказываются таким образом тесно связаны, что объясняется прежде всего вовлеченностью поэта в творческие процессы первого советского десятилетия. Исходя из того, что отрывок творческого пути Николая Клюева с 1922—го по 1928—й год в Петрограде-Ленинграде проходит под знаком «попутничества», то прочтение этого периода именно с точки зрения данного конъюнктурного поня-

---

⁹ Всероссийская Организация Крестьянских писателей, которой в 1931 году предстоит стать Всероссийской Организацией Пролетарско-Колхозных писателей.

¹⁰ Этот призыв впервые прозвучал еще в 1925 году под пером Бориса Арвата [16, с. 193-200].

тия помогает пролить свет не только на некоторые тексты 1920-х годов, но и сформулировать гипотезу насчет статуса поэта в качестве певца «новой России». Стихи Клюева, написанные в середине 1920-х годов, знаменуют одновременно завершение революционного периода творчества поэта и начало нового периода, соответствующего с принятием маргинальной позиции по отношению к культурной жизни страны.

30 июля 1925 года, после перерыва длиной в три года, Николай Клюев выступает с яростным стихотворением «Не буду писать от сердца», в котором сосредоточены темы и настроения революционного периода. В нем идет речь о «новых [злых песнях]», которые ассоциируются с дьявольскими испражнениями, «слизи [грудой], / бодяг и змей [хороводом]» [10, с. 522]. В третьей строфе поэт ссылается на бои 1905 года на Большой Пресненской улице в Москве как на символ принесенных в жертву действительной революции революционных утопий: «На московской кровавой Пресне / Не взрастет словесный Китай» [там же].

Новые песни, таким образом, «волчий брех и вороний грай», как бы подводят черту не только этим надеждам, но и всему историческому процессу начиная с 1905 года, эпохи первого увлечения Клюевым как революцией, так и революционной поэзией [19]. Но если эти «злые песни», в которых «отлетает Русь», не способны воскресить утопический дух революции, то песня «сердечная», выросшая из «[певучего] пшена», наоборот способна и «[обрести] родину снова» [10, с. 523] и осуществить перерождение Руси в «желтом Китае», том духовном и поэтическом пространстве, в котором преломляются восточные мотивы клюевской поэзии [9].

Стихотворение, посредством воскрешения мотивов дореволюционной лирики, в первую очередь образов пахарей и жнецов, собранных в многозначительном «мы», является не только откликом на современную поэту советскую поэзию, но и возобновлением поэтической программы, стремящейся связать советскую действительность и крестьянскую утопию.

Обращение к революционным и советским мотивам станет смыслоопределяющим в цикле «Новые песни» [10, с. 529—535], написанном несколько месяцев спустя, в 1926 г. В этом цикле, состоящем из стихов «Ленинград», «Застольная», «Сегодня празднество у домен», и

«Я кузнец Вавила», но к которому можно отнести и «Богатырку», и стихотворение «Корабельщики» [2], поэт предстает в роли «попутчика». В «Новых песнях» широко использованы образы революции: это и «богатырка», из одноименного стихотворения, которая отсылает к годам гражданской войны¹¹, и «красный галстук» в «Застольной», и военная песня «Трансвааль», и «звезда Октября» в стихотворении «Ленинград», и «молот» и «серп» в стихотворении «Я, кузнец Вавила», и имена вождей и вдохновителей пролетарской революции¹², и «красная» окраска всего цикла. Красный цвет чаще всего предстает в ассоциации с юностью, и кладется таким образом в основу создания главного символа — рождения нового, молодого мира — «[краснощекого карапуза]»¹³, по сути своей чуждого символике рождения, доминирующей во многих стихотворениях именно революционного периода, в первую очередь в цикле «Спас» [10, с. 341 — 351]. Тем не менее, прочтение этого цикла, всего лишь, как попытку пойти «на определенные уступки, навязанные [поэту] современностью»¹⁴ представляется не до конца удовлетворительным. В написанном в то же время стихотворении «Корабельщики», строки «Что романтические ямбы — / Осинный гуд бумажных сот, / Когда у крепкогрудой дамбы / Орет к отпальтью пароход!» [10, с. 535] не даром перекликаются с одним из самых «попутнических» стихотворений Есенина, «Неуютная жидкая лунность»: «И, внимая моторному лаю / В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз, / Ни за что я теперь не желаю / Слушать песню тележных колес»¹⁵.

В контексте идеологической дискуссии, противопоставляющей «город» и «деревню», поэтическое, хотя бы и внешнее тяготение

---

¹¹ «Богатыркой» назывался шлем бойцов Красной Армии, ставший одним из ее главных символов под названием «буденовка».

¹² Володарский в «Ленинграде», Маркс и Бебель в стихотворении «Сегодня празднество у домен», и Ленин в «Я, кузнец Вавила».

¹³ Из стихотворения «Сегодня празднество...». Отголоски этого образа прочтываются во всех остальных произведениях цикла: в «Ленинграде» — «Когда же заря молодая / Багряное вздует горно», в «Застольной» — «И красным галстуком гордится — / Октябрьский яростный дичок.», в стихотворении «Я, кузнец Вавила» - «Младший пионером - / Красногубый мак.» В «Новых песнях» прежде всего значимы молодость и юность, оба качества, противопоставленных старому миру, «старухе-боли».

¹⁴ Эта позиция в трактовке значения цикла в творческом пути Николая Клюева отстаивается К. М. Азадовским в статье «Новые песни» Николая Клюева [2].

¹⁵ С. А. Есенин «Неуютная жидкая лунность...» [7, т. 1, с. 221].

к урбанистической культуре наблюдается под пером не одного Клюева: наряду с Есениным¹⁶ Борис Пильняк, до этого заявивший, что не хочет быть «коммунистом»¹⁷, после путешествия в Англию публикует роман «Машины и волки», подавая тем самым пример очередной «нелинейной» творческой биографии [3, с. 91—116].

Если «Новые песни» и являются некоторой данью попутничеству¹⁸, то они позволяют судить и об определенном взгляде Клюева как на современность, так и на историю России. Более того, их значение в творческом развитии поэта немаловажно. Обращенные к прошлому, к октябрьским событиям, к гражданской войне, к Ленину, эти стихи, посредством воскрешения памяти и возвращения к истокам — воздвигают некий памятник революционному времени, такому, каким оно представляется сквозь призму агитационного дискурса. В некотором смысле они служат иллюстрацией приговору, выраженному Троцким в заключении своей статьи о поэте: «Каков будет дальнейший путь Клюева: к революции или от нее? Скорее, от революции: слишком уж он насыщен прошлым» [23, с. 62]. Обращение к прошлому распространяется и на прошлое революции, подчеркивая тем самым разрыв утопии с реальностью: «Новые песни» подводят итог надеждам и чаяниям, обращенным к октябрьской революции, воспринятой изначально с «крестьянских» позиций и призванной установить на земле «мужичий рай», в то время как большевистский пафос этих произведений¹⁹

---

¹⁶ Есенин пишет в 1924 г.: «Теперь в советской стороне / Я самый яростный попутчик» [7, т. 2., с. 125].

¹⁷ «Я не коммунист и потому не признаю, что я должен быть коммунистом и писать по-коммунистически, — и признаю, что коммунистическая власть в России определена — не волей коммунистов, а историческими судьбами России, и, поскольку я хочу проследить (как умею и как совесть моя и ум мне подсказывают) эти российские исторические судьбы, я с коммунистами, т. е. поскольку коммунисты с Россией, постольку я с ними; признаю, что мне судьбы Р.К.П. гораздо меньше интересны, чем судьбы России» [17, с. 84-88]. .

¹⁸ «Попутничество» Николая Клюева может рассматриваться в рамках определения этого направления Троцким: «Если внеоктябрьская (по существу — противооктябрьская литература) есть умирающая литература буржуазно-помещичьей России, то литературное творчество «попутчиков» есть своего рода новое *советское народничество*, без традиций старого народничества и — пока — без политических перспектив» [23, с. 56].

¹⁹ Советскому пафосу (например в «Ленинграде»: «Великое Первое мая — в рабоче стукнет окно») вторит пафос гражданской войны, «годы бурь и славных мук» (в «Застольной»).

как бы освещает по-новому стремление поэта выступить в роли строителя нового мира²⁰, стремление, которое пронизывает клюевскую поэзию как образно, так и формально.

Попытка придать смысл циклу «Новые песни» одновременно с точки зрения индивидуальной эволюции поэта и развития его творчества в советском литературном контексте позволяет взглянуть на следующие произведения 1920-х годов, как на новый этап в творческом пути Николая Клюева, определивший его отношение и к советской действительности, и к своему собственному стихотворчеству. Стихи, написанные после цикла «Новых песен» выдержаны в уже трагической тональности, которая характеризует произведения Клюева второй половины 1920-х годов [2]. Именно в стихотворениях и поэмах, написанных между 1926 и 1928 годами («Кто за что, а я за двоперстье», «Нерушимая стена», «Наша русская правда погибла», «Заозерье», «Плач о Сергее Есенине», «Деревня», «Соловки» и «Погорельщина») клюевская Русь существует как растерзанное, сожженное тело, и насильственная смерть берет верх над поэтическим жизнестроительством: «У матерой матери Мемёлфы Тимофеевны / Сказка-печень в спорота и сосцы откушены, / Люди обезлюдены, звери обеззверены... / Глядь, березка ранняя мерит серьги Лушины!» [10, с. 537], об этом пишет поэт в стихотворении «Наша собачка...».

Кровавый портрет Мемёлфы Тимофеевны перекликается с блудным образом Иродиады в «Погорельщине», так возмущившим Андрея Белого [18, с. 402]: «Чай, на песню Иродиада / Склонит милостиво сосцы, / Поднесет нам с перлами ладан, / А из вымени винограда / Даст удой вина в погребцы!» — «новые песни» таким образом, могут быть вскормленными лишь «блудной матерью»!

Помимо их жестокости, которая сближает эти произведения со стихами, вошедшими в послереволюционные сборники «Медный кит» и «Львиный хлеб», эти стихи еще и примечательны тем, что поэт в них

---

²⁰ Заключительные строфа стихотворения «Я, кузнец Вавила»: «И над всем, что мило / Ярому вождю, / Я — кузнец Вавила — / С молотом стою». Образ Вавилы прочитывается сквозь призму явной отсылки к былинке «Вавила и скорморохи», в которой главный персонаж способен своей музыкой изменить действительность, вплоть до воскрешения мертвых. Новый «большевистский» Вавила — ленинец творит чудеса уже не с помощью «гудочка», а благодаря молоту и серпу, символам идеального слияния рабочего и крестьянского труда.

использует персонажей русской классики, а именно романа Мельникова-Печерского «В лесах», в качестве образов навсегда ушедшего мира «лестовок, часословов заплаканных» [14, с. 168—168]. Обращение к произведению русского классика представляется крайне важным для понимания сути того нового витка творчества, который открывается для поэта после «Новых песен». Еще до того, как у Клюева «окончательно рухнула вера в то, что революция может быть мужицкой» [6, с. 126], для его поэзии становятся характерными одновременно две тенденции: разрушения — русской деревни, — и созидания — русской культуры.

Изначально направленная на создание и воспевание народной культуры, поэзия Клюева тех лет избирает путь обращения к русской классике как к средству, которое, несмотря на свою «книжность», способно возродить и воплотить ту древнюю Русь, которая может теперь существовать лишь в поэтической форме. Уже в стихотворении «Богатырка», одной из «новых песен», можно прочесть стремление взглянуть на советскую действительность и память о революции сквозь литературную призму. В нём проскальзывает скрытая цитата Блока из стихотворения «Россия»: строчка «И лишь забота затуманит твои прекрасные черты» [4, с. 173] перекликается с клюевской: «Лишь станут пасмурнее брови / Угрюмее твоя звезда ...» [10, с. 524].

Цитата окрашивает все стихотворение в блоковскую тональность. Богатырка — до этого символ гражданской войны — становится синонимом советской России, и блоковское «невозможное возможно» невольно прочитывается и в концовке клюевского текста: «И улыбаются курганы / Из-под отеческих усов / На ослепительные раны / Прекрасных внуков и сынов» [там же]. Стихотворение таким образом вдвойне пронизано ощущением надежды на светлое будущее. Но литературная реминисценция также подтверждает выраженное ранее предположение о том, что революция воспринимается поэтом в далеком от действительности поэтическом ключе.

Взгляд на советскую реальность и на значение исторических потрясений для русской деревни сквозь литературную призму лишь усиливается в последующие годы. В стихотворении «Нерушимая Стена», написанном в 1928 году, Клюев противопоставит новой советской культуре имена Пушкина и Лермонтова, залогов слияния книжной и

народной культур: «Не в чулке ли нянином Пушкин / Обрел певучий Кавказ?» [10, с. 542], «Ах, и лермонтовская ветка / Не пустила в душу корней!... / Пусть же зябликом напоследках / Звонит самопрялка дней». Конец стихотворения и вовсе утверждает сопричастность пути Клюева с путем поэтов «золотого века»: «Вознесенье Матери правя / Мы за плугом и за стихом / Лик Оранты как образ славий / Нерушимой стеной зовем» [10, с. 543]. Плуг и стих становятся оба равными инструментами создания стихотворной культуры, а образ Матери — ключевым для возрождения новой, нерушимой Руси.

Создаваемое таким образом в поэзии культурное пространство, чуждое советской действительности, вторит и жизненной позиции Клюева. Воспринимаемый юным поколением советских поэтов и прозаиков, как один из представителей Серебряного века и крупный стихотворец, к которому часто обращаются за советом [1, с. 206—207], Клюев создает вокруг себя атмосферу, никак не сопричастную с советским бытом. Примечательна его реплика Николаю Заболоцкому, упрекнувшего его в «маскараде», и записанная, несомненно с некоторой долей художественности, И. Бахтеревым: «Вы кого мне привели, Даниил Иванович [Хармс] и Александр Иванович [Введенский]? Дома я или в гостях? Волен я вести себя, как мне заблагорассудится?» [120, с. 328]. Несомненно, дом Николая Клюева, как и его стихи, были единственным пространством, в котором поэт пытался не ощущать себя «иностранцем» в «Руси Советской» [7, т. 2, с. 95]. По отношению к новому строю, поэт отстаивает свою «маргинальность», что не может не напомнить позицию Клюева на литературной сцене дореволюционной России, когда он отстаивал независимые пути развития крестьянской, народной, поэзии перед Блоком²¹. Рассматривая теперь современность в том числе сквозь призму блоковской поэзии, Клюев решительно отстаивает «недоступную черту» [4, с. 121—123], разделяющую уже не «народ» и «интеллигенцию», а русскую культуру и советскую неумолимую действительность.

«Новые песни» представляются таким образом ключевым циклом в творческом пути поэта. Являясь, с одной стороны, попыткой в по-

---

²¹ См. Письмо Блоку от октября 1907 // Николай Клюев. Письма к Александру Блоку. 1907-1915, публ. К. М. Азадовского. — М.: Прогресс-Плеяда. — 2003. — С. 121—123.

следний раз соединить большевистскую утопию с утопией революционно-крестьянской, они подводят черту целому этапу клюевского творчества, обращенного к революции. С другой стороны, этот цикл оригинален именно своим использованием революционной и советской лексики, которая воспринимается, как «чужое слово» и тем самым способствует формальному обновлению революционной поэзии Клюева. Являясь в некотором смысле данью попутничеству, причастность к которому отстаивается поэтом с особенной точки зрения на советскую действительность, «Новые песни» в конечном счете знаменуют собой разрыв поэта с дискурсом современности²².

Написанные после этого цикла стихи второй половины 1920—х годов, следуя уже намеченному принципу обращения к прошлому, определяют позицию поэта по отношению к советским реалиям: в них развивается мотив разрушения русской деревни и воскрешения русской культуры, противопоставленной советской, сквозь призму литературы и творчества русских классиков XIX и XX веков. Тем не менее, представляется сложным установить точные рамки для разных этапов развития творческого пути поэта в 1920—х годах: возвращаясь к истокам своей поэзии, как в формальном смысле, так и в отношении мотивов и образов, даже в самых «большевистских» своих стихах, Клюев создает произведения, обращенные одновременно и к прошлому, и к настоящему, и к будущему. Отстаивая таким образом маргинальную позицию в советской литературе, поэт становится одной из центральных фигур в общей системе русской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский К. М. Жизнь Николая Клюева: Документальное повествование. СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2002. 368 с.

2. Азадовский К. М. «Новые Песни» Николая Клюева // Русская Мысль, №3781, 23 июня 1989.

3. Андроникашвили-Пильняк Б. Б. Города или веси: Пильняк и Есенин // Борис Пильняк: Опыт сегодняшнего прочтения. (По материалам науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения писателя). М.: ИМЛИ. 1995. С. 91—116.

4. Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. М.: Наука, 1997—2014.

---

²² Неокончательным, если вспомнить более поздние стихи «Юность» (1927) и «Стихи из Колхоза» (1932).

5. Галушкин А. Ю. Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Том I. Часть 2. Москва и Петроград. 1921-1922 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2005.

6. Гатто Этторе Ло. Воспоминания о Н. А. Клюеве // Новый Журнал, №35, 1953, Нью-Йорк.

7. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. М.: Наука; Голос, 1995—2002.

8. Казаков А. Л. Клюев — Ленину: словесный гостинец из русского рая. // Север. 2014. № 1—2.

9. Киселева Л. А. Татарщина и Византия: об одной поэтической формуле Николая Клюева. // «Созвучий жито». Сборник работ по русской литературе 1910—1930-х годов в честь 70-летия Сергея Ивановича Субботина / Под ред. М. В. Скороходова, О. В. Пашко. М. 2013.

10. Клюев Н. А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Предисловие Н. Н. Скатова, вступ. статья А. И. Михайлова; составление, подготовка текста и примечания В. П. Гарнина. СПб.: РХГИ. 1999.

11. Клюев Николай. Письма к Александру Блоку. 1907—1915, публ. К.М. Азадовского. М.: Прогресс—Плеяда. 2003.

12. Клюев Николай. Воспоминания современников. / [сост. П. Е. Побезкина], М.: Прогресс-Плеяда. 2010.

13. Мейкин М. «Вытегорский» сборник Николая Клюева «Львиный хлеб», Вытегра: Краеведческий альманах, выпуск 3, Вологда, «Русь», 2005, С. 171—184.

14. Мейкин М. Николай Клюев и Мельников-Печерский: загадки и предположения // In memoriam: Бронислав Эдуардович Мэкш, Даугавпилс, 2007. С. 166 — 183.

15. Makin M. Nikolai Klyuev. Time and Text. Place and Poet, Northwestern University Press, 2010.

16. Niqueux Michel. Le débat sur la définition de l' «écrivain paysan» dans la presse périodique soviétique (1928-1930) et ses conséquences. // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 28 no°2. Avril-Juin 1987. Autour de la presse russe et soviétique. С. 193—200.

17. Пильняк Б. А. Отрывки из дневника // Перспективы. 1991, № 3. С. 84—88.

18. Субботин С. И. Андрей Белый и Николай Клюев. К истории творческих взаимоотношений // Андрей Белый. Проблемы творчества, М.: Советский Писатель. 1988.

19. Субботин С. И. Клюев читатель Трефолева и Якубовича // Николай Клюев: исследования и материалы: [сборник статей]. М.: Наследие. 1997.

20. Субботин С. И. Н. А. Ключев: поэзия 1905—1908 гг. и проза 1919—1923 гг. Вопросы источниковедения и атрибуции. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М. 2008. С. 35-80.

21. Субботин С. И. Проза Николая Ключева в газетах «Звезда Вытегры» и «Трудовое слово» (1919—1921 годы). Вопросы атрибуции / С. И. Субботин // Русская литература. 1984. №4. С. 136—150.

22. Тимина С. И. Культурный Петербург: ДИСК. 1920-е годы, СПб.: Logos. 2001.

23. Троцкий Л. Литература и революция. М.: Издательство политической литературы. 1991. С. 57—62.

Сергей СУББОТИН

КЛЮЕВСКАЯ «ПЕСНЬ СОЛНЦЕНОСЦА» ПО-НЕМЕЦКИ (1920-е ГОДЫ)

В конце 1920 года издательством «Скифы» в Берлине были выпущены две книги Николая Ключева — «Избьяные песни» и «Песнь Солнца. Земля и железо». Эти книги получили заметное распространение (как в Европе, так и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, и в Новом Свете) и привлекли внимание не только русских эмигрантов, но и переводчиков русской художественной литературы разных стран. В результате в первой половине 1920-х годов появились переводы стихотворений поэта на европейские языки (немецкий, французский, английский, польский, чешский, сербский и др.) и на японский язык.

Однако первый перевод из Ключева на немецкий язык вышел в свет еще до выхода в свет указанных книг. Это произошло в середине 1920 года, когда в мюнхенском журнале «Нойе Меркур» была помещена статья Вальдемара Гартмана «Новейшая русская революционная поэзия» [6]. Автор включил в нее собственный перевод ключевской «Песни Солнца», выполненный по тексту произведения, опубликованному во втором сборнике «Скифы» [3, с. 11—13]. В статье полный

текст перевода был разделен пояснениями переводчика на две части. В первую вошли заголовок и начальные 22 строки «Песни...», во вторую — ее окончание.

Предваряя перевод, Гартман характеризует творчество авторов сборника «Скифы» Клюева и Есенина следующим образом:

«Два пастуха, закалённые трудом и нуждой, два крестьянина — Клюев и Есенин, оказались теми, кто отлил кровь войны и революции в достойные формы. Из глубин страждущего уныния они вынесли мудрость, что страдание плодотворно, что страдание необходимо как поле великого ожидания. Поэтому, не пугаясь ужаса революции и храня верность великому возмутителю и мятежнику Достоевскому, который первым высказал мысль о том, что его народ любит страдание, они не желают ни поправлять, ни наставлять, но хотят не только пробуждать и возмущать — они стремятся звать, воодушевлять, провозглашать. Они знают, что людей поработают не обстоятельства, а собственная сердечная глухота. Это отделяет их и от убогого пафоса свободы Бальмонта, Брюсова или Сологуба, и от многих наших самых молодых, которые нагло шуршат гедонистически-социалистическими листками. Крестьяне Клюев и Есенин насыщены вином послаще, упоённые утопией полного избавления от человеческих уз. И всё же их крестьянское чутьё уберегло их от того, чтобы без оглядки предаться отвлечённому. Своими крестьянскими корнями они — в тёплой земле. У них нет ничего общего с искусством малой родины (Heimatkunst), они возвышаются над духовными низинами Горького или Розеггера <П. Розеггер — австрийский поэт и прозаик, бытописатель австрийского крестьянства>. Но душою они искони на земле. Духовным ритмом былин и духовных песен, дыханием Пушкина и великого обновителя языка Вячеслава Иванова овеваны их строфы. Используя неслыханные по дерзости словесные и грамматические формы, они взламывают звукопись и рифму, обуздывают их, подчиняют их — но никогда их речь не дробится на отдельные кусочки в сдавленном заикании. Их стих — никогда не логическое понятие, но всегда — страстность и образ, причем образ в самом что ни на есть национальном смысле, омытый прелью пашни и сена, запахом ладана, березовой листвы и коровьих шкур, погружённый в золото колосьев и сияние луковок церквей.

„Песнь Солнценосца“ Ключева — это, несомненно, произведение искусства вне времени и пространства, но всё же оно до такой степени коренится в русской эмоциональной и словесной выразительности, что при его переводе возникают необычайные трудности. Тем не менее, в нижеследующем фрагменте я попытаюсь передать отблеск изначального солнечного пыла этого творения <затем идет перевод заголовка произведения и первых его 22-х строк (см. Приложение)>.

В этих стихах, что своей простодушной назойливостью могут резать европейский слух, а кому-то из тех, кто усматривает в религиозном панславизме [Вл.] Соловьёва и Достоевского политическую агрессивность, могут даже показаться угрожающими, из социального кровавого плода русской революции вышелушивается его религиозная сердцевина. Далекий от политики и в то же время вполне религиозный [Андрей] Белый это понимает и пишет: „Если русский народ — «богоносец», то «богоносец» не в том вовсе смысле, что вынесет из души боготворенье: кумир; богоносен он, если сердца его — ясли: а в яслях — Христос, соединитель народов“ <[3, с. 9]>. В следующих строфах зазвучат космополитическим лейтмотивом злободневные вопросы социального характера, впрочем, также растворённые в провидческой фантазии <следует текст остальной части произведения (см. Приложение)>> [6, с. 113—116, перевод и пояснения в угловых скобках мои. — С. С.].

По окончании перевода Гартман, повторив одну из его строк («Dumpft — bis das Schicksal zersprang»; соответствующая строка оригинала: «Рúшайте ж [т. е.: Режьте же] лебедь-судьбу»), добавляет: «Этот клич глашатая свободы воли обличает в Ключеве представителя самого молодого европейского поколения в той же степени, в какой сам он подчёркивает свою глубочайшую русскость».

Затем переводчик продолжает:

«Борьба этической волевой установки с материальными ограничениями, которая в германском сознании смягчалась преимущественно посредством философски уравновешенного согласования с законом природы, в романском же, как и у теперешней немецкой молодежи, терялась в лабиринте политических компромиссов, превращается у Ключева в открытый мятеж в духе Достоевского. Однако то, что у последнего было только волей к освобождению, основанной на жесточайшем

скепсисе, здесь становится верой в утопию, что чаемое реально осуществимо на земле. В этом Ключев сближается с самой новой общепризнанной путеводной звездой — Толстым, — так же как и в полном неприятии цивилизаторски усложненного материального прогресса, и в возврате к первобытному (или в его предвосхищении) в стихах:

В лесах диких грив, звездных рун и вымян
Крылатые боги раскинут свой стан...

Но уже следующая строфа:

По струнным лугам потечет молоко,
И певчей калиткою стукнет Садко... —

резко разграничивает озарённую солнцем ключевскую жизнерадостность и угрюмый, далекий от мира путь очищения яснополянского одиночки. Ключев стремится разрешить это расхождение не в религиозно-моральном, а в религиозно-этическом и эстетическом смысле.

Лирика Сергея Есенина порождается аналогичными предпосылками» [6, с. 116—117; перевод мой. — С. С.]

Таким образом, Гартман не сомневается, что имена новейших русских поэтов должны по праву встать в единый ряд с великими именами классиков русской литературы XIX века. Пожалуй, у себя на родине ни Ключев, ни Есенин на тот момент времени (середина 1920 г.) еще не получали столь высокой оценки своего творчества...

Через три года после появления переводов Гартмана из Ключева и Есенина Савелий Тартаковер — выдающийся шахматист первой половины XX века, шахматный писатель, полиглот, переводчик русской поэзии на европейские языки — выпустил в своих переводах в Вене антологию современной русской поэзии и прозы «Русское лицо революции» [5], где предложил читателю другую немецкоязычную версию «Песни Солнца» Ключева. Тартаковер поместил её во второй раздел составленной им книги наряду с переводом поэмы Есенина «Преображение». Антология открывается кратким обзором-эссе переводчика «В волшебном саду русской поэзии» [7], в заключительной части которого заметное место уделено Есенину и Ключеву.

Есенину здесь посвящено несколько страниц (см. об этом: [4, с. 92]), где тот характеризуется и как участник группы имажинистов, и как крестьянский поэт. Следующая главка эссе Тартаковера, вновь начинаясь именем Есенина и его стихами («Есенин — синеглазый сын деревни, чей голос звучит так: „Я последний поэт деревни, / Скромнен в песнях дощатый мост. / За прощальной стою обедней / Кадящих листвою берёз“»), продолжается следующим образом:

«Но наряду с ним создателем русского рурализма <russische Ruralismus (от лат. „ruralis“ — сельский, деревенский); избранный самим Тартаковером аналог термина русского литературоведения „новокрестьянская поэзия“> — явления, единственного во всем мире, — был другой крестьянский поэт, Николай Клюев, который, словно подслушав шёпот Матери Земли, в облике мифического певца Садко влагает русскому народу в уста такие слова <следует заключительная строфа перевода клюевской „Песни Солнценосца“, выполненного Тартаковером (см. Приложение)>.

Реалистические картины деревни потрясающей выразительности находим в „Избяных песнях“ Клюева, где предметы деревенского обихода — лежанка, кухонная посуда, каравай хлеба — пробуждаются к живой жизни для того, чтобы сами сыны человеческие еще страстнее вкусили чуда жизни и смерти» [7, с. 32—33; перевод и пояснения в угловых скобках мои. — С. С.].

В другом месте своего эссе Тартаковер вновь подчёркивает: «Русский рурализм является, быть может, самой интересной главой мировой поэзии всех времён» [7, с. 36]. Нескрываемое восхищение, с которым аттестуется здесь творчество Клюева и Есенина, говорит само за себя...

Сопоставим теперь переводы «Песни Солнценосца», выполненные Гартманом и Тартаковером, как с русским оригиналом, так и между собой.

Произведение Клюева при повсеместной мужской рифмовке (aabbccddeeff etc.) делится на две части по метрике: его строки 1—52 написаны четырёхстопным амфибрахией (Амф4), а окончание (строки 53—76) — трёхстопным дактилем (Д3).

Судя по всему, ни Гартман, ни Тартаковер, переводя «Песнь Солнценосца», изначально и не помышляли пунктуально воссоздавать на

немецком языке форму ключевского сочинения как в целом, так и в деталях. В частности, размер Амф4 нередко перебивается в их переводах другими метрическими рисунками. Тем не менее, обоим немецким переводчикам удалось дать вполне адекватное представление о некоторых особенностях оригинального текста.

Гартман стремился добиться соответствующей оригиналу концентрации смыслов в пределах каждой из стихотворных строк своего перевода. Думается, не в последнюю очередь был здесь принят во внимание и формальный момент — переводчик хотел сохранить объём «Песни Солнценосца» таким же, как у автора. И это ему почти удалось — в оригинале 76 строк, Гартман же уложился в 74 (строки 43—44 «Песни Солнценосца» остались непереведёнными; подробнее об этом см. ниже). При этом он продемонстрировал тонкое понимание смысловых особенностей ключевского текста (заметим, нелёгкого в чтении для очень многих русских по рождению) и проявил немалую изобретательность в решении конкретных переводческих проблем.

Ему удалось осуществить немало близких оригиналу (как по содержанию, так и по форме) переводов многих непростых строк «Песни Солнценосца», как, например:

— «Верстак — Назарет, наковальня — Немврод, / Их слил в песнозвучье родимый народ» — «Der Werktisch ist Nazareth; Nimrod — Amboß. / Zu klingenden Psalmen mein Volk sie vergoß» (обратный перевод: «Верстак — Назарет, Немврод — наковальня. / Они разлили(сь) звучными псалмами моего народа»);

— «Живительный выгон для ярых сердец» — «Heißblodernden Herzen ein frisches Geweid» (обратный перевод: «Свежий (живой) выгон сердцам, охваченным сильным пламенем»); и т. п.

Место, где Ключев рисует возвращение в современную ему Россию былинного героя Садко (см. в Приложении, соответственно, строки 48—52 оригинала и строки 46—50 перевода Гартмана), в обратном построчном переводе с немецкого текста выглядит так:

В певчую калиточку тихо постучится Садко:
Впусти Баяна, царство меховых шапок!
Искупавшийся в Тайне, утёршийся Песней шпильмана (Leich),
Я передаю свой привет праздничным танцем,
Что прекраснее румянца плода и сияния ликов святых.

Смысл перевода Гартмана близок здесь тому, что имелось в виду в произведении Ключева. Чтобы подчеркнуть «былинность» Садко, от чьего имени ведется повествование (т. е. древнерусский колорит последнего), для передачи русского слова «песня» переводчик даже избрал слово своего родного языка, имеющее соответствующий оттенок. Это не просто песня (*Lied*) или более высокое по значению *Sang* (песнь), но *Leich* — песня странствующего певца и музыканта средневековой Германии (чуть ниже в том же духе передано и «Волхов-гусляр» — «*Wolchow, mein Spielmann*»). Эквивалентом же ключевской «Рублёвской Руси» стало у Гартмана «царство меховых шапок» («*Fellmützenreich*»).

И всё же один из существенных смыслов оригинала «Песни Солнценосца» оказывается здесь упущенным. У Ключева Садко просится вовсе не в «царство меховых шапок» (т. е. в древнюю или в допетровскую Русь), а в Россию XX века. Дело в том, что в ключевской фразе «Пустите Баяна — Рублёвскую Русь» слово «Баян» грамматически есть не что иное, как определение-приложение словосочетания «Рублевская Русь», т. е., по сути, своего рода синоним этого последнего. Гартман же, судя по его переводу («*Laßt an den Bajan, das Fellmützenreich!*»), переосмыслил эту строку, поняв ее как «Пустите Баяна в Рублёвскую Русь» ...

Впрочем, это никак не умаляет достоинств переводческого труда Гартмана в целом, на что, кстати, вскоре после публикации его статьи обратил внимание критик из среды русской эмиграции: «В мюнхенском журнале „*Der neue Merkur*“, Heft 2/3, 1920, есть перевод „Песни Солнценосца“ Н. Ключева на немецкий язык, и неплохой» [1].

Можно также отметить еще одно достижение Гартмана формального плана — окончание «Песни Солнценосца» было почти целиком (кроме последних трёх строк) переведено им размером оригинала (ДЗм; см. в Приложении строки 51—71 его перевода). При этом ни смысл, ни основная метафорика этой части ключевского произведения урона не понесли.

Перевод Гартмана, безусловно, непросто в чтении, что не может не отражаться на его восприятии. Однако переводчик шёл вслед за переводимым им автором и в этом отношении.

Обратимся теперь к «Песни Солнца», переведенной Тартаковым. В отличие от Гартмана, он соблюдал авторскую мужскую рифмовку на протяжении всего своего перевода. Впрочем, оригинальной метрике финала произведения (Д3) он всё же следовать не стал (см. Приложение).

Так же как и у Гартмана, число стихотворных строк перевода Тартакова близко к оригиналу, превышая его объём лишь на две строки (78 вместо 76). Однако способ, которым переводчик пользуется, чтобы более или менее сохранить соответствие объёмов своего перевода и исходного произведения, отличается от избранного Гартманом.

Последний стремился «упаковать» смыслы переводимых им стихов Клюева, что называется, строка в строку. Тартакову же столь малого пространства стиха часто не хватает, так что он обращается с исходным материалом намного вольнее. Содержание некоторых клюевских двустиший, например, не раз излагается им четырехстрочно (ср. по Приложению строки 3—6, 17—18, 23—24 оригинала и соответствующие строки 3—10, 21—24, 29—32 перевода Тартакова).

Такое расширение объёма, впрочем, не всегда диктуется насущной необходимостью. Вряд ли, скажем, можно подыскать мотивированное объяснение решению Тартакова развернуть клюевскую строку «Премудрость, Любовь и волхвующий Труд» в целых три строки, обратный построчный перевод которых имеет вид:

Любовь, которая всё сближает,
Мудрость, что сияет в самую глубокую ночь,
Труд с его колдовской властью.

Есть, однако, в переводе Тартакова место, где увеличение числа стихотворных строк сравнительно с оригиналом оказалось более чем оправданным. У Клюева это строки 43—46 («Тучнейте, отары голодных умов, / Прозрений телицы и кони стихов! / В лесах диких грив, звёздных рун и вымян / Крылатые боги раскинут свой стан»), понимание которых даже русскому читателю даётся с немалым трудом. Гартман не смог найти немецкого эквивалента клюевским строкам 43—44 и оставил их непереваденными. Кажется, именно поэтому смысл его перевода следующих двух строк (в немецком тексте это строки 43—44

по счёту) стал гораздо менее внятным, чем в оригинале. Вот какой вид они имеют в обратном пословном переводе:

Под звездами, в окружении ржания, бляения и лая
Крылатые боги приводят в порядок свой лагерь (стан).

Тартаковер же перелагает обсуждаемое место из «Песни Солнца» восьмистишием (см. в Приложении строки 53—60 его перевода), которое в обратном переводе выглядит так:

Так паситесь же, набирайтесь силы,
Волы голодающей науки,
Телицы, в которых таится провидец,
Кони, переплетённые поющими душами!
В лесах, где дико развеваются гривы,
Где мелькают копыта, набухает вымя
— И Золотое Руно рассказывает нежные сказки —
Там крылатые боги устанавливают свой шатёр.

По мнению носителя языка Дагмар Кассек, «если не считать отход от синтагматической структуры и удвоение строк, то перевод вполне удачный. Автор хорошо чувствует оба языка» [2]. И в самом деле, несмотря на то, что этот перевод является вольным переложением оригинала, нельзя не признать, что смысл данного места «Песни Солнца» прочитывается здесь едва ли не чётче, чем у самого автора.

Тартаковер допускает вольности в своем переводе вплоть до его окончания. Он заметно сокращает количество строк финала произведения по сравнению с оригиналом (у Клюева 24 строки, у переводчика — 16), разумеется, с неизбежными смысловыми потерями. Кроме того, в его переводе появляются строки с внутренними рифмами («Ich komme, der Fromme...», «Mein freies, mein treues...», «Euch, hellen Gesellen...» и др.; подробнее см. Приложение), совершенно отсутствующими у Клюева. Но эти вольности искупаются природным поэтическим даром переводчика и его неординарным языковым чутьем.

Приложение содержит полные тексты «Песни Солнца» и обоих её переводов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Николай Клюев

Песнь Солнца

Три огненных дуба на пупе земном,
От них мы три желудка-солнца возьмём:
Лазоревым — облачный хворост спалим,
Павлиньим — грядущего даль озарим,
А красное солнце — миллионами рук
Подыдем над Миром печали и мук.
Пылающий кит взбороздит океан,
Звонарь преисподний ударит в Монблан,
То колокол наш — непомерный язык,
¹⁰Из рек бичеву свил Архангелов лик.
На каменный зык отзовутся Миры,
И Демоны выйдут из адской норы,
В потир отольются металлов пласты,
Чтоб солнца вкусили народы-Христы.
О, Демоны-братья, отпейте и вы
Громовых сердец, поцелуйной молвы!
Мы, рать солнценосцев, на пупе земном
Воздвигнем столбашенный, пламенный дом:
Китай и Европа, и Север и Юг
²⁰Сойдутся в чертог хороводом подрут,
Чтоб Бездну с Зенитом в одно сочетать.
Им Бог — восприемник, Россия же — мать.

Из пупа вселенной три дуба растут:
Премудрость, Любовь и волхвующий Труд...
О, молот-ведун, чудотворец-верстак,
Вам ладан стиха, в сердце сорванный мак;
В ваш яростный ум, в многострунный язык
Я пчёлкою-рифмой, как в улей, проник,
Дышу восковиной, медынью цветов
³⁰Сжигающих Индий и Волжских лугов!..
Верстак — Назарет, наковальня — Немврод,
Их слил в песнозвучье родимый народ:

«Вставай, подымайся» и «Зелен мой сад» —
В кровавом окопе и в поле звучат...
«Вставай, подымайся» — старуха поёт,
В потёмках телега и петли ворот;
За ставней береза и ветер в трубе
Гадают о вещи народной судьбе...

Три жёлудя-солнца достались нам —
⁴⁰Засевный подарок взалкавшим полям:
Свобода и Равенство, Братства венец —
Живительный выгон для ярых сердец;
Тучнейте, отары голодных умов,
Прозрений телицы и кони стихов!
В лесах диких грив, звёздных рун и вымян
Крылатые боги раскинут свой стан,
По струнным лугам потечёт молоко,
И певчей калиткою стукнет Садко:
«Пустите Баяна — Рублевскую Русь,
⁵⁰Я Тайной умоюсь, а Песней утрюсь,
Почестному пиру отвешу поклон,
Румянее яблонь и краше икон:

Здравствуешь, Волюшка-мать,
Божьей Земли благодать,
Белая Меря, Сибирь,
Ладоги хлябкая ширь.

Здравствуйте, Волхов-гусяр,
Степи Великих Бухар,
Синий Моздокский туман,
⁶⁰Волга и Стенькин курган!

Чай, стосковались по мне,
Красной поддонной весне,
Думали — злой водяник
Выщербил песенный лик?

Я же — в избе и в хлеву
Ткал золотую молву;

Сирин мне вести носил
С плах и безкрестных могил.

Рушайте ж лебедь-судьбу,
⁷⁰В звон осластите губу,
Киева сполох-уста
Пусть воссияют, где Мста.

Чмок городов и племён
В лике моем воплощён,
Я — песноводный жених,
Русский, яровчатый стих!»

Lied des Sonnenträgers

Von Lodereichen am Nabel der Erde
Greifen wir Sonneneicheln und werden
Himmlisches Reisig in Morgenglut schichten,
Pfaufenfarben die Fernen durchlichten.
Die Sonne aber — millionengehoben —
Wird uns hoch über Weltqual geschoben.
Flammender Wal durchfurcht Ozeane.
Glöckner der Tiefen dröhnt an im Montblanc.
Dort ist uns Glocke und maßloser Klang,
¹⁰Flüsse verbinden Archangelossang.
Welten erwiedern den steinernen Tuben.
Aufsteh'n Dämonen aus höllischen Gruben.
Erzschichten haben zum Kelch sich umgossen,
Auf daß Christi Völker der Sonne genossen.
Trinkt denn auch ihr — meine Brüder Dämonen
Dröhnender Herzen Botschaft und Wonnen!
Ein Flammenhaus richten am Erdnabel auf
— Wir Sonnenglanzträger — mit Türmen zu Hauf.
Europa und China, der Norden und Süd,
²⁰In freundlichem Reigen die Hallen durchzieht,
Den Bund zwischen Abgrund und Höhe zu loben,
Von Rußland und Gott aus der Taufe gehoben.

Drei Eicheln entwachsen dem Nabel der Welt,
In Weisheit und Liebe und Schaffen zerspellt.

O Zauberer Hammer! Dir Hobelbank
Der Weihrauch des Reims, meines Herzmohns Gerank!
In euren unbändigen Geist und Gesang,
Vieltönig gestimmt, wie ein Bienenhaus — drang
Als Vershummel ich — und honigsüß fluten
³⁰Mir Wolgawiesen und Indiens Gluten.
Der Werktisch ist Nazareth; Nimrod — Amboß.
Zu klingenden Psalmen mein Volk sie vergoß.
«Steh auf und erhebe' dich!» — «Mein Garten ist grün.»
Blutgräben — ackerwärts hört man es ziehn.
Greisinnen singen es, ländliche Karren,
Im Dämmerlicht hört man die Pforte es knarren.
Am Laden die Birke, im Ofen der Wind,
In volkstiefe Zukunft versunken sind.

Es fielen drei Eicheln vom Astwerk gelenk,
⁴⁰Aufgierenden Felder ein Saatengeschenk:
Die Freiheit und Gleichheit und Brüderlichkeit,
Heißblodernden Herzen ein frisches Geweid.
Besternt und umwiehert, umblökt und umbellt,
Geflügelte Götter bestellen ihr Zelt.
Wiesen- und feldüber Milchströme tropfen,
Leise wird Sadko an Sangpförtlein klopfen:
Laßt an den Bajan, das Fellmützenreich!
Geheimnisgebadet, getrocknet am Leich,
Entbiet meinen Gruß ich dem festlichen Tanz,
⁵⁰Weit schöner als Fruchttrot und Heiligenglanz.

Freiheit, ich grüß' dich im Land,
Mütterchen, gottthergesandt,
Nordisches, bleichen Geweid,
Ladogas öliges Breit.
Wolchow, mein Spielmann, leb' lang,
Bucharischer Steppengefang,
Mosdocksches Nebelgeblau,
Wolga und Stenkas Verhau.
Sehntet euch wohl zu mir hin,
⁶⁰Tiefrotem Frühlingsbeginn;
Dachtet wohl — böses Geschrätt

Hätte Gefänge verweht,
Ich aber scheunenverdeckt,
Goldene Mähr spann versteckt.
Kunde von Galgen und Grab
Trug mir ein Käuzchen bergab.
Dumpft — bis das Schicksal zersprang,
Süßt eure Lippen im Klang,
Hochher vom Kiewschen Turm
⁷⁰Leuchte und läute es Sturm.
Kosung von Städten und Land
Ist in mein Lied gebannt,
Freier bin ich und Keim,
Reigenschwingender Reim.
(*Перевод Вальдемара Гартмана.*)

Gesang des Sonnenträgers

I.

Drei feurige Eichen am Nabel der Welt:
Davon man drei Früchte — drei Sonnen erhält,
Mit der hellblauen Sonne verbrennen wir
Das Reisholz der Wolken — das dunkle Revier;
Mit der Pfauensonne bescheinen wir dann,
Zwingen die Zukunft in unsren Bann;
Doch die rote Sonne — Millionen Händ'
Erheben sie hoch am Firmament.
Erheben sie hoch nach freier Wahl
¹⁰Über dieser Welt der trauernden Qual...
Ein lodernder Walfisch das Meer durchfurcht;
Verborgen, ein Glöckner schlägt an ohne Furcht:
Montblanc ist die Glocke, sie donnert und grollt;
Aus Flüssen ein Seil haben Engel gerollt.
Der steinerne Klang ruft die Welten zum Werk,
Dämonen entsteigen dem höllischen Berg,
Wie Heilande werden die Völker stehn,
Im Guß der Metalle die Sonne sehn.
Ihr, Brüder—Dämonen, auch euch sei zuteil
²⁰Das donnernde Herz, das umarmende Heil!
Wir sind S o n n e n t r ä g e r, ein Brüderheer

Am Nabel der Welt mit heißem Begehrt:
Wir wollen errichten in Sturm und Gebraus
Ein hundertzackiges flammendes Haus.
Europa und China, Süd und Nord —
Ein Reihentanz, ein Menschheitshort!
Doch wie kann um Hölle der Himmel frein?
Taufpate muß Gott, Rußland die Mutter sein.

II.

Es wachsen drei Eichen aus Nabel der Welt:
³⁰Die L i e b e, die alles zusammenhält;
Die W e i s h e i t, die leuchtet in tiefster Nacht;
Die A r b e i t mit ihrer zaubernden Macht ...
Du Hammer! du Werktsch! ich bring euch zum Lohn
Der Verse Weihrauch, des Herzens Mohn,
Mein Reim — eine Biene — belauschte ganz
Eures Geistes Tiefe, eurer Sprache Glanz;
Mein Atem ist Honig vom Kaspischen Meer
Und seltsame Blüten von Indien her!
Wohlan! Ob im Feld, ob vom Amboß durchglüht,
⁴⁰Das Volk überall läßt ertönen sein Lied:
«Erwach, steh auf!» und «Mein Garten grün!» —
Die beiden Lieder das Land durchziehn ...
«Erwach, steh auf!» — die Alte singt,
Und vielfaches Echo im Dunklen erklingt:
Die Räder des Karrens, die Angeln am Tor
Im Schornstein der Wind — ein seltsamer Chor,
Sie alle erheben den leisen Gefang:
Das Schicksal des Volkes macht alle so bang ...

III.

Drei Eichen — drei Sonnen uns wurden zuteil —
⁵⁰Den darbenden Feldern zum düngenden Heil:
Die Freiheit und Gleichheit, die Brüderschaft Zier,
Belebender Weideplatz für edle Gier!
So laßt euch den weiden, nehmt zu an Kraft,
Ihr Stiere der hungernden Wissenschaft,
Ihr Kälber, in denen ein Seher sich birgt,

Ihr Rosse, von singenden Seelen durchwirkt!
In Wäldern, wo Mähnen flattern wild,
Wo Hufe flimmern, das Euter schwillt
Und das Goldene Vlies zarte Märchen erzählt —
⁶⁰Da halten geflügelte Götter ihr Zelt,
Die Milch fließt besaitete Wiesen entlang,
Sadko tritt herein und beginnt den Gesang:

«Empfanget den Sänger, der wandern zieht,
Umhüllt vom Geheimnis, geläutert im Lied.
Ich komme, der Fromme; mein Gruß ist mild
Wie ein Apfelbaum, wie Heiligenbild.

Mein freies, mein treues, gesegnetes Land!
Sibirische Tundra! Bucharenland!
Du, Ladogasee! Du, Wolgafluß!
⁷⁰Euch, hellen Gesellen, gilt heute mein Gruß.

Das Elend verhehlend, lang habt ihr geschäumt,
Von mir, wie vom Frühling, in Sehnsucht geträumt...
In Hütten, in Ställen ich saß ohne Lob,
Wo Lieder aus goldenen Fäden ich wob.

So füge dich, bücke dich, Schicksal-Schwan!
Ihr, Städte und Völker, eilt alle heran:
Ich führe die Braut Felder, Wälder entlang —
Ich, strotzender Ernten gefättigter Klang!
(*Перевод Савелия Тартаковера.*)

ЛИТЕРАТУРА

1. Апр. Скифская поэзия (стихи А. Блока, А. Белого, Н. Клюева и С. Есенина) // Рувль. Берлин, 1921. 16 (3) янв. № 50. С. 5.
2. Кассек Д. Письмо С. Субботину (7 января 2013).
3. Скифы. Сб. 2. Пг., 1918. 231 с.
4. Шубникова-Гусева Н. «В волшебном саду русской поэзии»: К истории восприятия творчества Есенина в Германии // Есенинский вестник: Изд. Гос. музея-заповедника С. А. Есенина. 2013. № 3 (8). С. 87—98.
5. Das russische Revolutionsgesicht: Eine Anthologie zeitgenössischer russischer Dichtungen ins Deutsche übertragen und mit einer Einleitung versehen von

Dr. Savielly Tartakower. Wien; Berlin; Leipzig; New York: Interterritorialer Verlag «Renaissance», [1923]. 125 S.

6. Hartmann, Waldemar. Die jüngste russische Revolutionsdichtung // Der neue Merkur. München, 1920. Jahrg. 4. Hf. II/III. Mai-Juni. S. 110—119.

7. Tartakower, Savielly. Im Zaubergarten der russischen Poesie // Das russische Revolutionsgesicht... S. 7—37.

Серафима БОГДАНОВА

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ И СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Есенин и Клюев — два имени, которые, появившись в русской литературе на заре XX века, сразу громко заявили о себе и заняли ведущее положение в новокрестьянской поэзии. Узнав друг друга по стихам, они познакомились. Крепкая дружба, возникшая между ними, временами сменялась охлаждением отношений из-за принципиальных разногласий. Но оба поэта держали друг друга в поле зрения, черпая в этой незримой связи силы для творчества. Далеко не всеми принятые при жизни авторов, сегодня их произведения считаются жемчужинами русской словесности.

История взаимоотношений этих двух замечательных русских поэтов неразрывно связана с Петроградом—Ленинградом. Здесь они познакомились, здесь они неоднократно встречались, здесь погиб Есенин, а Клюев оплакивал его, прощаясь навсегда.

В свой первый приезд Клюев прожил в Санкт-Петербурге с 1902 по 1903 г. Затем он поехал в Москву, оттуда на родину, писал стихи, посылал свои произведения в петербургские газеты и журналы. Вторично Николай Клюев приезжает в столицу в 1907 году. В это же время начинается оживленная переписка Клюева с Александром Блоком. На первый взгляд, между ними не могло быть ничего общего. Потомственный олонецкий крестьянин — начинающий поэт, и признанный мастер «городских» стихотворений. В своих письмах Клюев пишет, что стихи Блока очень близки ему. «Мы, я и мои товарищи, читаем Ваши стихи.

Нам они нравятся. Прямо-таки удивление. Читая, чувствуешь, как душа становится вольной, как океан, как волны, как звезды, как пенный след крылатых кораблей» [9, с. 111].

Те же самые слова мог сказать и Сергей Есенин, который в марте 1915 года по приезду в Петроград сразу же отправился к Блоку. Вот что рассказал Есенин Всеволоду Рождественскому об этом памятном эпизоде своей жизни: «Блока я знал уже давно, но только по книгам. Был он для меня словно икона, и еще в Москве я решил: доберусь до Петрограда и обязательно его увижу. Хоть и робок был тогда, я дал себе зарок: идти к нему прямо домой. Приеду и скажу: вот я, Сергей Есенин, привез Вам свои стихи, Вам только одному и верю. Как скажите, так и будет...» [цит. по: 7, с. 9]. Блок высоко оценил стихи Есенина и помог молодому поэту советами и рекомендациями. Во многом, благодаря Блоку, произведения Есенина появились в столичной печати.

Александр Блок помог и Клюеву. Письма Блока укрепили Клюева в правильности избранного пути, а советы редакторского плана были восприняты с искренней благодарностью. Более того, Блок помог Клюеву опубликовать стихи в газете «Царицынская жизнь», в некоторых петербургских и московских журналах.

Первый стихотворный сборник Николая Клюева «Сосен перезвон» вышел в октябре 1911 года с посвящением «Александрю Блоку — Нечаянной радости». В первый приезд Есенина в Петроград молодой поэт встречался не только с Блоком, но и Сергеем Городецким, Михаилом Мурашевым, которые познакомили его с петроградскими издателями и рекомендовали к печати его произведения. И, вероятно, тогда Есенин слышит имя Клюева. Вот как он об этом рассказывал литератору И. Н. Розанову: «Потом я переехал в Петербург. Там меня более всего поразило существование на свете другого поэта из народа, уже обратившего на себя внимание, — Николая Клюева» [17, с. 449].

Первое письмо Есенина Клюеву отправлено 24 апреля 1915 года.

«Дорогой Николай Алексеевич!

Читал я Ваши стихи, много говорил о Вас с Городецким и не могу не писать Вам. Тем более тогда, когда у нас есть с Вами много общего. Я тоже крестьянин и пишу так же, как и Вы, но только на своем рязанском языке. Стихи у меня в Питере прошли успешно. Из 60 взяли 51. А в "Голосе жизни" есть обо мне статья Гиппиус, где упоминается и Вы. Я хотел

бы с вами побеседовать о многом, но ведь “через быстру реченьку, через тёмный лесок не доходит голосок”. Если Вы прочитаете мои стихи, черкните мне о них... Жму крепко Вашу руку» [4, с. 59].

На это письмо Николай Клюев немедленно написал ответ.

«Милый братик, почитаю за любовь узнать тебя и говорить с тобой, хотя бы и не написала про тебя Гиппиус. Но, конечно, хорошо для тебя напечатать наперво 51 стихотворение. Если что имеешь сказать мне, то пиши немедля, хотя меня и не будет в здешних местах, но письмо мне твое передадут... Мне много почувствовалось в твоих словах, продолжи их, милый, и прими меня в сердце свое» [11, с. 234].

В свой второй приезд в Петроград Сергей Есенин прямо с вокзала поехал к Сергею Митрофановичу Городецкому на Петроградскую сторону, в дом № 14 по Малой Посадской. Здесь и встретились и познакомились Есенин и Клюев. В своих воспоминаниях «О Сергее Есенине» Городецкий пишет: «Стык наших питерских литературных мечтаний с голосом, рожденным деревней, казался нам оправданием всей нашей работы и праздником какого-то нового народничества. Клюев приехал в Питер этой же зимой и у меня познакомился с Есениным. И впился в него. Другого слова не нахожу для начала их дружбы. Чудесный поэт, хитрый умник, обаятельный своим коварным смирением, творчеством, вплотную примыкавшим к былинам Севера, Клюев, конечно, овладел молодым Есениным, как овладел каждым из нас в свое время. Он был лучшим выразителем той идеалистической системы деревенских образов, которые нес в себе Есенин и все мы...» [16, с. 180].

После знакомства, Есенин и Клюев решают побывать у известных петроградских деятелей искусства: у поэтов, писателей, художников, издателей. По всей видимости, инициатором этого был Николай Клюев, не упускавший ни одной возможности по пропаганде «крестьянской линии» в литературе.

Вероятно, крайними материальными трудностями Есенина и Клюева объясняется их первый визит (6 октября 1915 года) к петроградскому литератору, члену «Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым и литераторам» Александру Алексеичу Измайлову, автору нескольких рецензий на сборники стихотворений Николая Клюева. Так, в одной из его публикаций подчеркнуто, что у Клюева «действительно народное чувство, действительно народное

мышление», и что он — «светлое дитя природы, радостная диковинка ее...» [цит. по: 14, с. 50].

В тот же день Есенин и Клюев побывали еще у одного широко известного тогда литератора Федора Федоровича Фидлера, оставившего записи в своем дневнике: «Сегодня Измайлов пригласил меня на обед. Были также оба народных поэта; после обеда я позвал их к себе: 27-летний Клюев и 20-летний Сергей Есенин (приятное мальчишеское лицо с доверчиво-наивными глазами из-под светлых курчавых волос). Оба — старообрядцы. Клюев живет со своим 75-летним отцом в избе на берегу реки; он черпает из нее воду, готовит еду, стирает белье, моет полы — словом ведет хозяйство. Оба восхищались моим музеем и показали мне достаточно осведомленными в области литературы» [цит. по: 7, с. 26].

Несколько раз Есенин и Клюев побывали у Владимира Александровича Юнгера, юриста по профессии, художника и поэта по призванию. В его кабинете поэты читали свои стихи. Народная артистка Елена Владимировна Юnger, тогда еще девочка, сохранила карандашные зарисовки Есенина и Клюева, которые сделал ее отец. Елена Владимировна вспоминала, как сидела на коленях у Есенина, и как он заразительно смеялся, когда рассказывал что-то смешное. Запомнила Елена и Клюева, одетого в русскую рубашку и сапоги, в которые были заправлены брюки.

Сергей Есенин и Николай Клюев встречаются почти каждый день. Клюев приходит на Малую Посадскую, участвует в разговорах об объединении крестьянских поэтов. Сергей Городецкий вспоминал: «Клюев оставался первым в группе крестьянских поэтов. Группа эта росла и крепла. В нее входили, помимо Клюева и Есенина, Борис Верхоустинский, Сергей Клычков и Александр Ширяевец. Все были талантливы, все были объединены системой песенно-былинных образов. Даже теперь я не могу упрекнуть эту группу в квасном патриотизме, но острый интерес к русской старине, к народным истокам поэзии, к былине и частушке был у всех нас. Я называл всю эту компанию и предполагавшееся ею издательство “Краса”...» [17, с. 255].

В ноябре-декабре Есенин и Клюев продолжают наносить визиты известным литературам и посещают великосветские салоны²³. Рождественский так высказывался об этом периоде жизни поэтов:

---

²³ О салонах см.: [11, с. 71].

«Бурлюк, разглядывая Есенина, спросил:

— А почему Вы бываете в салонах?

— Глядишь, понравлюсь, — хитро улыбался Есенин, — меня и в люди выведут» [7, с. 51].

Есенин и Клюев играли, то есть выглядели и одевались так, как того хотелось владельцам и завсегдатаям салонов. И если сравнительно скоро Сергей Есенин перестанет носить «крестьянский» наряд, то Николай Клюев до конца жизни будет одеваться подобным образом. Литературовед В.Г. Базанов так охарактеризовал поэта: «В Клюеве было что-то от профессионального очень талантливого актера, он умел перевоплощаться в простачка, блаженного и смиренного, или в хитрого олонецкого мужичка, а если нужно — в пророка: потрясал словом, витийствовал, проповедовал и заклинал» [цит по: 12, с. 32]. Своеобразное поведение и в жизни, и в литературе вызывалось желанием выполнить особую миссию крестьянского поэта, а вовсе не пошлым тщеславием и стремлением к дешевой популярности.

В конце марта 1916 года Николай Клюев, заботясь о том, чтобы Есенина не отправили в действующую армию, посылает полковнику Д. Н. Ломану письмо с просьбой о скорейшем зачислении молодого человека санитаром в один из госпиталей Царского Села. В письме Клюев, в частности, пишет: «В настоящее время ему, Есенину, грозит отправка на бранное поле к передовым окопам. Ближайшее начальство советует Есенину похлопотать о том, чтобы его немедленно потребовали в санитарный поезд. Иначе отправка к окопам неустраима. Умоляю тебя, милостивый, ради родимой песни и червонного русского слова похлопотать о вызове Есенина в поезд вскорости» [11, с. 240]. Николай Клюев вместе с Сергеем Городецким помогли Есенину попасть на службу в Федоровский городок Царского Села.

Во время службы Есенина в армии, Клюев часто приезжал к Есенину. В сохранившемся «Журнале нисходящим бумагам» Федоровского собора есть записи от 22 и 23 октября 1916 года о выдаче пропусков на богослужения в собор Есенину, Клюеву, Ганину и санитару Наумову. По приглашению императрицы Александры Фёдоровны однажды Клюев и Есенин вместе побывали в Александровском дворце. К этому событию полковник Ломан основательно подготовился. Он попросил известного певца Юрия Морфесси послушать, как они читают свои

стихи. Послушав декламацию Клюева и Есенина, вокалист высказался в пользу Есенина.

В конце 1916 года Есенин и Клюев обменялись фотографиями. Николай Клюев пишет на своей фотографии: «Сергею Есенину, прекраснейшему из сынов крещеного царства, моему красному солнышку, знаку любви великой — на память и здравие душевное и телесное. 1916 г. Николай Клюев». Сохранилась и фотография, подаренная Есениным Клюеву тогда же. Надпись на ней гласит: «Дорогому Коле, на память многую, за дни наши светлые. Сергей Есенин. Лета 1916, 28 декабря» [2, с. 30]. Эти надписи скрепили теплые дружественные отношения двух поэтов за полтора года знакомства.

К концу 1917 года отношения между Есениным и Клюевым осложнились; они уже реже встречаются, однако продолжают следить за творчеством друг друга. Как пишет Владимир Чернявский, «не отрицая значения Клюева как поэта и по-прежнему идя с ним по одному пути... Есенин не сдерживал своего мальчишески-сердитого негодования. В этой порывистой брани подчас было больше горячности и злобы, чем их было в сердце Сергея. В иной, более глубокой сфере сознания он, конечно, не переставал считать Клюева своим другом и, несмотря на все дальнейшее охлаждение и разъединение, не покинул его внутренне до последних дней» [16, с. 352]. В одной из своих автобиографий Есенин называет конфликт с Клюевым «внутренней распрей».

Наступил 1918 год, еще один трудный, переломный год в жизни России. В этот год пути Есенина и Клюева разошлись и в жизни, и в литературе. Есенин с апреля 1918 года живет в Москве, Клюев — на родине, в Олонецкой губернии. У Есенина много новых друзей, но он не забывает и старых, в том числе, конечно, и Клюева. Есенин втянулся в круговорот имажинизма. Однако его стихи резко контрастируют с поэзией В. Шершневича и А. Мариенгофа. В сборнике «Конница бурь» с подзаголовком «Второй сборник имажинистов» опубликованы такие замечательные есенинские стихотворения, как «Хорошо под осеннюю вьюгу» и «Я покинул родимый дом». Там же помещено стихотворение «Теперь любовь моя не та» с посвящением Николаю Клюеву. Да, Есенин помнил своего друга, хотя в 1918—1919 годах ничего о нем не слышал.

Николай Клюев знал окружение Есенина в то время, вероятно, получал сборники имажинистов. Он чувствовал, что Есенин постепенно

отходит от «крестьянского направления». В марте-апреле 1921 года Клюев пишет стихотворение — своего рода послание другу:

Сергею Есенину
В степи чумацкая зола —
Твой стих, гордынею остужен!
Из мыловарного котла
Тебе не выловить жемчужин.

.....

Словесный брат, внемли, внемли
Стихам — берестяным оленям:
Олбонецкие журавли
Христосуются с «Голубенем»²⁴.

Следующий стихотворный сборник Есенина «Исповедь хулигана» Николай Клюев воспринял как трагедию. Ему стало ясно, что вряд ли Есенин вернется к прежним темам. И действительно, помещенные в сборнике стихотворения почти полностью написаны в имажинистской манере.

В стихотворении, давшем названия сборнику, есть такие строки:

Я нарочно иду нечесаным,
С головой, как керосиновая лампа, на плечах.
Ваших душ безлиственную осень
Мне нравится в потемках освещать²⁵. [3, с. 73].

В ноябре 1921 года Клюев пишет поэму «Четвертый Рим». В ней он утверждает неизменность своей линии творчества:

... И верен я зыбке, плакучей родимой,
Могилушке маминой, лику гумна...²⁶.

В этом произведении Клюев не приемлет позицию лирического героя «Исповеди хулигана», который променял «на манишку ржаные

²⁴ «В степи чумацкая зола...» [10, с. 498—499]. Здесь и далее в сносках указываются процитированные фрагменты произведений Н. Клюева.

²⁵ «Исповедь хулигана» [3, с. 73].

²⁶ «Четвертый Рим» [10, с. 635].

эдемы» и заявляет: «Не хочу быть знаменитым поэтом в цилиндре и лакированных башмаках...», «не хочу цилиндром и башмаками затыкать пробойну в барке души» [10, с. 635].

Спустя долгие четыре года Сергей Есенин пишет письмо Ключеву:
«1921 год. Декабрь.

Мир тебе, друг мой! Прости, что не писал тебе эти годы, и то, что пишу так мало и сейчас. Душа моя устала и смущена от самого себя и происходящего. Нет тех знаков, которыми бы можно было передать все, чем мыслю и от чего болею. А о тебе я всегда помню. Всегда во мне ты присутствуешь. Когда увидимся, будет легче и приятнее выразить все это без письма. Целую тебя и жму твою руку. Сергей Есенин» [4, с. 111].

В ответном письме Ключев пытается убедить Есенина вернуться на колею «крестьянской поэзии». Всю вину за произошедшую в друге перемену Ключев перекладывает на «город», развративший и погубивший его.

Тем временем Есенин и Айседора Дункан собираются за границу. Однако в череде событий и неотложных дел, через три дня после регистрации брака и за пять дней до отъезда за границу, Есенин находит время и отправляет Ключеву посылку с продуктами, деньги и письмо, в котором указывает адрес книжного магазина (на случай безденежья): «напишешь, и тебе вышлют из моего пая» [4, с. 118—119]. Возвратившись из заграничного путешествия осенью 1923 года, Есенин получил письмо от Ключева с просьбой приехать в Петроград и забрать его в Москву. Четыре дня Есенин пробыл в Петрограде и 18 октября он вместе с Ключевым вернулся в Москву. 25 октября в Доме ученых состоялся литературный вечер, в программе которого было заявлено чтение Есениным своих последних произведений. Однако выступил здесь не только Есенин. Газета «Известия» на следующий день сообщила: «Дом ученых. Очередной литературный четверг был посвящен “вечеру русского стиля”, перенесшему присутствующих в атмосферу стародавней русской бивальщины. В старый барский особняк, занимаемый Домом ученых, пришли трое русских поэтов-бродяг: С. Есенин, Ал. Ганин и Ник. Ключев. Выступление имело большой успех» [цит. по: 7, с. 20].

В конце ноября Ключев вернулся в Петроград. Два поэта остались друзьями: Есенин, приезжая из Москвы в Петроград—Ленинград, считал своим долгом посетить Ключева, который жил на Большой Мор-

ской улице, дом № 45, квартира 8. О встречах на Большой Морской вспоминает поэт Игорь Марков: «Мы познакомились с Есениным у Николая Клюева. В клюевской комнатке на Большой Морской, где иконы старинного письма соседствовали с редкими рукописными книгами, можно было встретить Николая Заболоцкого, Александра Прокофьева, Даниила Хармса» [14, с. 126].

Летом 1924 года Клюев уезжает на родину, а Есенин возвращается в Москву. В начале ноября 1925 года Есенин приехал на пять дней в Ленинград. Из воспоминаний Черявского узнаем, что Есенин в эти дни встречался с Клюевым, о чем последний вспоминал: «страшно смотреть, одна шкура от человека осталась... а найти — как его найдешь?» [цит. по: 7, с. 139]. Клюев не лукавил — его друг действительно был серьезно болен. Поэт Николай Асеев так описал облик Есенина этого времени: «Передо мной был человек, товарищ, поэт, выдающий свою гибель, схвативший мою руку только затем, чтобы ощутить человеческое тепло...» [там же].

24 декабря Есенин вновь приехал в Ленинград и провел в гостинице «Англетер» четыре последних дня своей жизни. События тех дней подробно освещены в воспоминаниях литераторов, общавшихся с ним. На другой день Есенин наметил встречу с Николаем Клюевым. В воспоминаниях Эрлиха приводится рассказ Есенина о Клюеве: «Слушай! И слушай меня хорошо! Вот я, например, могу сказать про себя, что я — ученик Клюева. И это — правда! Клюев — мой Учитель. Клюев меня учил даже таким вещам: “Помни, Серёженька! Лучший размер лирического стихотворения — двадцать четыре строки”. Кстати, когда умру, а это случится довольно скоро, считай, что ты получил это от меня в наследство» [17, с. 540—541].

И дальше Эрлих вспоминает: «Проснулись в шесть утра. Первое, что я услышал от него в тот день: — Поедем к Клюеву! Ты подумай только: ссоримся мы с Клюевым при встречах кажинный раз. Люди разные. А не видеть его я не могу. Как был он моим учителем, так и останется. Люблю я его. Понимаешь, это мой учитель. Ты подумай: Учитель! Слово-то какое!...» [там же].

Эрлих оставил воспоминания и о последней встрече двух русских поэтов.

«Есенин читал Ключеву последние стихи... Когда Есенин закончил читать, некоторое время молчали. Есенин потребовал, чтобы Ключев сказал, нравятся ли ему стихи. Умный Ключев долго колебался и, наконец, объявил:

— Я думаю, Серёженька, что, если бы эти стихи собрать в одну книжечку, они стали бы настольным чтением для всех девушек и нежных юношей, живущих в России.

Есенин помрачнел. Ушел Ключев в четвертом часу. Обещал прийти вечером, но не пришел... Это была последняя встреча двух поэтов» [там же].

Ключев сказал очень обидные слова. Ведь для Есенина не было ничего дороже своих стихов. «Честь моя за песню продана», — говорит Есенин в одном из своих стихотворений²⁷. Конечно, для поэта дороги все его стихи, хотя среди них есть и удачные, и не очень. Вероятно, Ключев сказал искренне то, что думал.

Ключев не пришел в «Англетер» не только вечером в пятницу, но и в субботу 26-го, а также в последний день жизни Есенина — 27 декабря. Он простился с Есениным на панихиде, проходившей в помещении Всероссийского Союза писателей (наб. реки Фонтанки, д. 50) [14, с. 114, 130, 135—138].

Николай Алексеевич тяжело переживал смерть Есенина (кстати сказать, он не сомневался в его самоубийстве). В память о друге Ключев создает поэму «Плач о Сергее Есенине». Литературовед В. Г. Базанов пишет: «Своеобразие небольшой траурной поэмы Ключева о Есенине состоит в том, что многие ее сюжетные положения и образы вырастают из народных причитаний. Народные обрядовые причитания Ключеву были известны с детства, он их слышал в живом исполнении талантливых заонежских воплениц. В «Плач о Есенине» включены целые отрывки из причитаний...» [1, с. 185].

Исследователь творчества Есенина П. Н. Медведев пишет об этом произведении Ключева:

«Это не поэма. Это — и не похоронная заплачка, дающая выход только чувству личной потери и скорби.

Это — именно плач, подобный плачам Иеремии, Даниила Заточника, Ярославны, князя Василька.

---

²⁷ Стихотворение «Голубая да веселая страна...» (1925). — *Прим. ред.*

В нем личное переплетается с общественным, глубоко-интимное с общечеловеческим, скорбь с размышлением...» [14, с. 114].

Судьбы двух русских поэтов начала XX века оказались тесно переплетены. Трагические обстоятельства не позволили в полной мере развернуться их таланту: молодым ушел из жизни Есенин, в 1937 был расстрелян Клюев. Возможно, что в последние минуты своей жизни Клюев вспомнил заключительные строки стихотворения, обращенные к Есенину со словами веры и надежды на лучшее будущее:

*Супруги мы... В живых веках
Заколосится наше семя,
И вспомнит нас младое племя
На песнотворческих пирах!²⁸*

ЛИТЕРАТУРА

Базанов В. Г. С родного берега. О поэзии Николая Клюева. Л.: Наука, 1990. 241 с.

Вдовин В. А. Факты — вещь упрямая: Труды о С. А. Есенине. М.: Новый индекс, 2007. 600 с.

Есенин С. А. Собрание сочинений: В 6—ти тт. М.: Худож. лит., 1977. Т. 2: Стихотворения (1912—1925). 238 с.

Есенин С. А. Собрание сочинений: В 6-ти тт. М.: Худож. лит., 1980. Т. 6: Письма. 509 с.

Жизнь Есенина. Рассказывают современники / Сост., вступ. ст. и примеч. С. П. Кошечкина. М.: Правда, 1988. 608 с.

Карохин Л. Ф. Сергей Есенин в Царском Селе. СПб.: ОБЛИК, 2001. 132 с., 16 с. ил.

Карохин Л. Ф. Сергей Есенин и Николай Клюев. Рязань: Поверенный. 2002. 176 с.

Клюев Н. А. Песнослов: Стихотворения и поэмы / Сост., авт. вступит. ст., коммент.: С. И. Субботин, И. А. Костин. Петрозаводск: Карелия, 1990. 255 с.

Клюев Н. А. Письма к Александру Блоку: 1907—1915 / Издание подгот. К. М. Азадовский. М.: Прогресс-Плеяда, 2003. 368 с.

Клюев Н. А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Предисл. Н. Н. Скатова; Вступит. ст. А. И. Михайлова; Сост., подготовка текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: РХГИ, 1999. 1072 с.

²⁸ «В степи чумацкая зола...» [2, с. 499].

Клюев Н. А. Словесное древо. Проза / Вступ. ст. А.И.Михайлова; Сост., подгот. текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: Росток, 2003. 688 с.

Кузнецова В. Поэт, игравший самого себя // Встреча. 2004. №1. С. 30—33.

Ломан Ю. Д. Воспоминания крестника императрицы / Автобиографические записки. СПб.: Храм, 1994.

Николай Клюев глазами современников: Сб. воспоминаний / Сост., подгот. текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: Росток, 2005. 352 с.

Прокушев Ю. Л. Сергей Есенин: Образ. Стихи. Эпоха. М.: Мол. гвардия, 1989. 349 с.

С. А. Есенин в воспоминаниях современников. В 2-х тт. / Вступ. ст., сост. и коммент. А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. 511 с. (Лит. мемуары).

Сергей Есенин глазами современников: [Вступ. ст., сост., подгот. текста, коммент. Н. И. Шубинковой-Гусевой]. СПб.: Росток, 2006. 640 с. ил.

Сергей Есенин: Воспоминания родных: Сб. / Сост. Т. Флор, Н. Есенина, С. Митрофанова. М.: Моск. рабочий, 1985. 157 с.

Екатерина ВАЛЕВСКАЯ

ДОКУМЕНТЫ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА МЕХНЕЦОВА (1890—1941)

В стихотворениях выдающегося русского поэта Николая Алексеевича Клюева, в публикациях о нем встречается имя его земляка Михаила Николаевича Мехнецова, уроженца Вытегорского уезда (как и сам Н. А. Клюев²⁹), одного из активных деятелей, устанавливавших советскую власть в родных местах Олонецкой губернии. Клюев, как извест-

---

²⁹ Н. А. Клюев (1884—1937) родился в одной из деревень Коштугской волости, Вытегорского уезда, Олонецкой губернии (в какой именно деревне, неизвестно, так как в метрической книге Сретенской волости, где был крещен Клюев, местом его рождения указана только волость) [1 с. 7]. Из опубликованных писем Н. А. Клюева известен адрес, где он жил в 1900—1910-е годы: Олонец-

но, в 1910—1920-е годы тоже находился под влиянием революционных идей. Оба они вступили в партию большевиков, оба потом, разочаровавшись в реалиях, которые принесла с собой революция, партию покинули (Клюев был исключен, Мехнецов из партии вышел).

Н. А. Клюев посвятил М. Н. Мехнецову четыре стихотворения³⁰. К сожалению, сведений об их личном знакомстве не осталось. Немного сохранилось и документов, касающихся жизни Михаила Николаевича Мехнецова. Часть из них находится в Вытегорском краеведческом музее, часть в нашей семье — семье моего покойного мужа, младшего сына Михаила Николаевича, Анатолия Михайловича Мехнецова (1936—2008).

В данную публикацию включены следующие материалы:

— воспоминания младшего брата Михаила Николаевича — Николая Николаевича (1899—1972), написанные в 1967 году по просьбе сотрудницы Вытегорского краеведческого музея Маргариты Петровны Дмитриевой; этот рукописный документ имеется в двух экземплярах, мало отличающихся друг от друга — один экземпляр хранится в семье Анатолия Михайловича Мехнецова, другой — в Вытегорском краеведческом музее;

— газетные публикации в местной вытегорской прессе стихотворений Н. А. Клюева, посвященных Михаилу Николаевичу;

— газетная заметка, рисующая яркую картину из жизни вытегорской деревни того времени, написанная И. В. Житниковым — очевидцем и участником событий, хорошо знавшим Михаила Николаевича;

— воспоминания земляков;

— документ о воинской службе Михаила Николаевича.

Часть материалов удалось отыскать в 1960—1970-х годах вдове Михаила Николаевича — Наталье Ивановне Мехнецовой (это копии, перепечатанные на машинке либо переписанные от руки). Большая же

кая губерния, Вытегорский уезд, станция Мариинская, деревня Желвачёва. С 1918 года Клюев жил в Вытегре [3].

³⁰ Стихотворения Николая Клюева: «Пусть черен дым кровавых мятежей...» (из «Красной газеты» 27 июля 1918 года, с надписью «Посв[ящается] тов. Мехнецову»; «Красный орел» [12 февраля 1919 года] с посвящением «Товарищу Мехнецову»; два стихотворения из цикла «Песни утешения» [20 июля 1919 года] с посвящением «Светлому товарищу Михаилу Мехнецову. Памяти его убитой шляпы» [2, №№ 311, 343, 363—364].

часть документов (в их числе — письма, фотографии, газетные публикации) была обнаружена в музее и скопирована в современном цифровом формате внуком Михаила Николаевича, научным сотрудником Фольклорно-этнографического центра (Санкт-Петербург) Алексеем Анатольевичем Мехнецовым в ходе фольклорной экспедиции, проходившей в Вытегорском районе в 2006 году.

В публикации учтены также сведения о жизни семьи Мехнецовых (к сожалению, весьма краткие), которые в 1993 году, во время экспедиции Фольклорно-этнографического центра и Санкт-Петербургской консерватории в Вытегорский район Вологодской области, были получены Анатолием Михайловичем Мехнецовым³¹.

События жизни Михаила Николаевича полностью восстановить сложно, тем более, что многие документы, фотографии и письма погибли в блокадном Ленинграде.

Достоверно известно, что Михаил Николаевич Мехнецов родился в селе Великий Двор Бадожской волости Вытегорского уезда Олонецкой губернии (по современному административному делению Великий Двор относится к Анненскому сельскому поселению Вытегорского района Вологодской области). Точная дата его рождения осталась неустановленной, известен только год — 1890. Брат его, Николай Николаевич, называет 1889 год на том основании, что Михаил был старше его на десять лет. Но это ошибка. Сразу заметим, что в изданиях, посвященных Н. А. Ключеву, где есть упоминания о М. Н. Мехнецове, неверно указан год смерти Михаила Николаевича — 1943, на самом деле он умер 27 декабря 1941 года (сохранилась копия свидетельства о его смерти).

Село Великий Двор (расположенное в пяти километрах от Бадожского Погоста и в двенадцати от Анненского Моста), как удалось выяснить Анатолию Михайловичу, впервые упоминается в 1629 году в Писчей книге об Анненских пятинах. Там были некогда две церкви, соответственно отмечались два престольных праздника: Рождество и

---

³¹ Эти сведения содержатся в материалах экспедиции Фольклорно-этнографического центра и Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова, работавшей в 1993 году в Вытегорском районе Вологодской области (Архив Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова. Фондовый номер: РФ 259-а).

Успение Богородицы. Праздники сопровождались ярмарками, на которые съезжались из окрестных деревень гости. В селе были два завода — стекольный и кирпичный, кузница, несколько мастерских, школа. К началу XX века в Великом Дворе числилось 1300 жителей.

Местная жительница, уроженка деревни Зимняк, находившейся в двух километрах от Великого Двора, Екатерина Михайловна Захарова (1916 года рождения), с которой в 1993 году беседовал Анатолий Михайлович, хорошо помнила семью Мехнецовых. С ее помощью удалось восстановить некоторые факты из жизни семьи, относящиеся к 1920—1930-м годам. У родителей Михаила Николаевича — Николая и Анастасии (к сожалению, отчества их остались неизвестны) — было пятеро детей: три сына — Михаил, Георгий (Егор), Николай и две дочери — Екатерина и Александра. Николай Николаевич пишет о том, что в семье было девять человек (но не называет членов семьи — были ли еще дети или он имел в виду старших членов семьи — неизвестно). Е. М. Захарова рассказала о том, что хозяйство семьи Мехнецовых состояло из дома, «железной мастерской», где изготавливались самые простые изделия (ведра, совки и прочее), хорошей лошади по кличке «Пылина» и коровы. Анатолию Михайловичу показали луга, которые семья Мехнецовых использовала как покосы. Забегая немного вперед, скажем, что несмотря на скромный достаток, младшему из братьев, Николаю Николаевичу, который со своей семьей оставался в отцовском доме (видимо, после смерти родителей), пришлось «продать дом на школу». Как рассказала Е. М. Захарова, на него «стали нападать, что богатый дом», и чтобы избежать раскулачивания, он продал дом и покинул родные места. Школа в бывшем доме семьи Мехнецовых работала в течение длительного времени³².

Юношей Михаил Николаевич работал на лесопильных заводах. В 1912 году был призван в армию, служил трюмным машинистом на крейсере «Диана». Вступил в РСДРП(б), в 1915 году по заданию партии покинул корабль и уехал на Волгу вести агитационную работу. В 1916 году был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В 1917 году, по постановлению Военно-Морского суда, на основании

---

³² Сведения из аудиозаписи беседы А. М. Мехнецова с Е. М. Захаровой, состоявшейся в деревне Бадожский Погост 19.02.1993 года (Архив ФЭЦ имени А. М. Мехнецова СПбГК. Фондовый номер ОАФ 3355-45).

новых законов Временного правительства, был освобожден. Уехав в родную Вытегру, устанавливал там советскую власть, был первым председателем уездного исполкома, участвовал во многих съездах. Там познакомился с земляком, выдающимся русским поэтом Николаем Алексеевичем Клюевым, который также в те годы приветствовал революцию. Клюев посвятил ему четыре стихотворения, называя его «красным орлом», «алокрылым братом», «светлым товарищем».

Сведений о жизни Михаила Николаевича во второй половине 1920-х годов и в 1930-е годы очень мало. Известно, что он жил в Ленинграде, работал механиком на ленинградских заводах. Женился на Наталье Ивановне Ваулиной. Это был его второй брак: первая жена умерла, от первого брака у него был сын Александр, который жил в Кондопоге. От второго брака — трое детей: Геннадий, Рената (Рита) и Анатолий. Младший сын Анатолий родился в поселке Гирвас Петровского района Карельской АССР 27 мая 1936 года. Наталья Ивановна говорила, что они с мужем находились там в командировке.

Анатолий Михайлович (со слов матери, Натальи Ивановны) рассказывал историю о том, как его отец, бывший в молодости активным членом партии, покинул ее. Это было в тридцатые годы (когда именно, неизвестно) — на партийном собрании, проходившем на заводе, он положил на стол свой партбилет и ушел. Встал около ворот завода с шапкой (у рабочих была традиция — если какая-то беда случилась, не спрашивать, в чем дело, просто класть в шапку деньги — кто сколько может). На этот завод он больше не вернулся. Удивительно, что эта история осталась без последствий!

Анатолию Михайловичу едва исполнилось пять лет, когда началась Великая Отечественная война. Его воспоминания от отца ограничивались отдельными сценками из жизни — как он пил с отцом чай с баранками, как по просьбе отца ходил в булочную, которая находилась напротив дома, где они жили (дом № 9 по улице Петра Алексеева, теперь восстановлено старое название — Спасский переулок). Однажды он накупил на выданные отцом деньги пряников и карамелек и раздал их ребятишкам во дворе, за что получил от родителей нагоняй (все деньги истратил, всех друзей накормил, а домой ничего не принес). В 1941 году Михаилу Николаевичу был 51 год, в армию его не взяли по возрасту. В начале войны дети — Геннадий (тринадцати лет), Рената (десяти лет)

и пятилетний Анатолий — были эвакуированы в Судиславль Костромской области, затем к ним присоединилась мать, Наталья Ивановна.

Михаил Николаевич оставался в Ленинграде один. Он работал на военном заводе, готовился к отправке на фронт в составе народного ополчения. Поздней осенью 1941 года, во время обстрела, он получил осколочное ранение в ногу, а поскольку гражданских, по словам Натальи Ивановны, не брали в госпиталь (впрочем, может быть, он сам отказался от госпитализации?), он лежал дома без необходимого лечения. Кто-то из знакомых рассказал, что навещал его — Михаил Николаевич умирал от гангрены, временами терял сознание, и ничего сделать уже было невозможно. Умер он 27 декабря 1941 года, похоронен в братской могиле на Пискаревском кладбище.

Воспоминания о Мехнецове Михаиле Николаевиче с 1911 по 1941 год его брата Мехнецова Н. Н.³³

Маргарита Петровна!³⁴

Ваше письмо, в котором Вы просили меня сообщить Вам о жизни и деятельности моего брата до и в годы восстановления советской власти, в частности, его работы в б[ывшем] Вытегорском уезде. Все, что

---

³³ Имеется два варианта публикуемого текста. Оба они написаны от руки в одинаковых тонких голубых школьных тетрадях в клеточку, уверенным почерком, без помарок и почти без орфографических ошибок. Один текст датирован 15 июня 1967 года, второй — 17 июня того же года. Первый вариант хранится в семье А. М. Мехнецова, второй — в Вытегорском краеведческом музее. Публикуемый текст печатается по первому варианту, добавления и различия, имеющиеся во втором варианте, приводятся в подстрочнике. Имеющиеся в оригинале сокращения расшифрованы в квадратных скобках. Пропуски обозначены многоточием в квадратных скобках. Выставлены отсутствующие знаки препинания, исправлены некоторые слитные написания предлогов с местоимениями и существительными, а также частицы «не» с глаголами; исправлено неверное написание глаголов «сделать», «сдать». Слово «Кронштадт» в оригинале везде написано с пропущенной буквой «д». Здесь восстановлено правильное написание без использования квадратных скобок. Такие понятия как «Февраль», «Октябрь», «Октябрьские дни» (в значении политических событий), «Февральская революция», «Октябрьская революция», «Временное правительство», «Гражданская война», «Отечество» автор воспоминаний пишет, как правило, с маленькой буквы. В публикации это исправлено без дополнительных комментариев.

³⁴ Дмитриева Маргарита Петровна — сотрудница Вытегорского музея.

сохранилось у меня в памяти, я вкратце Вам отвечу, разумеется, без преувеличения.

Мехнецов Михаил Николаевич родился в бедняцкой семье в дер[евне] Великий Двор Бадожского с/с³⁵ и волости, это 12 км от Анненского Моста к с[елу] Пороги. Я рождения 1899 г., а он на 10 лет старше меня, т. е. рождения 1889 г.³⁶ Вы знаете, что б[ывшая] Олонецкая губ[ерния], куда входил и Вытегорский уезд, в царское время была местом ссылки политических (так тогда называли ссыльных). Эти ссыльные, в основном, находились на лесопильных заводах, в частности, на Рубеже, Ужле, Курдюке,³⁷ Удяже, Удельном³⁸ и друг[их].³⁹

Михаил 17-летним юношей работал на л/п заводе⁴⁰ [в] Удяже в течение 4 годов, где и получил первую закалку от ссыльных. В 1911 году он на барке, груженной пиломатериалами на этом же заводе, в качестве коренного (так звали матросов речных судов) ушел в Санкт-Петербург. И [в] 1912 г. был призван в царскую армию и служил на крейсере «Диана», там же окончил машинную школу. Не терял письменной связи с родителями и бывал в отпуске дома. В 1915 г. связь с ним прекратилась, отец заставил меня⁴¹ написать письмо на имя командира крейсера «Диана» и спросить, где наш Михаил и что с ним? Вот дословно точно, как ответил командир:⁴²

«Ваш сын Мехнецов Михаил служил на крейсере “Диана” пом[ощником] машиниста, к службе относился хорошо. Крейсер пришел с плаванья в Кронштадт. Мехнецову была разрешена отлучка на берег, откуда он не вернулся. Где он и что с ним так неизвестно».

Оказывается, Михаил уже состоял членом РСДРП и не вернулся на крейсер потому, что был направлен партией вести политическую рабо-

---

³⁵ с/с — сельский совет. Н. Н. Мехнецов пишет это в 1960-е годы; правильно — волость, что он и добавляет.

³⁶ Ошибка. Год рождения М. Н. Мехнецова — 1890.

³⁷ Правильное название — Курдюк.

³⁸ Названия поселков, где находились лесопильные заводы.

³⁹ «В семье у нас было 9 чел[овек], а земли всего “на полторы души” — это около 2-х га. И ясно, что все трудоспособные члены семьи вынуждены были ходить на заработки — лесозаготовки, сплав и т. д.»

⁴⁰ л/п завод — лесопильный завод.

⁴¹ «Отец попросил меня...».

⁴² «Вот дословный ответ командира крейсера “Диана”. Хорошо помню».

ту среди рабочих в городах на Волге⁴³. В июле или августе, точно не помню, в 1916 г. он был выслежен в Рыбинске б[ывшим] писарем Бадожского волостного правления Плюсниным. Михаил возвращался на судне обратно в Кронштадт, и так [как] номер судна и хозяин его был Плюсниным установлен, жандармерия его, сонного, на судне арестовала⁴⁴.

О том, что изменник царю и Отечеству Мехнецов М. Н. арестован, было широко официально [объявлено], в т[ом] ч[исле] сообщено и родителям⁴⁵. Я вместе с отцом и матерью приехал в Анненский Мост⁴⁶. Народу собралось столько, что не вмещал Зал Волостного правления. Многие кричали: «Расстрелять его на месте как изменника царю». Однако спросили и Михаила, что его заставило это сделать⁴⁷. Кстати, он ростом был маленький, но трибун неплохой⁴⁸. Встал на стул, и не стоило большого труда ему доказать, почему он это сделал,⁴⁹ и в заключение, когда он сказал,⁵⁰ что царский прогнивший трон скоро будет свергнут, жандармерия схватила нашего Мишу, посадили в экипаж, впряженный тройкой, с двумя жандармами, увезли [в] Вытегру и как дальше — не знаю⁵¹.

По прибытию в Кронштадт его судил полевой военный суд, который вынес решение — приговорил Мехнецова Мих. Н. к 7 годам ка-

---

⁴³ «...вести политическую работу среди рабочих [в] волжские города».

⁴⁴ «И, по прибытию судна в Анненский Мост, Михаил жандармерией был арестован (ходили слухи, что он в бегах и очевидно думали, что он на родине)».

⁴⁵ «... и сообщено родителям, что разрешается свидание».

⁴⁶ «... и нам разрешили свидание с Михаилом. Мать все время плакала. Михаил старался ее успокоить и говорил, что он ничего плохого не сделал, а почему он изменил царю и Отечеству, то скоро царский престол будет свергнут и восторжествует народ. Помню, он подал отцу 40 руб[лей] денег, при этом с улыбкой заявил, что ему теперь они не нужны. Свидание продолжалось минут 30-ть. Михаила вывели в зал Волостного правления, который был переполнен народом, [его выставили] на показ как беглеца и изменника царю и Отечеству».

⁴⁷ «Естественно, нашлись в толпе люди, которые выкрикивали: «Расстрелять его, к стенке» и т. д., и когда он — Михаил — спросил разрешения объяснить, почему он в бегах, ему разрешили».

⁴⁸ «... но трибун хороший. Зал замер».

⁴⁹ «Миша изложил точку зрения партии и призвал народ к осуществлению предстоящих событий...».

⁵⁰ «заявил...».

⁵¹ «... жандармерия схватила его, повела на улицу, где ожидал экипаж, впряжённый тройкой. Повезли нашего Михаила по направлению к Вытегре...».

торжных работ, и он был заключен в Петропавловскую крепость⁵² и освобожден в Февральскую революцию⁵³. И примерно в мае месяце 1917 г. он был направлен партией вести подготовительную работу перехода от Февраля к Октябрю⁵⁴. Он бывал часто дома и знаю, что он сколачивал вокруг себя б[ывших] фронтовиков и молодежь.

И вот еще эпизод:⁵⁵ в июне м[еся]це 1917 г. мы с ним были дома вдвоем, он отдыхал. И мне девушка, доставляющая почту (фамилия ее Ровнякова), сообщила, что Михаила Никол[аевича] едут арестовать. Я об этом сразу сказал Михаилу, он встал, [оделся] — носил флотскую форму. Засунул за опущку брюк пистолет⁵⁶, 2-й дал мне⁵⁷. И не замедлил явиться к нам в дом⁵⁸ комиссар Временного пр[авительст]ва Рыбаков⁵⁹ Дм. Ив. Он же был учителем Бадожской школы⁶⁰ и с ним 4 чел[овека] мужиков с оружием. И объявил, что «вы Мехнецов Михаил, на основании распоряжения⁶¹ Врем[енного] пр[авительст]ва, арестованы за агитацию масс против Временного правительства, и сдайте привезенную вам литературу».

Михаил Николаевич, с присущим ему хладнокровием, ответил: «Временному правительству я не подчинен. Потому что оно временное, и скоро будет настоящее — постоянное. Литературой мы пока бедны, и сдать вам ее не могу. Вы помните, в прошлом году арестовали

---

⁵² «...(после революции он водил меня туда, но я позабыл номер камеры, где он томился)».

⁵³ «Михаил с крепости был освобожден, как и все политические, в Февральскую революцию». М. Н. Мехнецов был освобожден по Определению Петроградского Временного Военно-Полевого суда 11 сентября 1917 года (см. этот документ в настоящей публикации). Из этого документа следует также, что осужден он был не на семь лет, как пишет Николай Николаевич, а на четыре года.

⁵⁴ «... но уже не на Волгу, а [в] Вытегорский уезд. В это время он не знал отдыха. Сколачивал вокруг себя б[ывших] фронтовиков, молодежь, и с присущей ему логикой он легко громил меньшевиков и эсеров. Я не хочу называть их фамилии [...] теперь, после полувековой давности...».

⁵⁵ «Однако на одном эпизоде я позволю [себе] остановиться».

⁵⁶ «револьвер» (в оригинале — «леворвер»).

⁵⁷ «... а второй подал мне, 18-летнему юноше».

⁵⁸ «Не прошло и 15 минут, как к нам в дом пожаловал...».

⁵⁹ Видимо, Рыбаков?

⁶⁰ «... церковно-приходской (кстати, у него, т. е. в этой школе учился Михаил). А с ним 4 человека вооруженных мужиков».

⁶¹ «указания...».

меня, а теперь этого я сделать вам не позволю⁶². И если тогда меня арестовали сонного, то теперь арестуйте меня тогда, когда переступите через мой труп, и причем, заверяю вас, что я теперь никуда не скроюсь и буду с вами встречать[ся]». Дал понять, что его голыми руками не взять⁶³, мужики поджали хвосты⁶⁴, а вместе с ними и представитель Врем[енного] пр[авительства] в Рыбоков. И так Михаил оставался работать в уезде, до Октябрьских дней готовил прочную почву. И сразу же после Октябрьской революции он возглавил, т. е. стал председателем Вытегорского уездисполкома.

Вы, очевидно, из истории помните, что 3—4 июня 1918 г. почти повсеместно прокатилась волна кулацких восстаний в провинциальных городах с требованиями к советской власти «дайте хлеба». Такое восстание было и [в] Вытегре, организованное бежавшим офицером и их приспешниками. Тот факт, что [в] Вытегру прибыли с 6—7-ми волостей масса людей⁶⁵, в основном, пожилые мужчины и женщины, а в распоряжении советской власти было 33 красноармейца и два пулемета. И тогда Михаил Ник. с трибуны на площади стал объяснять, что организуются прод-отряды, которые едут закупать хлеб в хлебные губернии и что на местах организуются амбары. Надо взять излишки хлеба у кулаков⁶⁶. В этот момент зачинщики восстания бросились к трибуне с целью взять всех, кто там был. Разумеется, Михаил и это ожидал, дав выстрел из пистолета кверху⁶⁷. И два пулемета (один был на каланче⁶⁸, другой на а[вто]машине) дали по очереди кверху (такая была команда — договоренность). И вся эта толпа восстания бросилась бежать кто куда⁶⁹. По-

---

⁶² «...что касается ареста меня, то теперь не 1916-й год».

⁶³ «... и дал понять, что он кой чем располагает...».

⁶⁴ «... удалились из дому...».

⁶⁵ «В город явилось народа из 6—7 волостей с целью требования: “советская власть, дай хлеба”».

⁶⁶ «Михаил и другие члены укома пытались объяснить, что организуются продотряды для закупки хлеба и когда один из них объявил, что команды на местах должны произвести изъятие излишков хлеба у богатеев и кулаков, в это время заводилы бросились к трибуне и стали применять силу».

⁶⁷ «... дал выстрел кверху как сигнал, установленный для выступления красногвардейцев...».

⁶⁸ Имеется в виду пожарная вышка — «каланча».

⁶⁹ «... и мятежников как ветром сдуло».

ломали все заборы (в то время украшали Вытегру)⁷⁰. Ну и главари были схвачены красноармейцами⁷¹.

---

⁷⁰ «Пострадали только деревянные заборы и один организатор, не помню, но кажется, фамилия Шляхтин...».

⁷¹ В публикации В. Л. Телицына, посвященной крестьянским мятежам 1917—1921 годов, приводятся такие сведения об этом событии: «Наглядным примером могут служить митинги крестьян... в Вытегорском уезде (той же губернии) летом 1918 г. Поводом для последнего стало решение Девятинского волостного Совдепа предъявить вытегорским (вышестоящим) властям следующие требования:

- 1) разрешение свободной торговли;
- 2) возвращение денег, собранных волостью на закупку продуктов и осевших в сейфах уездного исполкома;
- 3) отмена единовременного поимущественно-подходящего налога;
- 4) выдача хлеба нуждающимся.

Об этом сразу же узнали в соседних волостях, и на 2 июня в Вытегре было назначено общее волостное собрание для обсуждения Девятинских требований. За отказ от участия в собрании пригрозили штрафами (правда, не денежными, а натуральными). Местом схода выбрали площадь рядом с почтой. Вытегорская администрация не рискнула пренебречь просьбой посетить митинг, хотя к трибуне решились пройти лишь немногие. Сам же ход собрания напоминал подобные выступления в других губерниях почти «дословно».

«Толпа в начале вела себя спокойно, — сообщал позднее член президиума уездного Совета Мехнецов, — но после речи Рулева, направленной против советских организаций, заволновалась. Когда комиссар по продовольствию (Аристаров) начал обрисовывать продовольственное дело и указал, что уезд не может заготовить хлеба помимо губернской уездной продовольственной коллегии, гр[ажданин] Семенов прервал его выкриком: «Хлеб заготовить не можете, а обирать нас можете...» Т[оварищ] Аристаров принужден был покинуть трибуну».

Начался процесс неуклонной, но неизбежной «электризации» все более взвинчивавшейся толпы, «взорвать» которую мог внешне вполне незначительный и самый случайный инцидент, вряд ли бы обративший на себя внимание в какой-либо иной ситуации. На этот раз неустойчивое равновесие обрушило появление патруля из пяти-шести красноармейцев, совершавших рядовой обход городских улиц. Этого оказалось достаточно. С криками: «Зачем пришли красноармейцы?!» толпа примерно в сто человек бросилась разоружать военных. Раздались выстрелы, нападавшие побежали назад. Патруль быстро скрылся в здании почты. Собрание возобновилось, но приобрело явный антибольшевистский уклон. Часть членов Совета тут же была разоружена, один из инициаторов митинга встал на трибуну и начал «говорить о налоге, о передаче власти от уездного городскому Совету, разоружении Красной гвардии». При таком повороте событий уездным властям было уже не до «агиток». Вновь появившиеся на площади красноармейцы с помощью винтовок и пулемета быстро разогнали митинг. В тех, кто бросал камни или пытался разоружить солдат, стреляли в упор» [4].

В этот период уже шла Гражданская война, и тогда было модно на клич В. И. Ленина «Родина в опасности, все на защиту Октябрьской революции» отправлять отряды добровольцев от комитетов бедноты, в числе которых 28 октября 1918 ушел добровольцем и я. М. Н. оставался работать на старом месте⁷², и знаю, что при втором наступлении Юденича на Петроград он оставил пост предс[едателя] уездисполкома, ушел в Кронштадт, организовал отряд моряков и во главе которого отстаивал город Ленина⁷³ и где-то под Пулковым был тяжело контужен⁷⁴.

Я вернулся с Армии в июле 1922 г., он уже работал на хозяйственной работе, и на мой вопрос — почему не стал работать на советской или парт-работе? Михаил ответил, что «я революционное свое дело сделал и теперь хочу работать по специальности, как механик». Кроме того, контузия дает себя знать, и он остался верен этому до войны с фашистской Германией. Он работал и жил в это время в Л[енингра]де.

Уважаемая Маргарита Петровна! Все, что сохранилось у меня в полувековой давности в памяти о брате Мих. Никол., я Вам сообщил. Может, это и не нужно Вам — хранилось у меня многое, в т. ч. и письма, и фото. Но все пропало, т. к. я перед войной работал в Сольцах, который 27 июня [19]41 г. немцы уже бомбили. Я свою семью и 5 чел[овек] детей за 20 минут ночью посадил в вагон, как и другие ответств[енные] работники, а сам остался партизанить. Семью эвакуировали в Сибирь, и все, что было у меня, пущено на воздух.

Получил последнее письмо уже с блокадного Л[енингра]да от Михаила Ник., который, кроме всего прочего, сообщил мне адрес моей семьи и заверил меня, что Л[енингра]д врагу не отдадим⁷⁵. Его семья была также эвакуирована с Л[енингра]да, и он остался один, и его не оказа-

---

⁷² «но чувствовал нас...».

⁷³ В то время — Петроград.

⁷⁴ «организовал отряд моряков и возглавил его отстаивать любимый город — помните фильм “Мы из Кронштадта”. И где-то около Пушкина Михаил получил тяжелую контузию, которая повлияла на его слух, и он плохо слышал до конца своей жизни. И это, пожалуй, в основном, [то], что послужило причиной [ухода его] с партийно-советской работы на хозяйственную по специальности механика».

⁷⁵ «Последнее письмо я от него получил, будучи на фронте — как всегда бодрое, хотя Л[енингра]д был уже блокирован, но Миша писал, что он, этот город Ленина, колыбель пролетарской революции, сдан врагу никогда не будет. Он твердо верил в силу питерского рабочего класса».

лось, он погиб в блокаду, но как, не знаю. Факт тот, что квартира его [по] ул. Петра Алексеева д. № 9 оказалась разбитой⁷⁶.

Сообщаю последнее о его родных:

Жена Мих. Н. Мехнецова Наталья Ив[ановна] живет у дочери в г. Гусь-Хрустальный Владимирской обл., ул. Герцена, д. № 25.

Ст[арший] сын 1917 г. рожд. в г. Кондопога Карельской АССР Мехнецов Ал[ександ]р Михайлович. У его я видел фото всего состава уездисполкома — чел[овек] 15 и в центре Мих. Н., но Саше дали новую квартиру, и адреса я не знаю. Можно написать моему сыну, Мехнецову Валентину Ник., и он передаст Саше письмо. Адрес Валентина — г. Кондопога Карельской АССР, Комсомольская 54, кв. 41.

И еще два сына живут в Л[енингра]де — Геннадий Мих. и Анатолий Мих. Можно писать по адресу: г. Л[енингра], д. 11, ул. Петра Алексеева, д. № 9, кв. 1, Мехнецовым.

Между прочим, я прошлое лето проездом на а[вто]машине ездил с женой через Вытегру в Бадоги и думал — неужели нет старожилов, которые могли бы установить тех, кто восстанавливал⁷⁷ сов[етскую] власть.

Я на пенсии, мне уже 68 лет. Может, и вздумаю заглянуть на родину, тогда загляну и к вам. Нас отделяют пустыки.

Мой адрес: Лодейнопольский р-н Ленинградской обл., п/о Яровщина, Мех-база. Мехнецову Н. Н.

15/VI 1967 года.

М. П.!

Вы спрашиваете, жив ли мой 2-й брат Георгий Никол. Нет. Он скончался в ноябре 1954 г. Я его хоронил. Он работал в Плашкино Новгородской обл. Там живет его жена и дочь. Георгий всего на 4 года старше меня. Он был крепыш, но война сделала свое дело. Георгий работал пред[седателем] Бадожского волисполкома, тоже I [первым] председателем⁷⁸.

С ув[ажением] к Вам Мехнецов.

---

⁷⁶ «И так Михаила Николаевича нет в живых. Как он погиб в Л[енингра]де, установить не удалось. Одно ясно, что квартира, где он жил [по] ул. Петра Алексеева, д. № 9, была разбита не то с воздуха, не то артиллерией. Каких-либо документов его, ни даже писем у меня лично не сохранилось, [...] и все, что было, пропало бесследно. Но я до последних дней своей жизни, а мне уже 68 лет, я не забуду брата Мишу».

⁷⁷ Ошибка, следует — «устанавливал».

⁷⁸ «Кроме того, Михаил состоял в Ленинградском об[щест]ве политкаторжан. Может, там что хранится. И так, я устал. Желаю Вам успеха в работе и

[Далее следует приписка другим почерком]:

На этом воспоминания Николая Николаевича о своем брате Михаиле Николаевиче прерываются, так как мой отец, Николай Николаевич Мехнецов скорострительно скончался 3 января 1972 года.

[Подпись] В. Мехнецов. 5/1 1972 года. Ленинградская обл, Лодейнопольский р-н, п/о Яровщина. Мехнецову В. Н.

Определение⁷⁹

1917 года, сентября 11 дня, Петроградский Временный Военно-Морской суд в составе Председателя Генерал-майора Вильчевского и Военно-Морских судей: Коллежского Советника Раздольского и Подполковника Соколова, при Помощнике Военно-Морского Прокурора Подполковнике Селезневе и Секретаре Суда Коллежском Советнике Николаеве, в распорядительном заседании, рассмотрев поступившее в Суд, при надписи Гельсингфорскаго Временнаго Военно-Морского Суда от 28-го минувшаго Августа за № 408, прошение трюмного машиниста команды крейсера «Диана» Михаила Николаева Мехнецова нашел что: Трюмный машинист Михаил Мехнецов, решением Кронштадтскаго Военно-Морского Суда от 24 февраля сего года, на основании 134 и 1 ч. 102 ст. ст. Воен. Мор. Уст. о нак., в новой редакции, и 977 ст. Улож. о Нак. Угол. и Исправ. был приговорен к ссылке в каторжные на четыре года, с лишением всех прав состояния, воинскаго звания и исключением из военно-морской службы.

Выслушав заключение Помощника Прокурора, Суд находит, что к деянию Мехнецова должны быть применены п. 2 отд. 1 и п. 7 отд. 11 Постановления Временнаго Правительства от 17-го Марта сего года, в силу сего Суд ПОСТАНОВИЛ: освободить трюмного машиниста Михаила Мехнецова от наказания по приговору Кронштадтскаго Военно-Морского Суда от 24-го февраля 1917 года с восстановлением его

установления полностью людей, которые свершали большое дело. 17 июня 1967 года. Чем еще могу быть полезным, спрашивайте. Подпись [Мехнецов]».

⁷⁹ Копия документа из фондов Вытегорского краеведческого музея, оригинал находится в Центральном государственном архиве Военно-морского флота. Р-95. Оп. 1. Д. 150. Л. 88, 182. Текст приводится с сохранением правописания того времени, исключая твердый знак в конце слов, «ять» и «і».

в правах до осуждения принадлежащих, согласно ст. 5 раздела 1 того же постановления.

Подлинное подписали: председатель, Генерал-майор Вильчевский, морские судьи: Коллежский Советник Раздольский и Подполковник Соколов.

Скрепил Секретарь Николаев.

С подлинным верно:

Помощник Секретаря Л. Дульков.

«Бить буржуев? Запишите меня!»⁸⁰

1918 год ... По селу ходят слухи — в воскресенье большевики будут проводить собрание — нужны солдаты в Красную Армию.

Вот настало и воскресенье. В помещении Бадожского совдепа с самого утра многолюдно — некуда петуху клонуть. Кто сидит, а кто стоит, опершись о стены. Все больше молодые парни.

За столом сидят два матроса — большевики Михаил Николаевич Мехнецов и Тимофей Михайлович Оленев — оба бадожские.

Мехнецов объявляет: для защиты советской власти необходимо выделить от каждого комитета деревенской бедноты по два хорошо обученных солдата в армию.

В зале тихо. Лишь изредка раздаются неуверенные реплики: «А кому идти-то?», «Кому охота в армию?»

Большевики некоторое время спокойно продолжают убеждать собравшихся о необходимости посылки молодых ребят в армию. Но дело не подвигается ни на шаг.

И тогда Михаил Мехнецов бросает громовой клич: «Товарищи! Кто хочет записаться добровольцем в Красную Армию?»

Я задал вопрос: «А с кем воевать?»

В зале, словно раскат грома, раздались горячие слова большевиков: «Бить буржуев!»

---

⁸⁰ В домашнем архиве семьи А. М. Мехнецова хранится ксерокопия газетной заметки уроженца Бадожского уезда И. В. Житникова с воспоминаниями о событиях 1918 года. Название газеты неизвестно, по-видимому, это местное, вытегорское, издание. Дата также неизвестна, но из подписи ясно, что написаны они в то время, когда автор уже находился на пенсии (следовательно, не ранее конца 1950-х — начала 1960-х годов). Заметка опубликована в рубрике «Письма ветеранов войн и труда».

Люди как будто пробудились от заколдованного сна.

Зал зашумел как растревоженный улей.

— Бить буржуев? Запишите меня! — выкрикнул я.

В ответ раздалась аплодисменты. Лёд недоверия сломан! Пошло сначала по родне. Записался добровольцем в Красную Армию мой двоюродный брат Никанор Житников, потом мой дядюшка Николай Лукичёв, потом Володя Клыхин, брат Михаила Мехнецова Николай. И что ни запись — то аплодисменты. В добровольцы записались 34 человека, в том числе три старика лет под пятьдесят (правда, их отчислили в Петрограде по возрасту и состоянию здоровья).

Пошли мы домой шумной ватагой. Смотрим — навстречу нам бежит запыхавшийся Алексей Серёгин, мой одноклассник.

— Ребята, вы добровольцами пошли? — спрашивает.

— Пошли, — отвечаем.

— А меня возьмут?

— Возьмут.

Сбежал Алёха, записался. А ради этого отмахал 16 вёрст! (Сейчас Алексей Иванович проживает в Пскове).

Нас, добровольцев, зачислили во 2-й образцовый полк комитетов деревенской бедноты. В начале 1919 года наш полк переименовали в 94-й стрелковый Латышский полк, прекрасно обмундировали, что было в то время в диковинку, и направили на фронт. В мае 1922 года мы были демобилизованы.

И. Житников, пенсионер.

Воспоминания земляков М. Н. Мехнецова

Воспоминания, записанные со слов И. В. Житникова⁸¹

Мехнецов Михаил

В деревне Великий Двор стало известно, что с царского корабля бежал Михаил Мехнецов. Начались розыски. Плюснин Афанасий (предс.

---

⁸¹ Из фондов Вытегорского краеведческого музея. Рукописный документ, запись на небольшом листке бумаги. Воспоминания Ивана Васильевича Житникова, хорошо знавшего М. Н. Мехнецова, автора публикуемой заметки «Бить буржуев? Запишите меня!», запись сделана с его слов, о чем свидетельствует приписка на данном документе: «Материалы записаны со слов Житникова Ив. Вас.».

Правления волости) был в Рыбинске и там заметил Мехнецова на одном из судов во время выступления, сообщил об этом жандарму в Анненском Мосту. Жандармы забрали Мехнецова в Анненском Мосту. Он ехал по чужому паспорту: «Григорий Зайцев, 26 лет». Михаил был в порванных брюках. Пригласили отца и мать. Отец молчал, мать зарыдала. Он подал им 10 руб. Мехнецова увезли.

В уезде появились большевики. У Тыранова⁸² хотели купить 2 дома — уездн. кооператив. Большевики — Мих. Мехнецов, Оленев Тимофей — оба моряка, восстали против покупки и потребовали силой забрать у Тыранова 2 дома и склады (они были в Анненском Мосту). Они не дали уплатить 14000 руб.

Собирается волостное собрание, требуется по 2 солдата от каждого комитета дерев[енской] бедноты.

Ив. Васильевич записался добровольцем, следом записалось 35 человек, в том числе 3 старика. В Петрограде стариков отправили обратно. Был создан 2-й образцовый полк деревенской бедноты. Мехнецов был членом партии с 1915 г.

Михаил Мехнецов был хорошим другом, товарищем, всегда помогал в беде своим товарищам. Был хорошим организатором, решительным.

Добровольцем уехали на фронт как члены партии (35 чел.), выданы были книжечки члена партии.

Мехнецов был всегда спокойный, выдержанный, говорил всегда горячо, напористо.

Исключен из партии. Добровольцем пошёл записываться в армию в первый же день войны.

Работал в Технологическом институте механиком. Погиб в блокаду Ленинграда.

---

⁸² Речь идет о члене купеческой семьи, которая была известна своей благотворительной деятельностью, возможно, о купце II гильдии Иване Михайловиче Тыранове. По сведениям, полученным из Олонецких епархиальных ведомостей, И. М. Тыранов был старостой Анненской церкви в Бадогох, выделял немало средств на строительство каменной Воскресенской церкви Бадожского прихода, не раз оказывал помощь Анненской двухклассной школе [см. об этом: 5]. Говоря о пожертвованиях купцов (в том числе и Тыранова) церковноприходским школам, В. Терехова делает существенное замечание: «Не случайно на международной научно-промышленной выставке “Детский мир”, проходившей в Петербурге в залах Таврического дворца в 1903 году, экспертной комиссией были отмечены работы Шестовской и Анненской школ Вытегорского уезда» [5].

Мятеж 4 июня 1918 г.

Ив[ан] Вас[ильевич] — был в Шестово на курсах бухгалтеров. Мятежники шли с 2-мя белыми флагами с надписью «Хлеба, хлеба» — черными буквами. На красном тоже. У шестовской школы мятежники устроили митинг. Рудёв, приказчик Лопарева,⁸³ обратился к мятежникам, чтобы взять у красных пулемёты, замки.

Оленев, Семёнов — купец и 3 чел[овека] было из Совдепа у него.

Мехнецов махнул кепкой и крикнул: «Товарищи, все в порядке» — с пулеметов дали залп, был убит кадет Петров.

У сов. организаторов было по 3 револьвера. Их разоружили, у Мехнецова не стали отбирать оружие.

За пулеметом был его брат Георгий Николаевич Мехнецов.

Мих. Мехнецов был веселый, общительный, в деревне ходил с гармошкой под песню:

«По деревеньке бежит собачка белолопая,
Скажите миленькой моей, чтобы не плакала».

Воспоминания А. И. Серёгина⁸⁴

Серёгин Александр Иванович род. в д. Борисово Бадожского с/с, в 1900 году, в бедняцк[ой] семье. В годы становления сов[етской] власти был в составе Бадожского волостного совета, предс[едателем] был брат Мехнецова, Георгий Николаевич, беспартийный, был пулеметчик.

Мехнецов Мих[аил] Ник[олаевич] позвонил в Бадоги, чтобы Георгий срочно выехал в Вытегру. И Георгий Ник[олаевич] дал первую очередь из пулемета по мятежникам.⁸⁵

Мятеж был организован из девятиинцев⁸⁶.

Георгий сейчас умер.

---

⁸³ Лопаревы — купеческая семья, также активно занимавшаяся благотворительной деятельностью [5].

⁸⁴ Их фондов Вытегорского краеведческого музея. Рукописный документ на небольшом листке бумаги. Воспоминания записаны со слов либо самого Александра Ивановича, либо со слов его родных. Запись сделана тем же почерком, что и воспоминания И. В. Житникова. Брат Александра Ивановича Серёгина Алексей упоминается в газетной заметке И. В. Житникова «Бить буржуев? Запишите меня!».

⁸⁵ Речь идет о мятеже 1918 года — см. Воспоминания Н. Н. Мехнецова.

⁸⁶ девятиинцы — жители д. Десятины и ее округи.

Брат Александра Ивановича ушел добровольцем.
Александр Иванович хорошо знал Мехнецова Михаила Никол.
Мехнецова вызвали в Ленинград, работал механиком по ремонту тракторов в Паше.

Он был хороший оратор, трибун, смелый, энергичный человек.

Брат его, Николай Николаевич, живет в Оятском районе⁸⁷, поселок Алёховщина, Ленинградской обл. Он был добровольцем в Гражданскую войну, член партии.

Мих[аил] Николаевич умер в 1941 г. 27 декабря.

Резолюция Выт[егорского] Уездн[ого] Совдепа

Заслушав доклад тов. Мехнецова о работах 5-го всероссийского съезда Советов, Исполком постановил:

1) все постановления, декреты и распоряжения, изданные Советом Народных комиссаров и всероссийским советом крестьянских и рабочих депутатов, а равно и постановления 5-го всероссийского съезда безусловно признавать и всячески стараться проводить в жизнь, применяясь к местным условиям.

2) в первую очередь принять самые энергичные меры по организации комитетов деревенской бедноты и декрет о монополизации всех продуктов первой необходимости осуществить немедленно.

3) всем, кто против Совета Народных комиссаров, Всероссийского Совета Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих депутатов, немедленно снять с себя обязанности, которые на них возложены делегатским съездом крестьянских и рабочих депутатов.

4) врагам советской власти — власти беднейших крестьян и рабочих открыто заявить, что рабоче-крестьянская власть взяла в свои руки тяжелый молот и горе тем, кто попадет между крестьянским молотом и рабочей наковальней — ибо они будут раздавлены.

Председатель Совета М. Мехнецов.

---

⁸⁷ Имеется в виду местность около р. Оять (Лодейнопольский район Ленинградской области).

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлов А. И. Николай Клюев и сердце его поэзии // Клюев Н. А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Предисл. Н. Н. Скатова, вступит. ст. А. И. Михайлова; Сост., подготовка текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: РХГИ, 1999. С. 7—74.
2. Клюев Н. А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Предисл. Н. Н. Скатова, вступит. ст. А. И. Михайлова; Сост., подготовка текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: РХГИ, 1999. 1072 с.
3. Клюев Н. А. Словесное древо. Проза / Вступ. статья А. И. Михайлов; сост., подготовка текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: Росток, 2003. 688 с.
4. Телицын В. Л. «Бессмысленный и беспощадный»? // Феномен крестьянского бунтарства 1917—1921 годов. Ч. 2. Гл. 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=6435 (дата обращения: 10.09.2011).
5. Терехова В. Купеческое богатство на общее благо // Вытегра. Вып. 3. Вологда, 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.booksite.ru/trade/main/trade19/29.htm> (дата обращения: 10.09.2011).

Владимир СЕМИБРАТОВ

СИБИРСКИЙ ГОРОД, ПРЕЖНЯЯ СТОЛИЦА «СТРАНЫ МЁРТВЫХ»⁸⁸

В 2016 году исполняется 405 лет со дня основания сибирского города Колпашево. Приравненный к населённым пунктам Крайнего Севера (среднегодовая температура воздуха здесь всего — 1,1 градуса Цельсия), он занимает площадь 35 квадратных километров с населением чуть более 23 тысяч человек. Местоположение города на берегу могучей Оби определило и род занятий его жителей, связанных, в частности, с рыбными промыслами и ремонтом рыболовных судов, с перевозкой по реке леса.

Колпашево, будучи удалённым от крупных промышленных центров (до областного Томска свыше 300 километров), во многом сохраняет

---

⁸⁸ печатается в авторской редакции

облик старинного русского города с деревянными домами, мощёными улицами и тротуарами на сваях.

О его истории и развитии, выдающихся людей и памятных событиях рассказывает экспозиция местного краеведческого музея. Из неё явствует, что начало городу было положено служилыми людьми Колпашиковыми.

Изначально крохотное поселение, запечатлевшее в своём названии фамилию основателей, благодаря выгодному расположению на водном пути всё более разрасталась. В 1908 году популярный петербургский журнал «Сельский вестник» дал ему такую характеристику:

«Последняя пристань на р. Оби по пути к г. Томску — деревня Колпашева, расположенная на правом, возвышенном берегу Оби. Деревня производит приятное впечатление основательно и прочно построенными из хорошего леса избами, около которых — большие амбары. К сожалению, все строения деревни расположены без всякого порядка, что несколько странно, так как все жители деревни наши русские крестьяне. Живут зажиточно».

Тем не менее, до 1920 года, как указано на официальном интернет-сайте муниципального образования «Колпашевский район», «Колпашево было незначительным населённым пунктом в Кетской волости Нарымского края (6-го стана Томского уезда), резиденцией которого с 1842 года являлось село Тогур, нынешний пригород Колпашева. Затем село Колпашево становится центром Колпашевской волости (вместо Кетской). С 1922 года — центр Нарымского уезда».

Ещё до революции 1917 года удалённое от больших городов Колпашево стало местом невольного жительства неугодных царскому правительству людей, превратившись, по данным того же сайта, «в одну из крупнейших колоний Нарымской политической ссылки. Представители различных политических оппозиций водворялись сюда “под гласный надзор полиции”. Наиболее известные из них: Свердлов, Смирнов, Шотман, Голощёкин, Лашевич и др.».

В 1923 году в эти места за «контрреволюционную деятельность» был выслан вятский епископ Виктор (Островидов) (1878—1934), запечатлевший своё пребывание на нарымской земле в ряде своих отправленных в город Вятку (ныне Киров) писем. В первом из них, хранящемся в архиве автора этих строк, он, в частности, сообщал:

«Лето провёл всё на реке за рыбной ловлей, а теперь помогаем больным, которых немного, так как и село-то наше маленькое — всего 14 дворов. <...> ... Очень далеко мы живём и трудно до нас доехать. Летом надо ехать на лодке, а зимой на лошадях 400 вёрст». Но есть люди, которых угнали ещё дальше: один священник ехал 32 дня на лодке от Колпашева, нашего главного села. Туда и почта уж не ходит, а у нас ещё хорошо; слава Богу!».

В 1925 году обширный Нарымский уезд был поделён на четыре района, центром одного из которых и стало Колпашево. В 1932 году деревня, получившая вскоре статус села, превратилось в административный центр Нарымского округа, благодаря чему здесь стала выходить районная газета «Советский Север» и открылось педагогическое училище.

В таком качестве Колпашево и встретило классика отечественной литературы Н. А. Клюева (1884—1937), пополнившего число сосланных сюда ранее многочисленных «врагов народа». Опальный поэт стал невольным гением этого места, сделавшегося широко известным благодаря его письмам в Москву и Ленинград с просьбой о помощи.

Так, 5 июня 1934 года в эпистолярном обращении к своему другу художнику А. Н. Яр-Кравченко (1911—1983) Николай Алексеевич написал:

«После четырёх месяцев хождения по мукам я, как после кораблекрушения, выкинут на глинистый, усыпанный чёрными от времени и непогоды избами — так называемый г. Колпашев. Это чудом сохранившееся в океанских переворотах сухое место посреди тысячевёрстных болот и залитой водой тайги... Кругом нет лица человеческого, одно зрелище — это груды страшных, движущихся лохмотьев этапов. Свежий человек не поверил бы, что это люди. Никакого пейзажа — угрюмая серо-пепельная равнина, над которой всю ночь висит толстый неподвижный туман, не поддающийся даже постоянному тундровому ветру. От 10 часов до четырёх светит солнце и даже жарко, но люди, выходя по делам, и в эти часы несут на руках ватное платье — не надеясь на устойчивость погоды. <...> В сентябре уже ледовитый снег, и так до половины мая. <...>

Мне отвели комнату в только что срубленном баракообразном доме... в большинстве же ссыльные живут в землянках, вырытых своими

руками, никаких квартир в Колпашеве не существует, как почти нет и коренных жителей. 90% населения ссыльные — китайцы, сарты [часть узбеков, оседлых ещё в древности. — В.С.], грузины, цыгане, киргизы, россияне же очень мало... Все потрясающе несчастны и необщительны, совершенно одичав от нищеты и лютой судьбы. Убийства и самоубийства здесь никого не трогают. <... >

В тюрьме мне ошибочно рассказывали, что в Колпашеве растут огурцы — в нём не сеют и не жнут, и съестное редкость, и цены на всё чудовищные».

В письме от 10 июня певице Н. Ф. Христофоровой-Садовой (1880—1978) Н. А. Ключев жаловался: «Я желал бы быть самым презренным существом среди тварей, чем ссыльным в Колпашеве. Недаром остяки [прежнее название хантов. — В. С.] говорят, что болотный чёрт родил Нарым грыжей».

12 июня в письме поэту С. И. Клычкову (1889—1937) «посёлок Колпашев» назван «бугром глины, усеянным почерневшими от бед и непогодиц избами, дотуга набитыми ссыльными».

Новая характеристика Колпашева содержится в письме А. Н. Яр-Кравченко от 4 июля: «Сейчас 12 ч. дня, за окном тяжёлое, низкое, совершенно зимнее небо, тускло, свинцово-зелёным блеском, мреет жалкий картофельный огород, за ним две огромных, покосившихся избы без изгороди, без единого кустика вокруг, собака, похожая головой на цуку, сидит прямо в грязи и как околевшая неподвижно смотрит на бухлое серое небо. Я никогда не мыслил, что есть в мире такие окаянные места!»

24 июля Николай Алексеевич пишет тому же респонденту:

«Колпашево стоит на р. Оби. Река на тысячи вёрст, шириной в разлив до шести вёрст, теперь — версты полторы или меньше. Песчаные косы, низкие берега, покрытые ивняком. Один берег повыше, на нём сосновая и кедровая тайга. <... >

... Езда от Питера через Омск четверо суток до Томска, потом паром по Оби — сутки с часами до меня».

Если бы не перевод в Томск осенью 1934 года, Н. А. Ключев наверняка погиб бы в городе, названном его биографом В. А. Доманским «страной мёртвых» с «печально известным яром, где нашли свой последний приют многие ссыльные».

Но и Томск не стал спасением для знаменитого поэта, так как там он через три года был расстрелян по нелепому обвинению в причастности к мифической *«контрреволюционной кадетско-монархической повстанческой организации»*.

Что касается Колпашева, то в 1938 году этот населённый пункт стал городом, а после ликвидации в 1944 году Нарымского округа — районным центром Томской области, в каком качестве и пребывает до сего дня.

ПРОБЛЕМЫ ЭСТЕТИКИ

Алексей КАЗАКОВ

НЕУВЯДАЕМЫЙ ЦВЕТ ПОЭЗИИ¹

Песенный сборник Николая Клюева «Неувядаемый цвет», вышедший почти век назад (1920) в далекой северной былинной Вытегре, — издание уникальное: по языковому слогу-причету, по своей строгой красоте музыкально-народного строя. Даже в самой Вытегре не сыскать сегодня днем с огнем эту небольшую книжку, что стоит многих фолиантов...

Поминальным словом отзывается в нас песенное клюевское заветное пламя-радость «узорной славянской музыки». Благодарным словом-звуком олонецкого «черемухового ветерка», северных «синих цветов», «где слезы ландышей, барвинок»...

Всего-то 23 стиха-наигрыша в этой милой дорогой книжке, но каждое слово есть песня-успокоение исстрадавшейся душе нашего смутного ожесточенного времени XXI века. Поистине, то «песня про судьбу» отдельной личности и всего русского народа. Не «мертвой книгой» духовно «порабощенного пера» предстает нашему взору клюевский «Неувядаемый цвет», а бессмертным ликом вечной влюбленности в Русь-Россию:

И стих запел: люблю, люблю!

Как «василек в росистой ржи» проглядывает сквозь тягучую пелену минувших десятилетий светлый образ белеющей во мраке безвременья скромной обложки «Неувядаемого цвета», под которой открывается «глубь Онега» великого поэтического откровения. «Аз же слышал от уст его таковыя, возрадовахся радостию великою и пад

---

¹ печатается в авторской редакции

поклонился ему и отыдох с миром, и хвалих Бога моего от всег сердца... Аз же страдальческим венцом увязахся и вспомянух писание: многим бо волнам к камени приражающимся...» — как излагал в своем духовном завещании Лазарь Муромский, стародавний легендарный земляк Клюева.

Пришла, пришла пора и многострадальному «русскому берестяному Сирину» спеть вновь свои «многопестрые колдовские свирели», чтобы птицы Севера разнесли по всему миру их красочные звуки-послания ко всем отзывчивым сердцам.

«Просвещенным и хорошо грамотным людям давно знаком мой облик как художника своих красок и в некотором роде туземной живописи. Это не бравое “так точно” царских молодцов, не их формы казарменные, а образы, живущие во мне, заветы Александрии, Корсуня, Киева, Новгорода, от внуков велесовых до Андрея Рублева, от Даниила Заточника до Посошкова, Фета, Сурикова, Нестерова, Бородина, Врубеля и меньшого в шатре Отца — Есенина», — писал Н. А. Клюев в 1932 году, обращаясь во Всероссийский союз писателей.

Из «темного плена жизни» произросли лирические переживания Николая Клюева, посылавшего свои первые поэтические опыты в столицы с отчего края, с берегов студеной Андомы, из деревни Желвачево «о 8-ми дворах». В бедности и лесном одиночестве складывались песенные строки про «гагарьи туманы», «волну Палеостровскую», «златоглавые Кижы», образуя стройный «терем красок». Не случайно поэт именовал себя «олонецким Лонгфелло», ощущая внутреннюю силу эпического сказания о северной Руси-Олонии. Преодолевая «тяготень тьмы» обыденности, поэт славословил песнями земной радости, обращаясь к брату-человеку:

Я принес тебе, мой милый,
Росный ладан и цветы.

И от песни к песне, от причета к наигрышу «длиннее и кручиннее становится запевочка, крепче думушка сухотная неотпадная, голее горюшко голое, ярче и больше ненависть зеленоглазая, изначальная ярость Земли-матери, придавленной снегами до часа и дня урочного» (из письма Н. Клюева к Александру Блоку, 1908).

Пленясь «грустью несказанных намеков», Клюев взывал к душе человеческой, веруя в силу и святость образного слова, что способно запечатлеть и сохранить «пьянящие краски жизни». Ощущая себя истинным сыном матери-природы, с ее «струнно-певучей мудростью», поэт все время в тревоге за зримую «красоту недвижиму, лежащу»:

Люди придут и растратят
Золоторунную тишь,
Тяжкие камни прикатят,
Нежный растопчут камыш.

Он всегда заодно с «душой-тишиной», с естеством самой жизни, с ее веселыми и протяжными мирскими песнями-думами...

Лирический Песнослов Николая Клюева согрет вечно-весенним теплом «жданного дня» летней красоты, зримой будущности Нечаянной радости «путеводных уз». То близкое и родное:

Сторона наша забытая,
Бездорожная, окольная,
О полдён некрасовитая,
На закате беспотемная.
На лугах у нас коровушки
Щиплют горькие лопушники,
Не поют весной соловушки
В прибрежном черемушнике.
От глухой у парня участи
Муравой душа муравеет,
Будто колокол в зыбучести
Синя моря удаль ржавеет.
Пробудись, било пучинное,
Гулом в зыби, ветром в парусе,
Чтобы сердце лебединое
У детины бурей сталося!

Художник, «уразумевший единую душу во всем», Клюев и в своих размышлениях выражал философское состояние творчества: «Но перейти за черту человеческой речи — подвиг великий, для этого нужно иметь великую душу, а главное веру в жизнь и благодаренье за чудо бытия — за милые лица, за высокие звезды, за разум, за любовь... Позна-

ние же “Вечной красоты” возможно только при освобождении себя от желаний Мира и той наружной, ложной красоты, которая людьми, не понимающими жизни, выдается за творчество, за искусство. Странным, конечно, покажется, что я, темный и нищий, кого любой символист посторонился бы на улице, рассуждаю про такой важный предмет, как искусство. Но я слушаю жизни, того, что неистребимо никакой революцией, что не подчинено никакой власти и силе, кроме власти жизни. И я знаю и верую, что близок час падения вавилона — искусства пестрой татуировки, которой, через мучительство и насилие, размалевали так называемые художники...».

Резьба ветхого деревянного ставня, узорчатый шеломок кровли, бирюза небесная и крик отлетающих журавлей — все это пленяло и вдохновляло олонецкого ведуна:

Белого духа
Устами моего сердца
Поют небо и земля...

Вот и близкому по духу Николаю Гумилеву Клюев надписал свой сборник «Сосен перезвон» с убеждающей верой: «... Мы выйдем для общей молитвы на хрустящий песок золотых островов».

Такой общей молитвенной соборной радостью стали и клюевские братские песни из сборника «Неувядаемый цвет» (прозвучавшие прилюдно при содействии вытегорского кружка «Похвала народной песне и музыке»). Песни, ставшие своеобразными олонецкими сказаниями о народной душе в минуты ее скорби и чаемого ожидания светлого дня в повседневном бытии. И автор их «песенник Николашка по назывке Клюев славу поет, учестлив поклон воздает» по сей день, в наши дни технократического XXI века. Ведь не зря же в ту далекую дремучую пору своего безвременья поэт-песенник, воздвигавший на северной Руси «град Любви и последних песен — с молитвой, любовью и поклоном», горестно повторил вслед за своим предшественником, поэтом XIX века Львом Меем: «Эх, пора тебе на волю, песня русская, непогодою повитая, во крови, в слезах крещеная, омытая!» (1927).

Полностью та меевская «Запевка» (1856) звучала так:

Ох, пора тебе на волю, песня русская,
Благовестная, победная, раздольная,

Погородная, посельная, попольная,
Непогодою-невздою повитая,
Во крови, в слезах крещеная-омытая!
Ох, пора тебе на волю, песня русская!
Не сама собой ты спелася-сложилася:
С пустырей тебя намыло снегом-дождиком,
Нанесло тебя с пожарищ дымом-копотью,
Намело тебя с сырых могил метелицей...

Весь песенный свод «Неувядаемого цвета» — зримое, вещественное свидетельство преемственности русской поэзии, пример неистребимого «всеславянского писания» русского народа: от протопопа Аввакума до Клюева. Как возглашал с огневой истовой верой-пророчеством великий духом предок поэта из своего Пустозерского заточения-узилища: «... И вы, Господа ради, чтущии и слышашии, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык... Я и не брегу о красноречии и не уничижаю своего языка русскаго».

Блистаньем своевольным отмечен и лирический русский стих Н. Клюева в Неувядаемом цвете его «полесной яблони-песни, чьи цветы плащаницы духмянней».

Не от таких ли песен происходит духовное обновление и очищение сердец?..

Равно как и от нынешнего высокого звучания клюевского песенного мелоса-лада в самобытном исполнении чародейной певицы Карелии (бывшего Олонецкого края), солистки Пудожского народного хора Риммы Крапивиной, чей проникновенный голос слушатели называют восторженно «русским бельканто»...

Как и от этих слов-обращений самородного поэта к каждому, кто открыт душой навстречу лирическому чувству,— (слышите?): «Самцветный Сирий поет в твоих перстах, светлый мой брат. Лик твой в камне хризопразе, где лики всех наших русских красотоделателей от внуков Велесовых до Сурикова. Привет тебе и крепость. Н. Клюев».

За лирическим признанием поэта («Прекрасен мой север с лесами, с озерами, с избами...») слышен его ведический отзвук на всем былинном пространстве Русского Севера — древнего очага мировой культуры — от Олонецкого края до Лапландии. От озера Лаче до Ловозера

слышна клюевская провидчески-пророческая самонастроенность — мысленное общение с читателем посредством поэзии, где в каждом звуке-слове как бы и рериховское эзотерическое понимание лапландской Гипербореи, утверждающее Древнее Знание загадочного Тибета с его манящей притягательной Шамбалой...

Неувядаемым цветом, зеленеющей ветхой ожил сегодня благодатный поэтический мир художественных образов Николая Алексеевича КЛЮЕВА (1884—1937), чья подвижническая жизнь оборвалась на излете в застенках сибирского советского концлагеря в далеком Нарыме.

В Россию всегда возвращается всё настоящее после всех испытаний Временем и обстоятельствами.

Оттого вновь над отчим Андомским погостом Клюевского Вытегорья, «по Онегушке шумливой» звучат свирельные звуки олонецкого сказителя, слагавшего еще на заре нашего века свою заветную свято-русскую северную бывальщину...

Нет, не погибла «наша русская правда», презрев «железное быдло» всевозможных искучительно-ложных пролеткультов.

Слышен еще «далеко по синим поречьям благодатный печерский звон».

Жива «лебедь-Россия» на своих родных синезерях!

ЛИТЕРАТУРА

1. Клюев Н. Неувядаемый цвет: Песенник. Вытегра. Изд. Кружка «Похвала народной песне и музыке», 1920.

2. Клюев Н. А. Сердце Единорога [Текст] : Стихотворения и поэмы / Н.А. Клюев. — СПб. : Изд-во Рус. Христианского гум. ин-та, 1999. — 1071 с.

3. Клюев Н. А.Словесное древо [Текст] : [проза] / Н. А. Клюев ; вступ. ст. А. И. Михайлова ; сост., подготовка текста и примеч. В. П. Гарнина ; редкол.: Н. Н. Скатов и др. ; РАН, ИНИОН. — Санкт-Петербург : Росток, 2003. — 684 с.

4. Грунтов А. К. Материалы к биографии И.А. Клюева// Русская литература. — 1973. — №1. — С. 118-126

5. Ипатова Т. А. Н. А. Клюев в воспоминаниях вытегор // Вытегорский вестник. 1991, № I.

ПОЭМА Н.А. КЛЮЕВА «ПОГОРЕЛЬЩИНА» В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОКОВ

Замысел поэмы возник у Н. А. Клюева после написания «Древни» в 1927 году. Создавалась «Погорельщина» сначала с весны по осень 1928 года в Ленинграде, а потом на Украине в Полтаве и в селе Старые Санжары Полтавской области в гостях у украинского журналиста и актера М. М. Корсуна.

Клюев, понимая, что его поэма не появится в советской печати, старался как можно чаще представлять ее на публичных чтениях.

В августе 1929 года Р. В. Иванов-Разумник послал Андрею Белому фрагменты «Погорельщины» со своими заметками и комментариями, с которыми, как видно из ответного письма, Андрей Белый согласится. 30 августа <1929> года старейший русский символист характеризует поэму как замечательная, от которой автор приходил «в раж восторга». Клюев, по мнению Белого, очень большой поэт, махнувший в силе, «сильней Есенина».

Зрительно и технически стихи прекрасны и изумительны, пишет Белый, однако «морально — „гадостны“». Красота воображения и фантазии «при уродстве» высоких духовных источников творчества. Как и по мнению Иванова-Разумника «изумительные по образам, содержанию, ритму и технике стихотворения, *«Виноградье мое со калиною»* воняет морально: от этих досок неотесанных, на которых «нагота, прикрытая косами», идет дух мне неприемлемого, больного, извращенного эротизма; и если я услышал в «Антропософском» О«бществе» в 22<-м> году запах смеси *«парфюмерии с трупом»* и чуть ли не упал в обморок от него, то от стихотв<орений> Клюева, прекрасных имажинативно и крупных художественно, разит смесью *«трупа с цветущим жасмином»*; я не падаю в обморок, потому что соблюдаю пафос дистанции между собой и миром поэзии Клюева. А во всем прочем согласен с Вами». «Так Спаса не исповедуют!» — возвестил Андрей Белый, делая окончательный вывод, что не только поэма, но и остальная поэзия Клюева «прекрасна» и «изумительна», но от нее следует держать ее подальше [4, с. 404—405].

В конце 1920—х начале 1930-х годов возникает «молодежный кружок с русским национальным уклоном», не без влияния эсеровских настроений Иванова-Разумника [1, с. 238]. На одном из собраний кружка на квартире В. А. Гаммер был приглашен и Ключев. Собралось около пятнадцати человек. По воспоминаниям Д. Е. Максимова, «чтение было очень выразительное, узорное». Из показаний библиотекаря Е. Н. Дубова по делу «Идейно-организационного центра народничества» следует, что «контрреволюционная поэма ... увлекла слушателей». Дубов решил размножить поэму, неоднократно перепечатывая ее. «Поэма, — рассказывает Дубов, — получила известность, для совместных чтков ее собирались группами, в частности, совместно читали ее, восторженно комментируя, Громов, Ку克林, Бианки и Павлович. Поэму привёз от Ключева из Москвы Павлович. Поэма цитировалась и заучивалась членами кружка и распространялась дальше. На отпечатку этой поэмы, на бумагу и пр. мною были собраны от членов кружка необходимые средства. Максимов мне заявил, что, распространяя и размножая эту поэму, я делаю истинно культурное дело» [6, с. 499].

Литературовед В. Казанский (наст. фам. Завалишин В. К.) описал в берлинском журнале «Воля народа» в 1944 году одно из выступлений Ключева с «Погорельщиной». Вечер проходил в ленинградском Доме писателей. Выступающих представлял критик Е. С. Добин, «человек добродушный, но беспринципный, готовый писать о ком угодно и как прикажут», именно такую характеристику дал ему Казанский. Добин представил Ключева следующим образом: «Настоящий поэт лишь тот, кто умеет воспеть, как строится бляминг и добывается нефть. Все остальное — несозвучны эпохе. Сейчас перед вами один такой «чужак» выступит. Это, товарищи, поэт Николай Ключев. Творческий труп! Стихи его — устаревшая рухлядь. Я уверен, что вы встретите его пролетарским равнодушием» [2, с. 5]. Та же характеристика — «труп» — что и у Андрея Белого. Но, если у Белого речь идет лишь о «моральной» и содержательной стороне поэзии, то здесь говорится уже о разных взглядах на стихотворения «крестьянского» поэта.

Мнение Добина явно сложилось под влиянием работы В. В. Князева «Ржаные апостолы (Ключев и ключевщина)» (1924), впоследствии сильно изменившей отношение к творчеству Ключева у советской критики. Автор, высоко оценивая талант поэта, называл стихотворения его

враждебными и чуждыми пролетарской культуре. Ненавидя город и приветствуя только деревню, Клюев умер как поэт «и никогда не воскреснет: не может воскреснуть — нечем жить!». Это оценка Князева поэмы «Мать-Суббота», в которой «крестьянский» поэт возвращается к былым образам, темам и мотивам «Избьных песен» и «Лесных былей». Уже к началу 1920-х годов Князев видит в Клюеве не поэта, а певца, «сорвавшего, навсегда погубившего свой голос», потерявшего зрение, использующего слепые «лабораторные образы, сравнения». «Мирские думы» — первый сигнал о перемене мировоззрения Клюева. Причины три: «война, город, пролетарская революция», — пишет Князев. И Клюев уже не сможет выкарабкаться из «могилы», стать прежним «поэтом-идеологом-сектантом» [5, с. 136—145].

Несмотря на такую резкую оценку со стороны Добина, публика с еще большим любопытством ожидала Клюева. Перед зрителями появился мужичок с хитрыми глазами в длинной узорчатой рубахе. Клюев был похож своим нарядом на гусяров, «выступающих в ресторанах, где бывают знатные иностранцы, — чтобы поразить посетителей экзотикой «кондовой» Руси». Как видно из описаний литературоведа, «пролетарского» равнодушия не получилось. Слушатели сразу осознали, что перед ними так может выступать только «настоящий крестьянин и настоящий народный поэт». Клюев поразил зрителей своим выступлением, у которых сложилось ощущение, будто они перенеслись каким-то чудом в неизведанные сказочные, мифические земли, название которых Русь. «Выступление поэта имело исключительный успех, буквально ошеломивший мелкотравчатых урбанистов, выпустивших его», — вспоминает критик [2, с. 5].

Казанский поделился своим мнением о выступлении с «известным литературоведом» (имя которого неизвестно), и он ответил: «Ошибаетесь! У Клюева небесное — небесному, а земное земному. Романтика — для дружбы, а практическая сметка — для службы. Вы не знаете этого искусственного мужичка. Увидите, что Клюев еще будет слагать стихи в честь «коммунии»» [там же]. Однако «известный литературовед» ошибся. Клюев продолжал писать стихотворения, ставшие протестом против коллективизации, сделавшая крестьянина рабом нового государства.

О другом литературном вечере рассказывает критик и публицист Роман Менский (Раменский Г. Г.). Так как проводить чтения было риско-

ванно, то необходимо было включение критического доклада в программу мероприятия, как и в случае с выступлением в Доме Писателей. На этот раз критиком выступил некий Г.Р. Вечер проходил на Стремянной улице №10, в Доме деревенского театра. Перед началом выступления Клюева увели в соседнее помещение и «стали угощать чаем». А тем временем Г. Р. докладывал, что стихотворения «крестьянского» поэта незвучны политической современности, «при всей яркости ее образов и глубине чувств, она несет на себе печать старообрядческого духа; говоря о новом в образах прошлого, она мешает нормальному восприятию нового; говоря о деревне, она противопоставляет ее городу. «Вы железные бетонные — Мы ржаные толоконные» ... пишет в стихах Н. А., обращаясь к пролетарскому поэту Кириллову. Так говорил критик» [7, с. 152].

Таким образом, происходит вновь резкое осуждение направленности творчества поэта, предлагается та призма, через которую нужно воспринимать всё, что сейчас скажет этот противник нового государства. Зрители встретили Клюева аплодисментами. Тот не снимая поддевки сел рядом со столом и приступил к чтению «Погорельщины». Менский описывает по сути ту же реакцию, что и в Доме писателей: «В воображении, как в театре, пошел вверх занавес, раскрывая перед слушателями народный мир в его полном убранстве. Начинаясь этот мир где-то далеко за историческим рубежом. Неустанно развиваясь в себе, он приводил нас к настоящему» [там же].

По окончании выступления, Клюеву долго аплодировали, «искренне, с любовью». Понимая все последствия от выступлений Клюева с поэмой, слушатели расходились с грустью.

Аналогичную реакцию приводит в своих воспоминаниях о Клюеве литератор Н. А. Минх. Природа, которую описывал «крестьянский» поэт, была незнакома городским слушателям, но Клюев «так искусно и убедительно передавал своим чтением ее особенности, что она ярко вставала перед мысленным взором». Чтение «Погорельщины» продолжалось около сорока минут. Клюев читал медленно, словно напевал поэму и произнося гласные с необыкновенной нежностью к звукам. «От этого слова казались какими-то милыми, именно милыми и деликатными, что придавало особую красоту и прелесть читаемому. <...> Произведение было прекрасно, как по своей глубине, силе образов, бесконечным красотам, так и по исполнению» [4, с. 490].

Минх и живописец М. Д. Егоров, обсуждая «Погорельщину», пришли к выводу, что, несмотря на талант поэта и в ранних работах, им далеко до поэмы и других произведений, написанных позднее. Единственный минус, который отметил литератор, — многочисленные незнакомые, непонятные диалектизмы северного края, а некоторые просто «некрасивые слова» были взяты только для рифмы.

Восторженно отзывался о поэме и, вообще, о его творчестве художник М. В. Нестеров, в доме которого Ключев тоже выступал с «Погорельщиной». Михаил Васильевич, обняв и расцеловав Ключева, сказал: «Как дорого, что вы не забываете Русь. Я тоже свои последние годы и силы отдаю только этому» [там же].

Об это вечере Ключев писал в письме к А. Н. Яр-кравченко (18 декабря 1929): «Был у Нестерова, читал ему «Погорельщину». Он содрогался и проливал слезы, слушая» [3, с. 264].

Творчество Ключева было близко Нестерову. Он понимал поэта из глубинки, его переживания о человеке, истинном народном человеке деревенской России, его единение с природой. Нестеров, воспевая Древнюю Русь в своих произведениях, понимал Ключева, защитника старой, веры русского народа.

На Рюрика Ивнева поэма произвела огромное впечатление, он сравнивал ее с плачем Сырдона из эпоса осетинского народа «Нарты». «Все тончайшие оттенки мучительного страдания от голода переданы были виртуозно. Это было высокое и горестное искусство» [4, с. 557].

По воспоминаниям Ивнева, у искусствоведа А. И. Анисимова Ключев также читал поэму. Послушать произведение специально пришли даже официальные лица: французский посол, «германский поверенный в делах» и норвежский посланник.

Литературовед В. А. Дынник, жена Ю. С. Соколова, вспоминала о выступлении Ключева с «Погорельщиной». Читал крестьянский поэт просто, при этом все ощущали себя заколдованными.

С каждым выступлением Ключева с «Погорельщиной» зрителям запоминалась та часть, которая произвела на них наиболее сильное впечатление. По мнению А. Ахматовой, понять и осознать разом поэму было практически невозможно. По этой причине слушатели Ключева вспоминают как будто о совершенно разных произведениях: поэма о «Настеньке», о «Кружевнице Проне» или поэма о голоде.

Безусловно, поэма «Погорельщина» не при каких условиях не могла быть напечатана. Реакция на поэмы «Деревня», «Плач о Сергее Есенине» и другие, а также объявление Ключева «кулацким» поэтом не позволили бы появиться «Погорельщине» на страницах отечественной печати. Об этом писал и Ключев, и его современники. Этторе Ло Гатто вспоминал, что рукопись поэмы, которую Ключев «считал *magnum opus*» (главным сочинением)», поэт доверил именно ему, дабы он увез ее за границу, т.к. «опубликовать ... в России ему, разумеется, не разрешили бы» [8, с. 125].

Тем не менее, Ключев поначалу хлопотал об издании. Об этом вспоминает Н. А. Минх, об этом и сам Ключев неоднократно упоминает в переписке с друзьями.

В письмах к С. А. Клычкову (<конец декабря 1928 — до 7 января 1929>) Ключев сообщал, что было бы неплохо собрать вместе поэмы «Четвертый Рим», «Мать — Суббота», «Деревня», «Заозерье», «Плач о Сергее Есенине» и «Погорельщину». «Тоже бы получилась хорошая книжка. Но, повторяю, навряд ли это возможно» — писал Ключев [4, с. 750].

В письме к Яр-Кравченко от 18 декабря 1929 года Ключев сообщал о поиске возможностей опубликования поэмы: «Рукопись в издательстве лежит уже две недели, но около ее происходит большая драка. Ответа еще окончательного нет» [3, с. 264].

Речь идет об издании поэмы в «Красной газете». В письме от 18 мая 1933 года к Яр-Кравченко: «Ведь всё погребло навсегда с опубликованием хотя бы первой части поэмы («Песнь о Великой Матери» — С. Б.). Дорогой мой — для чего это нужно? Ты хотя бы говорил, что заключат договор и уплатят часть денег — помесечно; ну, уплатят за один месяц 500 руб. и всё. Так поступили в «Красной газете» с «Погорельщиной» под видом издания — так поступят и теперь. Пойми это! Дело не в издании, что по нынешним временам немислимо» [3, с. 298].

Возникает вопрос: как отреагировала бы критика на появление «Погорельщины» в печати? Этторе Ло Гатто отмечал большое влияние Городецкого с его «символи<ст>ским» происхождением на «первобытно мужицкое» в Ключеве. И в поэме критики заострили бы внимание не только на фольклорные деревенские мотивы, но и на «элементы литературного происхождения». Также итальянский литературовед

считает, что было бы неплохо, если б читатели и критики рассматривали не только «символизм» (Городецкий) и «имажинизм» (Есенин) «Погорельщины», «но и обратили внимание <...> на ту ноту страдания, которая в Клюеве доминирует над всеми литературными влияниями и коренится ... в глубоком религиозном чувстве и не менее глубоком природе. Эти два чувства были основными началами в личности Клюева и как поэта, и как человека» [8, с. 127].

Можно предположить публикация «Погорельщины» имела бы еще больший резонанс, нежели поэмы «Деревня» (1927). При выходе «Деревни» посыпалось немного голов, в частности, в редакции литературного журнала «Звезда». А редактор А. И. Зонин отчаянно кричал на страницах передовицы «На литературном посту», что решение печати «черносотенного стихотворения Н. Клюева» принималось без него. И, безусловно, ни один редактор и издательство не решалось публиковать новое, всеми оцениваемое как лучшее, произведение Клюева в своем журнале или газете.

Причину нежелания издательств публиковать «Погорельщину» изложил Клюев в письме всё к тому же Яр-Кравченко (2 января 1930): «Ты знаешь, Толечка! Ведь все они завистники. Все синие, шипели от злости, зависти. Ведь если мне выпустить «Погорель», им делать тогда нечего, особенно поэтам, ихнее дело обнажается» [3, с. 264].

Упоминает поэт и о некоей петиции, поданной во ВЦИК В. Ивановым, Ф. Ф. Раскольниковым и другими. Даже было устроено специальное чтение в Историческом музее, зал под русский стиль и зрителей около ста человек. Однако и это не сработало.

Но результат был совершенно печальным - арест Клюева и ссылка в Колпашево. Причину Клюев своим близким сообщил следующей: «Я сгорел на своей «Погорельщине», как некогда сгорел мой прадед протопоп Аввакум на костре пустозерском» (письмо С. А. Клычкову от 12 июня 1934 из Колпашево) [там же, с. 313]. «За свою последнюю поэму под названием Погорельщина, основная мысль которой та, что природа выше цивилизации, за прочтение мною этой поэмы немногим избранным художникам и за три-четыре безумные и мало продуманные строки из моих черновиков — я сослан московским ОГПУ по статье 58, пункт десять, в Нарым, в поселок Колпашево, на пять лет» (письмо Е. П. Пешковой из Колпашево, 15 июня 1934). Эту же причину Клю-

ев назовет в письмах из Колпашево к С. А. Толстой-Есениной (17 июня 1934), Н. С. Голованову (25 июля 1934 г.), В. Я. Шишкову (лето 1934 г.), где просил похлопотать их об уменьшении срока ссылки (5 лет).

Не только Ключев пострадал от «Погорельщины». По делу «Идейно-организационного центра народничества» поэма проходила как «контрреволюционная», она постоянно фигурировала материалах дела. И. Дубов, распространявший «Погорельщину», был сослан. А Максимов, поддерживавший его в этом деле, получил три года ссылки в Нарым, который находился недалеко от Колпашево Ключева.

ЛИТЕРАТУРА

Азадовский К. М. Жизнь Николая Ключева. Документальное повествование. СПб.: Звезда, 2002.

Казанский В. Николай Ключев // Воля народа. 1944. №3.

Ключев Н. А. Словесное древо. Проза / вступ. статья А. И. Михайлова; сост., подг. текста и прим. В. П. Гарнина. СПб.: Росток, 2003.

Ключев Николай. Воспоминания современников / Вступ. ст. Л. А. Киселевой; сост. П. Е. Поберезкиной, С. И. Субботина. М., 2010.

Князев В. В. Ржаные апостолы (Ключев и ключевщина). Пг.: Прибой, 1924.

Куняев С. С. Николай Ключев (ЖЗЛ). М.: Молодая гвардия, 2014.

Менский Р. Н. А. Ключев // Новый Журнал. 1953. № 32.

Струве Г. Ло Гатто Э. Воспоминания о Н. А. Ключеве // Новый журнал. 1953. № 35.

Константин ЛОГИНОВ

Н.А. КЛЮЕВ И ПРОВИДЧЕСКО-ПРОРОЧЕСКИЕ НАРОДНЫЕ ПРАКТИКИ ОБОНЕЖЬЯ

Прежде, чем рассуждать о пророческом даре великого крестьянского поэта Н.А. Ключева и сравнивать его пророческую практику с народными провидческими и пророческими практиками Обонежья, следует уточнить, что, собственно, следует считать «пророчеством». Ведь про-

видения и пророчества — это одна статья, а гадания — уже совершенно другая. Провиденья, по большому счету, тоже не ровня пророчествам.

Не является гаданием, не может претендовать на роль пророчеств или провидений предугадывание будущего на основе интеллектуального прогнозирования, когда будущее выводится из предпосылок, имеющих в прошлом или настоящем, текущем времени. Это не что иное, как достоверно рассчитанный прогноз, а вовсе не пророчество.

Теперь о гаданиях. При самом простейшем варианте загадывания люди с закрытыми глазами трижды пытаются попасть кончиком указательного пальца левой руки в кончик указательного пальца правой руки. Сколь бы не усложнялся процесс угадывания, результат все тот же: либо «угадал», либо «не угадал». Разве что степень вероятности угадывания несколько повышается. Наиболее надежным в среде современных гадателей и гадалок Обонежья считается китайский способ гадания по «Книге перемен». Он тоже осуществляется по системе «Да» — «Нет» с помощью многократного подбрасывания монеты в воздух и записывания результатов каждого выбрасывания в определенное число столбиков [2, с. 320-346].

Похоже, что и в целом мире нет более верной методики гаданий. Народные гадания, в которых простой народ ответ надеется получить от сверхъестественных сил [22, с. 267], почти всегда направлены на предсказывание личной судьбы человека. Но такого рода самостоятельные попытки получения личных «пророчеств» (к ним прибегали и прибегают обычно в зимние либо летние святки) в силу неисполнения или профанации необходимых ритуальных действий (или по иным причинам) сбываются или не сбываются с вероятностью все тех же загадываний по системе «Да» — «Нет». Хотя, загадывая сугубо личное, простой народ порой получали ответы, касающиеся всего их сообщества целиком. Например, по сообщению корреспондента «Олонецких губернских ведомостей», Петра Коренного, в святки 1917 года гадавшие «слуховым образом» на ростанях заонежские девушки слышали не звон колокольчиков и лай собачек, сулящих близкое замужество, а «неясный лязг оружия и обрывки каких-то песен», что было воспринято как предвестье окончания войны и возвращения женихов с фронта в родные деревни [16]. О том, что в Отечестве в 1917 году произойдут подряд сразу две революции, никто и предположить не смог.

Не лучшим способом обращения к нечистой силе в тривиальных святочных гаданиях можно считать и осуществляемые круглый год народные гадания по камушкам, на бобах, на игральным и картах «Таро». Последние в Обонежье до 1990-х гг. были исключительно прерогативой одних лишь цыган. Точность гаданий на Таро превозносит великий эзотерик Папиус, утверждая, что руку умелого мастера направляют сверхъестественные силы [8, с. 416], но и такая практика не может именоваться строго пророческой в строгом смысле этого слова. На роль пророков народные предсказатели личных, индивидуальных людских судеб явно не тянут. Материалы, собранные автором в Карелии от лиц, обращавшихся к самым признанным в нашем регионе предсказателям будущего, свидетельствуют, что 100% гарантию исполнения даваемого прогноза просителям обещается лишь в результате прохождения у цыган через очень дорогую для заказчика «черный ритуал». Считается, что после этого предсказанную нечистым духом судьбу, какой бы страшной она не оказалась, «уже ничем изменить будет нельзя» [19]. А это зовется нейро-лингвистическим программированием» (по-народному — «зомбированием»), т. е. внушением программы, рассчитанной на обязательное исполнение. Автор этих строк изучал более 10 лет магическую практику народов Карелии. Вывод однозначен: деревенские магические специалисты даже самого высшего уровня [там же, л. 117—135] способные, как утверждают они сами, видеть скрытое пространством или временем прошлое, настоящее и будущее. Они постоянно опасаются, что подчиненные им сущности тонкого мира иногда обманывают тех, кому они служат, показывая картины с изображением какого-либо отрезка судьбы приходящих к целителям клиентов. Таким образом, почти вся мистическая практика простого народа — от профанов и до самых продвинутых традиционных и современных магических специалистов — может быть классифицирована в качестве «провидческой» (что-то и в какой-то степени предвидится, предугадывается, но до «пророческого» размаха ей далеко).

Итак, получается, что народных гадателей у нас в Обонежье, хоть пруд пруди, провидцы у нас тоже дело вполне заурядное, а вот пророки — в дефиците. Единственным бесспорным пророком в Обонежье слывет лишь Фаддей Блаженный (Юродивый), подвизавшийся в Петровской слободе (ныне г. Петрозаводск) в начале XVIII века. Тот самый, что предсказал смерть Петру I в его последний приезд в им же ос-

нованный город при впадении реки Лососинки в Онежское озеро. Современные обонежские служители церкви немало порадили ради земляка. В итоге Фаддея Юродивого они зачислили в когорту святых, канонизировали его, хотя необходимых для причисления к лику святых трех чудес за Фаддеем, похоже, никогда не водилось. В наши дни гробница блаженного, облицованная полированным камнем, стоит перед центральным входом в церковь Александра Невского — главного храма Республики Карелии. Петрозаводские студенты в щели гробницы регулярно подкладывают записки ради успешной сдачи экзаменов или исполнения иных тайных желаний. Пока старинная гробница Фаддея Блаженного пребывала в туне (обнаружилась она во время ремонтных работ на площади им.С. М. Кирова), студенты г. Петрозаводска ездили в город на Неве, чтобы оставлять личные просьбы в письменном виде в щелях гробницы Ксении Блаженной на Смоленском кладбище.

В Обонежье в дореволюционный период обладателями пророческих книг считались также старообрядцы Даниловского монастыря. После закрытия монастыря и высылки его обитателей в Сибирь, случившейся в 1854 году, вещицы книги сохранялись среди последователей древнего благочестия. Наверное, что-то было вывезено в Сибирь, но остались они и у избежавших ссылки и скрывавшихся в деревнях в окрестностях озера Выгозера старообрядцев [5]. Книги эти якобы состояли из сведений, касающимися грядущей судьбы России, списанных во времена средневековья в Киево-Могилянской Академии с несохранившихся до наших дней так называемых «Сивиллиных книг» [28].

Автор, живший в конце XIX века, оставил превосходнейшее описание крестьянской общины д. Парандовой, привел, как ему тогда казалось, самые нелепые утверждения ревнителев старой веры из этих книг. К ним он отнес утверждения, что наступят времена, когда «все люди будут получать жалование», а рыбы на Выгозере и в лесных озерах «почти не останется» [5]. В те времена олонецкий чиновник и представить себе не мог, что люди будут жить не на труды праведные с крестьянских полей, а на зарплату и пенсии, что почти невероятное количество рыбы в Выгозере и окрестных водоемах снизиться до уровня нынешних дней.

Утверждение, что современные российские старообрядцы все еще обладают пророческими книгами, автору удалось услышать своими

ушами в одной из московских телепередач сразу по завершению путча ГКЧП в 1991 году. Участникам телешоу буквально светились от радости по поводу малого числа человеческих жертв, принесенных на алтарь победы у Белого дома. Но на сцену перед телекамерами вышел бородатый проповедник в черной рясе и заявил: «Зря вы так радуетесь. В наших пророческих книгах записано, что нынешнего правителя России будут звать Борис Кровавый!»! За эти слова он был изгнан с трибуны негодующей толпой. А потом и в самом деле случились две Чеченских войны с их немалой кровью от сражений, как блистательных, так и бесславных. В настоящие дни в Обонежье стародавних блюстителей древней русской веры и их пророческих книг уже не найдешь. Местные ясновидцы на высокий статус явно не дотягивают. Вот только у автора возникает вопрос, можно ли причислить к пророкам современности нашу единственную на всю Карелию личность, про которую говорят, что она всем, всегда и по любым вопросам неизменно предсказывает правду [там же]. Эта женщина живет в пос. Чална в 20 км от Петрозаводска. Выглядит она как полубезумная, поскольку ходит круглый год неумытая и не расчесанная в тряпье и обносках, а за свои предсказания берет водкой и продуктами, но не деньгами. Она точно не юродивая, не имеет ни малейшего представления о юродстве. Хуже всего, что ее неуравновешенный характер то и дело портится от приступов, во время которых она и вещает о будущем. Соседи говорят, что говорит она в этом состоянии не от Духа Святого, а от некоего нечистого духа. Дух этот якобы, отвечая на вопросы ее устами, порою наводит порчу на просителей, если те чем-либо ему не нравятся. Истину ли сообщали автору данной статьи информанты или что-то приукрашивали, судить не возьмусь. Если честно, то причислять эту женщину, добровольно ведущую жизнь маргинальной части общества, к сонму пророков автору совсем как-то не хочется.

Хорошо было бы иметь определение того, что следует считать собственно пророчеством. Но справочники и Интернет-ресурсы в этот вопрос ясности не вносят. Представляется, что истинные пророчества касаются событий, как правило, отдаленных по времени на одно или много поколений вперед от жизни человека, изрекающих пророческие слова. Другими словами, пророчество никак не исходит из текущих прижизненных социокультурных обстоятельств самого пророка.

Именно поэтому они кажутся неясными и непонятными, даже абсурдными многим современникам² пророка. Изначально библейские пророчества касались времен достаточно отдаленных от времен жизни пророков. Само зарождение понятия «пророк» восходит к «Книге пророков» из иудейской Танахи. Пророками древние иудеи именовали исключительно «провозвестников Божественной воли».

Как тут не вспомнить, что мусульмане, признают реальность земного существования Христа, считают его 39 пророком иудейского народа. Исходя из этого, надо понимать, что масштабность личностей, претендующих на звание пророка, должна быть чрезвычайно высока. Пророки и пророчества — это значения, превосходящие уровни повседневности в десятки и сотни раз. Где-то в эзотерической литературе (сейчас уже ссылку не разыскать) автору приходилось встречать утверждение, что пророком можно считать личность, предсказание которой относительно будущих столетий сбылись, хотя бы на 2 %. При этом был приведен конкретный пример. Человек, задавший себе целью предсказывать будущее, вполне мог бы придумать одновременную гибель двух братьев и даже близнецов, но указать при этом еще и на «буш» (башни-близнецы в Нью-Йорке были атакованы при президенте Буше) способен был только истинный пророк.

Попробуем оценить, насколько этому правилу соответствовал талант и масштабность личности Н. А. Клюева. Лично сам Николай Александрович по этому поводу комплекса неполноценности не испытывал. Он не только именовал себя «ясновидящим природным поэтом» [12, с. 153] (что вровень с народными «ясновидцами»), но и на разряд выше — пророком. В частности, в Ясную Поляну к Л.Н. Толстому, если верить эпистолярному наследию поэта, молодой Клюев отправился, чтобы изложить свои «пророческие видения» [13, с. 37—38]. В «Словесном древе» многие свои сны (сон аспидный и др.) и видения сам Клюев характеризует как пророческие [там же, с. 80—81, 85—86, 92—93, 95—100 и др.]. Даже временами описывает состояния, в которых ему приходили откровения. Например: «Слушал Россию... кровные повести, каких никто не слышал... удары колокола в грядущем... па-

---

² Над пророческими словами Ванги: «Курск» будет под водой», «Крым отстанет от одного берега и пристанет к другому берегу» современники буквально издевались, пока в Баренцевом море не затонула подводная лодка «Курск», пока Крым снова не вошел в состав Российской Федерации.

растас о России патриаршей к золотому новоселию к новым кровя [там же, с. 67].

Литераторов, признавших в той или иной мере за Ключевым его пророческие способности, трудно, наверное, даже и перечислить. Не осталась в стороне и заграница. Цитирую: «... среди западных славистов тоже, стало модным, что ли, говорить о Ключеве, как о некоем русском Нострадамусе, с точностью предсказавшем отдаленные события будущего» [25]. С литераторами соглашались некоторые этнографы [21, с. 9] и культурологи [6]. Самым же известным пророческим стихотворением Н. А. Ключева является, без сомнения, «Песнь Гамаюна» из поэмы «Разруха» [26, с. 308—317]. Само название стиха идет от имени мифологической птицы-вещуньи будущего. Приведем текст полностью.

«К нам вести горькие пришли
Что зыбь Арала в мертвой тине
Что редки аисты на Украине
Что Моздокские не звонки ковыли
И в светлой саровской пустыне
Скрипят подземные рули.
Нам тучи вести занесли
Что Волга синяя мелеет
И жгут по Керженцу злодеи
Зеленохвойные кремли.
Что нивы Суздальские тлея
Родят лишайник да комли!
Нас окликают журавли
Пролетной тягою впоследки
И сгибли зябликов наседки
От колтуна и жадной тли,
Лишь сыроежкам многолетки
Хрипят косматые шмели!
К нам вести черные пришли,
Что больше нет родной земли,
Как нет черемух в октябре,
Когда потемки во дворе.
Считают сердце колуном,
Чтобы согреть продрогший дом.
Но не послушны колуну

Поленья воют на луну
И больно сердцу замирать,
А в доме друг, седая мать...
Ах, страшно песню распинать!
Нам вести душу обожгли
Что больше нет родной земли
Что зыбь Арала в мертвой тине
Замолк Грицько на Украине,
И Север, лебедь ледяной
Истек бездомною волной
Оповещаая корабли,
Что больше нет родной земли!» [11, с. 225].

Известный исследователь творчества Н. А. Клюева, Виталий Александрович Шенталинский, отозвался об этом стихотворении, как о грозном пророчестве, «обращенном в будущее, прямо в наши дни». Он считает, что подобного которому «по степени мистического прозрения нет не только в русской поэзии, но, кажется, и во всей мировой» [25, с. 314]. Благодаря данному стихотворению Клюева знают и ценят не только литературоведы. Среди обычных знакомых автора (не из среды поклонников поэта и не из ученых-литературоведов) немалая доля лиц, имеют вообще хоть какое-то представление о Николае Клюеве только благодаря данному стихотворению и содержащемуся в нем пророчеству, как они говорят: «О судьбе Аральского моря». Наверное, не только моим знаком, далеким от науки и литературоведения, известно, что Аральское море основательно пересыхало уже не раз в своей истории, например, во второй половине первого тысячелетия до нашей эры или в XIII веке (ко времени монгольской экспансии в Евразии). Отсюда некий ажиотаж и безусловное доверие пророчеству. А доверять есть чему. В настоящее время Арал представляет собой три отдельных водоема, а из 93 пород рыб Аральского моря в этих исключительно соленых водоемах сохранилось только 4 породы [1]. Вот уж воистину сбылось пророчество и «стала мертвой зыбь Арала». Прав В. А. Шенталинский в своих рассуждениях о Саровской пустыни, т.е. обители, где в свое время подвизался Серафим Саровский. Территория обители была включена во времена СССР в состав так называемого «Арзамаса 16» — жилого и промышленного конгломерата, в котором разрабатывалось атом-

ное оружие. К словам В. А. Шенталинского можно добавить, что «подземные рули» там «скрипели» вполне реально: одной из разработок советских ученых была «подземная лодка» с атомным двигателем. Чудо советской технической мысли трагически погибло при испытаниях на южном Урале всего лишь через два месяца после подписания с западными державами Договора о прекращении испытаний атомного оружия [23]. Добавим, что и с «ковьями» (будь то Моздокскими или иными,) пророчество Ключева тоже сбылось. В Европейской части нашей страны дикие степные и лесостепные ландшафты из-за усиленного промышленного освоения практически исчезли. Работникам природно-исторического мемориала «Поле Куликово» потребовалось 10 лет упорной работы, чтобы их восстановить, и об этом, как о большом достижении было доложено Президенту Российской Федерации [24]. А вот по поводу строки «редки аисты на Украине» осталась некоторая неопределенность. В частности, профессор Е. И. Маркова высказала предположение, что здесь прямой намек на события в Чернобыле [9]. Научное сообщество пока, кажется, не возражало. Однако у автора данной статьи особое мнение. Оно сводится к тому, что падение рождаемости среди украинских матерей после взрыва Чернобыльской АЭС не наблюдалось, зато украинская нация первой среди восточных славян прекратила демографический рост (за счет сокращения количества детей в семье), и случилось это в начале 1960-х гг., тогда как Российской Федерации численность умерших перестала восполняться за счет вновь родившихся двумя десятилетиями позже. Впрочем, как знать, а вдруг здесь нечто из не наступившего еще будущего?

Следующее пророчество о том, «что Волга синяя мелеет» кристально прозрачно: река действительно пребывает в состоянии экологической катастрофы из-за постройки на ней каскада электростанций, замедлившей течение могучей реки почти до нуля километров в час. Также и «злодеи», жгущие «зеленохвойные кремли» тоже, как на ладони! Дело не только в экстремально высоких температурах лета 1971—1972 или 2010 годов, когда от дымов лесных пожаров люди едва не задыхались даже в столичном центре. Лесные пожары, устраиваемые лесопромышленниками для маскировок незаконных рубок, стали практически нормой в постсоветской России. Именно таких лесопромышленников Ключев, наверное, и поименовал «злодеями».

Следующие восемь строк, как нам представляется, описывают ситуацию, которая пока только-только разворачивается на просторах России. Она заключается в том, что пчел на всей планете поразила страшная эпидемия, которая шириться, растет, принимает характер планетарного бедствия. Шмелей эти паразиты не могут одолеть, зато пчелы погибают повсеместно. И прогнозы здесь страшные [27] без опыления пчелами невозможно опыление ржи, ковыля и других злаков. Так что не исключено, что картина, напророченная Ключевым в этих 8 строках еще может сбыться, если и не повсеместно, то на обширных территориях.

Следующие далее строки анализируемого стихотворения, содержат слова, помогающие читателям глубже войти в процесс сопереживания общей трагедии. Строчка о «замолк Грицько на Украине», надо признаться, пока не поддается истолкованию. Разве что наступит время, когда власти Украины найдут причину, чтобы запретить издавать в своей стране поэта и детского писателя Грицько Гигория Пилиповича (1923—1978 гг.). А вот с толкованием В. А. Шанталинским строчек «Север, лебедь ледяной истек бездомною волной», которые он прочитывает, как предсказания опустошения Севера от переброски речных вод в пустыни, я бы поспорил. Ибо «гигантскоманнская» идея 1970—1980-х гг. о переброске вод северных озер и рек на юг заглохла, не начав даже воплощаться. Зато крестьянских домов на Севере убыло так, будто они стаяли, растворились на необозримых пространствах в результате политики укрупнения деревень. На родине Ключева полностью исчезли целые волости в Замощье в верхнем течении реки Андомы, на верхнем и среднем течении реки Самины, впадающей в Андому. Об этом не только сообщают на конференциях и пишут в своих статьях исследователи творчества Ключева, но и говорят на улицах обыкновенные вытегорские школьники.

Можно, наверное, было бы вспомнить вслед за В. А. Шанталинским строки Ключева о предсказании чернойбыльской трагедии («ниспала польнинная звезда, стали воды и воздух желчью») или карабахского конфликта («черный вестник Карабаха»), еще какие-нибудь другие, но вполне очевидно, что после сказанного выше в пророческом даре Н. А. Ключева можно не сомневаться.

Ответим в заключение на несколько важных для данной статьи вопросов:

- 1) Не обладал ли Ключев пророческим «даром» с рождения?
- 2) Не получил ли он пророческий «дар» от неких внешних сил?
- 3) Не воспринял ли пророческий «дар» в готовом виде, подобно колдунам [14] и ведунам [16]?
- 4) Не является ли приобретение пророческого «дара» Ключевым результатом его собственных усилий?

В автобиографической прозе Ключев признавался, что его способность к продвинутой сензитивной деятельности в нем была подмечена его матерью, Прасковьей Андреевной [13, с. 30], «*по приметам особой благодати*» [там же]. Такие приметы в народном просторечье Обонежья еще называются «Печатью Божьей». То и другое представляет собой родинки на интимных частях тела, от природы сложившиеся в виде креста [17]. О безусловном наличии подобных «печатей» на своем теле, к примеру, автора убеждали все наиболее «продвинутые» современные обонежские целители и целительницы [19, с. 92—93]. Однако наличие такого знака на теле — это лишь показатель имеющихся способностей, которые нужно еще раскрыть прилежным трудом. Если человек не посвящает себя занятиям целительством (либо прорицаниями), то и способности его не реализуются. Так что именно с целью раскрытия прирожденных одаренностей своего сына Прасковья Андреевна отправила его в Соловецкий монастырь [17].

Версию вторую, описанную Н. А. Ключевым в его биографии как «встречу под елью» с огненным шаром, как будто поддерживают два исследователя. В. П. Ершов прямо расценил сей факт биографии поэта, как получение «дара прозрения» под елью [6]. Карельская исследовательница Е. И. Маркова расценила тот же «факт» из биографии Ключева, как «новое рождение божественного отрока, наделенного сакральными функциями» [7, с. 62]. Однако «прозрение» в возрасте 13 лет — это явный нонсенс. Даже свою первую поездку на Соловки для иноческого служения Ключев относит уже к 15-летнему возрасту. Именно там, на голодной диете при непрестанных молитвах и совершении бесчисленного числа поклонов на ночь (400 — в первой поездке и 1000 во второй) начали впервые проявляться сензитивные способности будущего поэта, когда он только-только начал «видеть ауру» богомольцев, смог лечить их методом наложения рук и отмаливания грехов [17]. Поэтому «встречу под елью» с НЛО можно рассматривать лишь как

некий толчок, запустивший бурное развитие сензетивных способностей Ключева, но никак не момент их приобретения. Идея того, что пророческие способности заключал в себе Ключев в юном возрасте, но скорее всего, еще не открыл или не умел ими воспользоваться, неоднократно встречается в работе В. В. Дементьева «Олонецкий ведун» [4, с. 212]. Правда, зрелому Ключеву в пророческих способностях данный автор ни чуть не отказывает [там же, с. 215, 257].

Версия третья, связанная с владением Ключевым суфическим знанием. Кажется, она вообще не могла бы не рассматриваться, ведь к суфиям Кавказа для познания эзотерических мудростей Востока после бегства от поволжских «хлыстов» Ключев не добрался. В его стихах и биографической прозе нет ни единого намека о попытках восприимства колдовских или ведовских умений. Но его уверения о трехсуточном обмирании, случившимся в день похорон его матери [13, с. 32], заставляют рассматривать в какой-то степени и эту версию. Так, записывая в экспедициях информацию о людях, впавших на время в летаргический сон (временно обмирающих), автор постоянно получал уверения, что обмиравшие в летаргическом состоянии получали некий объем тайной информации, разглашение которой среди живых им было запрещено под страхом окончательной смерти.

Разглашалось лишь «предписание свыше» не носить на себе неглаженого белья, что с нашей точки зрения кажется глупостью [20, с. 364]. Не презрев ли запреты трехдневного обмирания, Ключев посветил современников и потомков в события, описанные им в «Песни Гамаюна»? Представляется, что совсем сбрасывать со счетов данную версию нельзя, если, конечно, допускать что прочтение информации из будущего доступно отдельным избранным из простых смертных. По крайней мере, сам Ключев считал, что откровения из прошлого России он воспринимал и прочитывал как «*реальный результат утраченной энергии*» [13, с. 167], т. е. на очень тонком, но все еще материальном уровне.

Второй довод в пользу данной версии автору представляется еще более шатким, но и замалчивать его было бы неумно для современного ученого. Довод (повторюсь — очень шаткий, сугубыми материалистами вряд ли будет воспринят) заключается в том, что автор дважды сталкивался с ситуацией, когда информант, вне всяких сомнений обладаю-

щий сензетивными способностями (один имеет в практику, востребованную не только среди обычных граждан, но и в МВД г. Петрозаводска), уверял, что значительную часть своих магических знаний и умений получил уже после смерти учителя. В одном случае речь идет о полугодовом сроке со дня смерти (информант ради этого ночевала на могиле отца-ведуна) [18, № 2, Ф.1, оп.6, д.678]. Второй информант воспринимал информацию в форме пондемоторного (автоматического) письма в период с 9-го по 40—й день со дня смерти родной тетки, слывшей весьма сильной целительницей в Кенозерье Каргопольского района Архангельской области. Невольная восприемница магических знаний и умений своей тетки каждую ночь просыпалась в районе 3—4-х часов ночи, а ее рука выводила на страницах тетради в клеточку строки с обрывками заговоров и магических ритуалов, делала рисунки, объясняющие, как следует накладывать руки на тела больных при лечении биоэнергетикой и т. п. [18, № 1, Ф.1, оп.6, д.706].

Тетрадь эту удалось заполучить автору данной статьи для научного архива Института ЯЛИ, но пока она не получила собственный номер в соответствующей коллекции (Ф.1, оп.1, кол. 199 «Сведения от разных лиц из Карелии и сопредельных областей [Мурманской, Архангельской, Вологодской и Ленинградской]), поэтому корректную научную ссылку сделать невозможно. Все выше сказанное подкрепляет уже высказанную в 2002 году версию автора, что мать поэта — Прасковья Андреевна Ключева — как магический специалист была парой рангов выше ее сына и кое-что из своих знаний и умений передала и Николаю Алексеевичу [17].

Версия четвертая о приобретении пророческого «дара» Ключевым в результате его собственных усилий не имеет точных доказательств в его эпистолярном наследии. Однако в ее пользу свидетельствует то, что Ключев обнаружил в себе и с легкостью воспроизводил состояния собственного ума и тела, при которых ему открывались картины прошлого и грядущего. Сам он это описывал так: «... красивое видение мне было; в теле или без тела — просто не знаю» [13, с. 79] или в молитве «младенца в себе возбуждал» [13, с. 81—82; 123, 126]. Первое говорит об овладении Н.А. Ключевым обязательным для продвинутых эзотериков умением постигать внутреннюю сущность вещей непривычным умственным логическим путем и отключать ум от окружающих обстоя-

тельств. Именно в этом состоянии медиативное сознание выводит человека на тонкие уровни познания, не имеющие материальных оснований «здесь и сейчас» (разрядка наша — Л. К.). Сказанное здесь автором надо понимать следующим образом: познаваемые таким вот образом «материальные основания» имели прецедент, т.е. существовали в прошлом либо существуют в будущем или же имеют четкую программу для осуществления (разворачивания ее) в будущем. По крайней мере, данную точку зрения можно противопоставить народным представлениям о том, что потусторонним силам ведомо и прошлое, и будущее именно потому, что ... «они есть бестелесные духи» [3, с. 53—61], а для людей такое знание закрыто Господом Богом.

В наши дни данная народная точка зрения на возможности узнавать на рождество будущее регулярно торпедируется с экрана телевизоров в канун Святков представителями русской православной церкви: мол, нечистые духи лишь потому и знают будущее, что подслушивают разговоры ангелов о будущем людей, но сами лишены возможностей знать будущее. Короче, одно не лучше другого, но мы отвлеклись от личности Клюева и его пророческих способностей. Если объединить высказанное выше по всем четырем версиям, то, наверное, надо сделать вывод, что все они имеют некоторое право на существование, а личные способности Николая Алексеевича в плане его осведомленности о грядущем формировались под воздействием всех четырех факторов.

И здесь мы подходим к роковой для любого ученого (а не эзотерика и не клерикала) черте: «Если будущее познаваемо, то оно уже существует? Хотя бы в тонком измерении?». В. А. Шенталинский, когда я при личном общении задал ему этот вопрос, он ответил прямо: «Да, будущее существует». Однако он эту точку зрения не посчитал нужным высказать публично в своих научных работах. И это удел любого ученого, стоящего либо желающего оставаться на материалистических позициях. В том числе и автора этих строк. Быть может, как компромисс, следует признать, что грядущее существует в виде самостоятельно развертывающихся программ? Увы, научная логика не таксист, который доставляет лишь до указанного адреса. Далее возникает вопрос: «А кто создал эти саморазвивающиеся программы»? Материалисты могут ответить, что саморазвитие от простого к сложному заложено в самом (смысле) существования материи.

С этим можно согласиться, когда речь идет об эволюции от простого к сложному, от неживого к живому. Но ничего не поделать с тем, что на практике грядущее провидеться с помощью народных ритуалов, связанных с обращениями к сущностям тонкого мира, либо особых состояний ума медиумов, использующих ту или иную практику для вхождения в состояния, в которых это будущее и обретает ясные медиуму черты пророчества?

ЛИТЕРАТУРА

1. Аральское море — Интернет ресурс — ru.wikipedia.org/wiki/
2. Гадание по «Книге перемен» / Реши свою судьбу: гороскопы, гадания. Заговоры. Ростов-на-Дону: Феникс, 1994.
3. Георгиевский А. Народная демонология // Олонецкий сборник. Вып. 4, Петрозаводск, 1902.
4. Дементьев В. В. Олонецкий ведун. Житие Николая Ключева // Вытегра. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда.: «Русь», 2003.
5. Деревня Парандово, Надвоицкой волости Повенецкого уезда // Олонецкие губернские ведомости, 1895, №3, 21 января.
6. Ершов В. П. Вечнозеленые — вечноживущие (ель — дерево предков) // Кенозерские чтения Материалы первой Всероссийской научной конференции «Кенозерские чтения» Архангельск, 2004; Ершов В. П. Ель — дерево предков (Рукопись монографии), Л. 7 (дайджест — kenozerje.17—71.com/sacretree.htm).
7. Маркова Е. И. Творчество Николая Ключева в контексте северно-русского словесного искусства. Петрозаводск, 1997.
8. Жерар Э. Предсказательное таро. М.: Яуза, 2002.
9. Из обсуждения доклада К. Логинова на конференции «Ключевские чтения 2012» 23—25 октября в г. Вытегре.
10. Коренной Петр. Встреча Нового года в деревне // Олонецкие губернские ведомости, 1917, №3.
11. Ключев Н. А. *Песнослов: Стихотворения и поэмы / Сост., авт. вступит. ст., коммент.: С. И. Субботин, И. А. Костин. Петрозаводск: Карелия, 1990. 255 с.*
12. Ключев Н. Сердце единорога. Стихотворения и поэмы / Предисл. Н. Н. Скатова, вступ. статья А.И. Михайлова; сост., подг. текстов и прим. В. П. Гарнина. СПб.: РХГИ, 1999.
13. Ключев Н. А. Словесное древо. СПб.: Росток, 2003.
14. Криничная Н. А. «Посвящение» в колдуну: историко-этнографические основы русских мифологических рассказов о передаче-усвоении эзоте-

рических знаний// Этнографическое обозрение, 2002. №2. С.10—23, а также: Логинов К. К. Колдуны Заонежья: истинные и мнимые// Мастер и народная художественная традиция Русского Севера. «Рябининские чтения —99». Петрозаводск: Кар НЦ РАН, 2001.

15. Коренной Петр. Встреча Нового года в деревне// Олонецкие губернские ведомости, 1917, №3.

16. Логинов К. К. Великие тиедядя Сямозерья на закате древней традиции // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Петрозаводск: Кар НЦ РАН, 2010.

17. Логинов К. К. Николай Ключев и традиционные мистические практики России конца XIX — начала XX вв. // XXI век на пути к Ключеву. Материалы Международной конференции «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Ключева и проблемы этнопоэтики», посвященной 120-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Ключева 21—25 сентября 2004 год. Петрозаводск, Кар НЦ РАН, 2006.

18. Логинов К. К. Полевой дневник № 2 Логинова К.К. экспедиции полевого сезона 2002 года. НАКНЦ, Ф.1, оп.6, д.678. 65л.; он же: Полевой дневник № 1 Логинова К.К. по теме: «Традиционные и современные маги и целители». Поездка в пос. Валдай Сеgezского района 26.01. 16.07.2006 Ф.1, оп.6, д.706. 48 л.

19. Логинов К. К. Традиционные и современные «маги» и народные целители в Обонежье (рукопись). Научный архив Карельского научного центра РАН, фонд.1, опись 6, дело № 712, Л.163.

20. Логинов К. К. Традиционный жизненный цикл русских Водозерья: Обряды, обычаи и конфликты. М. Петрозаводск.: Русский фонд содействия образованию и Науке, 2010.

21. Мазалова Н. Е. 2011 Этнографические аспекты изучения личности «знающего» (XIX — начало XXI в.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2011.

22. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Полисет, 1994.

23. Проекты СССР. Подземная лодка. // Интернет ресурс [24smi.org>article/11468...sssr-podzemnaya-lodka.html](http://24smi.org/article/11468...sssr-podzemnaya-lodka.html)

24. Туристов зовут на Куликово поле посмотреть цветущий ковыль // Интернет ресурс tnews.tula.net>Новости>

25. Шенталинский В. А. Репрессированная литература в архивах палачей — Николай Ключев // Интернет ресурс news.rambler.ru>12602709/

26. Шенталинский В. А. Песня Гамаюна (Николай Ключев в архиве Лубянки) // XXI век на пути к Ключеву. Мат. Международной конференции «Оло-

нецкие страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики, посвященной 120-летию со дня рождения русского поэта Николая Клюева 21—25 сентября 2004 г. Петрозаводск.: Кар НЦ РАН, 2006.

27. Ученые нашли причину смертельной эпидемии пчел // Интернет ресурс [pchelovod.info>index.php?showtopic=40245](http://pchelovod.info/index.php?showtopic=40245)

28. Юсова О. Эритрейская пророчица Сивилла — Сивилла Кумская — Интернет-ресурс anubis-sub.ru/146-kumst.html

Елизавета ОЛЬШУКОВА

СКАЗОЧНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.А. КЛЮЕВА

В творчестве Николая Алексеевича Клюева сказка играла важную роль. По данным Частотного словоуказателя слово «сказка» одно из самых употребляемых в текстах поэта — 82 упоминания [5, с. 134].

Вероятно, сказка перемещала Клюева в его детство, где рядом была мама, где он был защищён от жизненных неурядиц. Где всё плохое уходило безвозвратно вместе с маминым добрым словом и сказкой:

И положат в гроб больничный
Лавку, старый лес
Сказку мамину — на сердце,
В изголовье — пруд [4, с. 371]³.

Сказки обычно раньше рассказывали в долгие зимние вечера перед сном при свете лучины, лампы. Женщины пряли, вязали, вышивали, мужчины что-нибудь мастерили, дети слушали тихонько на полатах или на печке. «Слушали сказки и забывали обо всём, так было интересно, ведь раньше не было телевизоров, о кино и не знали, книжек было мало, да и не все умели читать» — вспоминают вытегорские старожилы⁴.

³ Далее при ссылке на это издание в скобках указывается только страница

⁴ Респондент: Дурова Александра Ивановна, г.р. 1919 (г. Вытегра)

Поэт тоже упоминает об этом:

И слушая пургу
Как в сказке задремать
На тридевять столетий
В Садко оборотьясь иль вещего Вольгу [с. 251].

В зимы у нас баско — деды бают сказки [с. 135].

Веретённые бабьи сказки
На пиру у струн и резца [с. 518].

Как сказка баюкает дух [с. 203].

Пророческой сказкой баюкать тебя [с. 150].

Больше не будет сказки за веретеном,
Позапечных брынских тропинок [с. 410].

Чтоб пролилась солнцем сказка
В омут глаз, в снопы кудрей [с. 555].

Снежный бор от вьюг студёных
Сироту оборонит.
Сказкой инеев узорных
Боль-любовь оборонит [с.130].

Нас приюти и обогрей
Лежанкой, сказкою, стихами [с. 607].

Запечную сказку, тресковую рябь [с. 499].

«Бабушка, рассказывала сказку тихонюшко, а нам и казалось, что она длилась очень долго, мы сидели и слушали, пока не заснём» — рассказывала Вера Ивановна Митрошкина⁵. А вот как об этом пишет Ключев:

И длится сказка... Часы иль годы? [с. 674].

---

⁵ Респондент: Митрошкина Вера Ивановна, г. р. 1922. с. Насоново, Тудозерский сельский совет

Сказка длится-длится-длится [с. 769].
И теплится сказка... Избе лет за двести... [с. 250].

Главным хранителем сказки в доме издавна в народе считается — кот. Он — любимый персонаж русских сказок, пословиц и суеверий. На протяжении многих веков кошки считались животными загадочными, таинственными, связанными со сверхъестественными силами. Они защищают дом от нечистой силы, поэтому отношение к ним всегда было уважительное и почтительное. Мурлыканье кота в полутьме навевает таинственность и успокоение. У поэта он выступает то, как рассказчик, сказитель то, как один из персонажей сказки [8].

Жизнь, как ласково мерная прялка
Под усатую сказку кота [с. 427].

Умереть как золе в печурке
Без малинового погоста
Без сказки о котике Мурке [с. 469].

Летите к мурлыке на тёплый шесток,
Куда не заглянет прожорливый рок.
Где странники годы почили порой
И бесперечь хнычет горбун домовой.
Ужели плакида запечный жилец
Почуял разлуку и сказки конец [с. 236].

Сказки приходят в вечернюю избу у Николая Алексеевича не только под жужжание веретена или мурлыканье кота, но и огненном павлине:

На певущем огненном павлине
К нам приедут сказки и загадки [с. 541].

Почему именно на павлине у поэта приезжают русские сказки и загадки? Ведь павлин — Солнечная птица Индии, птица многих богов, в частности, Будды. Рисунок его крыльев, напоминающий многочисленные глаза, воспринимается в индийской мифологии как картина звездного неба.

В славянской мифологии Павлином называют Жар-птицу, огненную птицу размером с павлина. Вот почему поэт называет в стихотво-

рении павлина — огненным. Живёт Жар-птица в райском саду Ирии. Когда она поёт, из клюва сыплется жемчуг. А фольклор называют в народе драгоценными россыпями, которые оставили нам предки. Не удивительно, что у поэта именно эта птица приносит сказки людям [9].

Клюев наделил сказку многими эпитетами: избяная, усагая, парчовая, вьюжная, пророческая, мамина, пурпурная, цветистая, веретённая, запечная, краснобайная, вещая, лесная, ветровая, разбойная, льняная, волхвующая, сказка — алмазный узор, сказка кряжистой избы, сказка инеев узорных.

Приведем примеры:
Осыпалась **избяная** сказка
Под **усагую** сказку кота [с. 481].

С балагуром-котом на лежанке
И с **парчовую** сказкой за пряжей [с. 289].

Сказку **вьюжную** про нас
С ярым инеем прикрас [с. 768].

Пророческой сказкой баюкать тебя [с. 150].

Сказку **мамину** — на сердце [с. 371].

Стали камни, огонь и вода
До **пурпуровых** сказок охочи [с. 429].

Сердец измерить глубину
Цветистой сказкой о России [с. 561].

Веретённые бабьи сказки [с. 518].

Запечную сказку, тресковую рябь [с. 495].

Краснобайной сказкою пряжу улестит [с. 239].

Рождая струнный плеск и **вещих** сказок рой [с. 574].

Перо журчит как ручеёк

Лесную сказку про кувшинку [с. 573].

И тополь ржаво кружевной
Лесную сказку заметёт [там же].

Чтобы сказку *ветровую*
Наяву осуществить [с. 121].

Ах парни — Буслаевы Васьки
Жильцы из *разбойной* сказки [с. 663].

На дне всех миров океанов и гор
Хоронится сказка — *алмазный узор* [с. 307].

Сказку *кряжистой избы* [с. 260].

Сказкой *инеев узорных*
Боль-любовь угомонит [с. 130].

Переступя в *льняную* сказку
Запечной, отрочьей весны [с. 321].

В окне забрезжит луч — *волхвующая* сказка [с. 234].

В сказках герои делятся на положительных и отрицательных. Они живут в неизвестных загадочных странах, действуют как живые. Кроме кота и огненного павлина, в творчестве Клюева упоминаются и другие сказочные персонажи: Алёнушка, царевна, Лель, Иван-Царевич, Садко, Витязь, Еруслан, невероятные волшебные существа: Жар-птица, Финист, Гуси-лебеди, Похитчик Змей, Горыныч, Кощей, Морская царевна, серый волк, Конёк-горбунок, Конь, Сивка-бурка — вещая каурка.

Алёнушка

Наша русская правда загибла,
Как Алёнушка в чарой сказке [с. 543].

Чтоб васильком в росистой ржи
Моя Алёнушка вернулась [с. 549].

И ель смолистой едкой титькой
Поит Алёнушку с Микиткой [с. 761].

Царевна

Не томись, моя царевна,
Радость светлая близка [с. 142].

Лель

Кот задремав на печи,
Скажет нам сказку про Леля [с. 190].

Едет ко терему Лель,
Мечь-кладенец на готове [с. 546].

Мой ненаглядный светлый Лель [с. 546].

Румяный Лель — исчадьё тьмы [с. 569].

Мой ненаглядный светлый Лель! [с. 547].

О Лель! О дитячко родное! [с. 613].

Иван-царевич

С тульей от шапки Ивана-царевича на макушке [с. 494].

Садко

Как в сказке задремать на тридевять столетий,
В Садко оборотятся иль в вещего Вольгу [с. 251].

У Садко — самогуды, стозвонная молва [с. 168].

У Садко — цвет-призорник,
Жар-птица, синь-туман [с. 168].

Садко с зелёной водяницей [с. 499].

Аль взаправду успокоился Садко [с. 357].

Если ж в жарком плещут вёсла-якоря,

То Садко наш тешит водного царя [*там же*].

И певчей калиткою стукнет Садко [с. 365].

И Садко не гусли в ендове [с. 412].

И братина-море струнно-пенное
Выплеснет Садко богатого [с. 489].

Выстроит Садко Избу соборную [с. 490].

Витязь

И теплится сказка. Избе лет за двести,
А всё не дожждётся от витязя вести [с. 250].

За чертой зари туманной
В ослепительной броне,
Мчится витязь долгожданный
На воспененном коне [с. 142].

Еруслан

Я королевич-Еруслан
В пути за пленницей-подругой
Мой конь под алым чепраком,
На мне серебряные латы... [с. 173].

И повел лихие струги
На свободу Еруслан [с. 193].

Жар-птица

Но в душе, как хмель струится
Вещих звуков серебро —
Отлетевшей жар-птицы
Самоцветное перо [с. 163].

Мы кречетов стая, жар-птицы, орлы [с. 312].

Зарождать жар-птицу, роха, сою [с. 329].

Пролетела над Русью Жар-птица [с. 352].

Не свивают гнёзд жар-птицы
По анчарным дебрям газет [с. 488].

По горенке пускалась в пляс
Жар-птицей и лисой огнёвкой [с. 754].

Финист

И пела, как иволга в елях
Про ясного финиста — Леля! [с. 710].

Гуси-лебеди

Зарезаны лебеди-гуси. [с. 610].

Огненный павлин

На певущем огненном павлине
К нам приедут сказки и загадки [с. 541].

Похитчик-змея

На море остров Буян,
Терем похитчика-змея [с. 190].

Горыныч

Горыныч, Сирин, Царь Кощей —
Всё явь родимая, простая [с. 227].

Горыныч с запада ползёт
По горбылям железных вод [с. 688].

Царь Кощей

И над злым похитчиком — Кощею
Ворон-смерть прокаркает злорадно [с. 409].

В каблуке моём — терем Кашеев [с. 433].

Горыныч, Сирин, Царь Кощей —
Всё явь родимая, простая [с. 227].

Морская царевна

Изо всех морских царевен
Только ты ему мила.
За глаза из изумруда,
За кораллы на губах
Как душа его о чуде
Плачет море в берегах [с. 121].

Серый волк

Серый волк живой воды не сыщет [с. 551].

Конь

Свистнул, хлопнул у дороги
В удаецкую ладонь
И как вихорь звонконогий
Подо мною взвился конь.
Прискакал, дубравым зверем
Конь храпит, копытом бьёт —
Преодо мной узорный терем.
Нет дозора у ворот [с. 162].

Откуль-неоткуль добрый конь бежит,
На коне седлеце удалец сидит,
На нём жар-бушлат, шапка золото,
С уст текут меды — речи братские [с. 255].

Но у ретивого копыта
Недаром золотом облиты [с. 574].

Конёк-горбунок

И знаю я мой горбунок
В сосновой лысине у взморья [с. 303].

Сивка-Бурка вещей каурка

Отдохнёт многоскорбный сивка [с. 436].

Ускакал за моря каурка,
Добрый волк и друг Китоврас [с. 487].

Поэт не даёт подробного описания героя сказки, а только отдельными штрихами подчеркивает его образ. Например:

Откуль-неоткуль добрый конь бежит,
На коне седлеце удалец сидит,
На нём жар-бушлат, шапка золото,
С уст текут меды — речи братские [с. 255].

Изо всех морских царевен
Только ты ему мила.
За глаза из изумруда,
За кораллы на губах
Как душа его о чуде
Плачет море в берегах [с. 121].

Не одно из стихотворений Ключева не воспроизводит полностью и сюжет сказки. Поэт как бы заставляет самому додумать конец и задуматься над смыслом.

Свистнул, хлопнул у дороги
В удаleckую ладонь
И как вихорь звонконогий
Подо мною взвился конь.
Прискакал, дубравым зверем
Конь храпит, копытом бьёт —
Преда мной узорный терем.
Нет дозора у ворот [с. 162].

Я королевич-Еруслан
В пути за пленницей-подругой
Мой конь под алым чепраком,
На мне серебряные латы ... [с. 173].

Вещицы в сказках всегда наделены невероятными возможностями, например: сапоги-скороходы, ковер-самолет. В стихах Ключева тоже встречаются такие предметы: мечь-кладенец, гусли-самогуды, цвет-призорник.

меч-кладенец,
Едет по терему Лель,
Мечь-кладенец на готове [с. 190].

гусли-самогуды,

У Садко самогуды — стозвонная молва [с. 168].

Источили самогуды ржа и пыль [с. 357].

С самогудами Чурило и Садко [с. 360].

цвет-призорник

У Садко — цвет-призорник,
Жар-птица, синь-туман [с. 168].

Для Клюева сказка — часть жизни, повседневной реальности. Поэт и сам умел перевоплощаться в сказителя-сказочника. Вот как об этом вспоминает В. А. Соколов, поэт, наш земляк, который в юности не раз встречался с Клюевым в Вытегре. «Тогда Клюев вынес на сцену скамейку и стал изображать сценку в избе под пересказ отрывка из стихотворения И. З. Сурикова «Детство»:

И начну у бабки
Сказку я просить,
И начнёт мне бабка
Сказку говорить...

Клюев сидел по-бабьи и, читая, тянулся левой рукой к воображаемой прялке, а правой — к веретёну и, прял! Мы видели уже не его, а старуху, пряху и сказочницу, слышали жужжание веретена. Минут восемь длилась сказка, и не исчезло видение, навеянное словами и перевоплощением поэта» [6, с. 245].

Любимая сказка Клюева о коте Евстафии. Она неизменно захватывала слушателей, когда он её рассказывал. Вот что об этом вспоминает В.А. Баталин: «Он при этом как-то «вдруг» преображался; казалось, на стуле сидел уже не Клюев, а древняя олонецкая бабка, жамкая и окая, она начинала с чуть уловимыми жестами рук:

«Слушайте, бабы-молодицы, красны девицы, и вы, парни-красавцы, сидите смирно на лавцах, девок и баб не замайте — моему слову внимайте. В Заозерье, у Марьи Щербатой, что на угоре живёт, возле попава дома, был, жоланные, кот. Большущой, белущой — Остафьем прозы-

вался. И такой, этот кот, жоланнные, был премудрой и обходительной, что бывалыча, ни сметаны в крынке, ни молока в кунгане, у Марьи ни на что не тронет, но и не понюхат... А чем же, спрашиватся, жил тот кот? — Известно, чем коты — те живут: мышами питался». Дальше рассказывалось о том, как кот Евстафий, прикинувшись, что «скоромного не вкушат», в конце концов «схрумкал» мышку Степанидку всю до последней косточки [1, с. 250]. Только ли для забавы слушателей Клюев рассказывал свои сказки, перевоплощаясь при этом в олонецкую бабку? Нет. Он хотел показать, как красива и полновучна речь простого народа, как красив и необычен говор его земляков. В 1922 году он говорил Н. И. Архипову: «Наша интеллигенция до сих пор совершенно не умела говорить по-русски; и любая баба гораздо сложнее и точнее в языке, чем «Пепел» Андрея Белого» [3, с. 243].

Итак. Сказка — это мостик в детство для каждого взрослого! Все, что мы считали невозможным, в сказке становится реальным. Не об этом ли мечтал Клюев? В реальности, многое, о чём мечтал поэт, не сбылось: его избяную Русь погубил прогресс, друзья появлялись и уходили, мамушка тоже ушла в мир иной, и не осталось на этом свете человека, который хотя бы не надолго смог заменить общение с ней. А мамины сказки из детства, на протяжении всей жизни всегда были рядом с ним, они помогали пережить трудные моменты жизни, они навевали воспоминания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский К. Жизнь Николая Клюева. Документальное повествование. СПб: Издательство журнала «Звезда», 2002.
2. Вытегорский вестник. №1 :«Мое бездонное слово...»: Клюевские чтения в г. Вытегре 1985—1994 гг.: избр. страницы. — Вытегра : [б.и.], 1994.
3. Киселёва А. А. Греховным миром не разгадан...»//Наш современник, 2005, №8.
4. Клюев Н. А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Предисловие Н. Н. Скатова, вступительная статья А.И. Михайлова. СПб., 1999.
5. Клюевский сборник. Выпуск 3. Вологда: «Легиа», 2002.
6. Николай Клюев. Воспоминания современников. — М.: Прогресс-Плеяда, 2010.
7. Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1994.

8. <http://www.mirmur.ru/index.php/o-koshkakh/obshchaya-informatsiya/mify-i-legendy-o-koshkakh> - 28.01.2014г.)

9. <http://www.gnozis.info/?q=book/export/html/7484>) от 27. 01. 2014г

Ольга ГОРБУНОВА

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПТИЦЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.А. КЛЮЕВА

Древнерусская мифология была близка миросозерцанию Н. А. Клюеву. Так же, как и в сказаниях и легендах русского народа, в произведениях поэта встречаются часто образы фантастических птиц, среди которых: Сирин, Алконост, Гамаюн, Евстрафиль, Фиус, Кува, Рох и другие. Мифические образы птиц упоминают русские летописи, их изображения сохранились в древних рукописных книгах и на ювелирных изделиях Киевской Руси, в резьбе белокаменных соборов Владимиро-Суздальской земли: Дмитровском соборе во Владимире (1212), Георгиевском — в Юрьеве-Польском (1230). В настоящей работе мы стремились выявить круг этих образов в поэтическом творчестве Н. А. Клюева, а их описания соотнести с данными фольклора и письменных источников.

Сирин в русском фольклоре — сладкоголосая, пестрая дева-птица с большой грудью, строгим лицом и короной на голове. Райская, значит божественная, наделенная необыкновенными качествами: яркостью, сиянием, неземной красотой, чудным пением и добротой. В русских духовных стихах она, спускаясь на землю, зачаровывает людей пением. Кто услышит ее пение, забывает обо всем на свете, но вскоре обрекается на беды и несчастья. И нет такой силы, чтобы заставить себя не слушать этот голос [5, с. 284].

В своем творчестве Клюев тоже изображал Сирина райской птицей. В его поэзии рай олицетворяется в образе дерева, сада, Руси.

Где рай финифтяный и Сирин
Поет на ветке расписной⁶.

Ау, прекрасный Сирин!
В тени каких кумирен
Твой радостный притин?⁷

Древо жизни стало символом всего живого, а охраняющие его две птицы Сирин и Алконост — символом добра, продолжения рода и семейного счастья. Все изображение в целом означало жизнь и благополучие [14; 10]. С древа жизни сиринов вспугнуть,

И под вихрем крыл сложить былин⁸.
И сирины в раю слетят с алмазных гнезд...⁹
Я — древо, а сердце — дупло,
Где Сирина-птицы зимовье
Поет он — и сени светло,
Умолкнет — заплачется кровью¹⁰.

Как дуб, перунами сраженный,
С дуплом, где Сирин огневейный
Клад стережет — бериллы, яхонт?...¹¹

Пир мужицкий свят и мирен
В хлебном Спасовом раю,
Запоет на ели Сирин:
Баю-баюшки-баю¹².

В стихах Клюева Сирин живет и за печкой. Запечье — место сакральное. В старину в некоторых местностях России дощатую пристройку, располагающуюся с боковой части печи, обозначали словом

---

⁶ «Где рай финифтяный и Сирин...» [9, с. 340]. Здесь и далее в сносках приводятся процитированные фрагменты произведений Н.Клюева.

⁷ «Песнь о великой матери» [9, с. 738].

⁸ «На овинной паперти Пасха...» [9, с. 320].

⁹ «Звук ангелу собрат, бесплотному лучу...» [9, с. 295].

¹⁰ «Я — древо, а сердце — дупло...» [9, с. 326].

¹¹ «Клеветникам искусства» [9, с. 574].

¹² «Поддонный псалом» [9, с. 291].

голбец. Находясь на границе жилого и нежилого пространства голбец призван был охранить дом от проникновения злых сил [15].

А Сирина, притаясь за печкой,
Свирель настраивал сверчком,
Боясь встревожить строгий дом¹³.

А Сирина на шестке сидит с крылом подбитым,
Щипля сусальный пух и сетуя на мир¹⁴.

Я целую половицу,
Заклинаю Сирина-птицу
От меня не улетать:
<Ты — мой царь, невеста, мать... >¹⁵.

Второе значение слова голбец — могильный памятник [15], и возможно трактовать эту часть дома как место обитания предков, что символически связывает Сирина с образами потустороннего мира.

По зеленым вёснам
Прилетает к соснам
На отцов могилы
Сирин песнокрылый.
Он, что юный розан
По Сигóвцу прозван
Братцем виноградным,
В горестях усладным¹⁶.

В прежние времена дома украшали резными досками, на которых среди завывающих побегов и листьев можно было встретить и загадочных райских птиц — Сирина и Алконоста [7, с. 116]. В стихах поэта нам неоднократно повстречался подобный образ:

А ставень дедовский провидящее грусти:
Где Сирина красный гость...¹⁷

---

¹³ «Повесть скорби» [9, с. 715].

¹⁴ «В избе гармоника...» [9, с. 370].

¹⁵ «Из кровавого окопа...» [9, с. 376].

¹⁶ «Погорельщина» [9, с. 678].

¹⁷ «В избе гармоника...» [9, с. 370].

Слетит на застреху Сирин...¹⁸

Стреха — нижний свисающий край крыши дома [13]. Как символ уходящей «дедовской Руси» является Сирин в стихах вместе с другими сказочными персонажами.

Горыныч, Сирин, Царь Кощей —
Всё явь родимая, простая,
И в онемелости вещей
Гнездится птица золотая¹⁹.

В горенке Сирин и Китоврас
Оставили помёт и перья²⁰.

Сирин выступает в стихах Клюева и в роли вестника:

Сирин мне вести носил
С плах и бескресных могил²¹.

Тут ясный Сирин не стерпел
И на волхвующей свирели,
Как льдинка в икромет форели,
Повывел сладкое: «люблю»...²².

Ель Покоя жилье осеняет,
А в ветвях ее Сирин гнездится:
Учит тайнам глубинным хозяйку, —
Как взмесить нежных красок опару,
Дрожжи звуков всевышних не сквасить,
Чтобы выпечь животные хлебы,
Пищу жизни, вселенское брашно...²³.

Вдруг Сирина голос провеял в тиши:
«Лесные невесты готовьтесь к венцу,
Красе ненаглядной и саван к лицу!...»²⁴.

¹⁸ «Се знамение: багряная корова...» [9, с. 373].

¹⁹ «Мужицкий лапотъ свят, свят, свят!..» [9, с. 227].

²⁰ «Русь-Китеж» [9, с. 411].

²¹ «Песнь солнценосца» [9, с. 365].

²² «Песнь о великой матери» [9, с. 715].

²³ «Поддонный псалом» [9, с. 289].

²⁴ «Песнь о великой матери» [9, с. 705].

Пение Сирина в древнерусской литературе служило обозначением божественного слова, входящего в душу человека [1]. Три разные песни поет Сирин в стихах Клюева: «Люблю», «Баю-баюшки-баю» и «Господи, помилуй».

Уж Сирин в прázелени сосен
Ни раз налаживал свирель,
Чтобы в крещенскую метель
Или на Красной ярое горке
Параше, по румяной зорьке,
Взыграть сладчайшее «люблю» ...²⁵.

Поет мне Сирин издалеча:
«Люби и звезды над тобой
Запыхают красным вечем.
Где сердце — колокол живой»²⁶.

Февраль рассыпал бисер рясный,
Когда в Сигóвец златно-бел,
Двуликий Сирин прилетел.
... ..
Истаевая сладко он
Воспел: «Кирие, елейсон!»²⁷.

Пир мужицкий свят и мирен
В хлебном Спасовом раю,
Запоет на ели Сирин:
Баю-баюшки-баю²⁸.

Другая райская сказочная птица, часто встречающаяся у поэта — Алконост. Она, как и Сирин, пленяет людей своим радостным райским пением.

В закатном лаке Алконост
Нам вести приносил из рая²⁹.

²⁵ «Песнь о великой матери» [9, с. 714].

²⁶ «Где рай финифтяный и Сирин...» [9, с. 341].

²⁷ «Погорельщина» [9, с. 679].

²⁸ «Поддонный псалом» [9, с. 288].

²⁹ «Письмо художнику Анатолию Яру» [9, с. 580—581].

В трактовке Клюева образ Алконоста является символом поющей души человека:

И взлетит душа Алконостом
В голубую млечную медь,
Над родным плакучим погостом
Избяные крюки допеть!³⁰

Этот образ становится у Клюева символом Руси, ее жизни и творческого начала.

Ах, кто же в святорусском тверд —
В подблюдной песне, Алконосте?³¹

И многопестрым Алконостом
Иван Великий смотрит в были,
Сверкая златною слезой³².

В мирозерцании поэта образ Алконоста отождествляется со стихиями природы, в частности, с ветром:

В ракидах ветер-Алконост
Поет о Мекке и арабе,
Прозревших лик карельских звезд³³.

В творчестве Клюева, как и в древнерусской литературе, это птица «светлая», светоносная. **Алконост** известен по памятникам древнерусской литературы и лубочным картинкам как птица-дева бога солнца Хорса, приносящая счастье. В русском лубке она изображается полу-женщиной-полуптицей с большими разноцветными крыльями (перьями), человеческими руками и телом, ее голова увенчана короной. В руках **Алконост** держит райские цветы или развернутый свиток с изречением о воздаянии за праведную жизнь на земле.

Вот как представлен миф об Алконосте у Клюева в поэме «Погорельщина»:

Отколе взялся Алконост,
Что хитро вырезан Алешей...³⁴.

³⁰ «Проститься с лаптем-милягой...» [9, с. 478].

³¹ «Клеветникам искусства» [9, с. 577].

³² «Разруха» [9, с. 631].

³³ «Я — посвященный от народа...» [9, с.391].

³⁴ «Погорельщина» [9, с. 680].

Резчик Олёха — лесное чудо,
Глаза — два гуся, надгубье рудо,
Повысек птицу с лицом девичьим,
Уста закланы потайным кличем.

... ..

Заповелели у древа щеки,
И голос хлябкий, как плеск осоки,
Резчик учуял: «Я — Алконост,
Из глаз гусиных напьюся слез!»³⁵.

Алконост сулит печали роду человеческому, ведь гибнут многовековые устои святой Руси!..

В ряде текстов эта дева-птица упоминается у Клюева в связи с образом вещего слова:

Золотые деревья,
Свесят гроздьями созвучья,
Алконостовы слова
Порассядутся на сучья³⁶.

У Алконоста перья — строчка,
Пушинки — звездные слова³⁷.

Но Алконостом-птицей
Иль вещью зегзицей
Не кануть в струнный лад³⁸.

Изображения Сирина и Алконоста часто встречались на предметах крестьянского обихода, в народной вышивке и кружеве и, как уже было упомянуто выше, на народных лубочных картинках, продававшихся на базарах и ярмарках. Это позволяет объяснить — почему образ мифологической девы-птицы упоминается поэтом в связи с крестьянской утварью:

С хитрым стулом умерла лавка
С певуном-Алконостом на спинке...³⁹.

³⁵ «Погорельщина» [9, с. 671].

³⁶ «Миллионам ярых ртов...» [9, с. 383].

³⁷ «Меня Распутиным назвали...» [9, с. 354].

³⁸ «Плач Сергея Есенина» [9, с. 661].

³⁹ «С хитрым стулом умерла лавка...» [9, с. 454].

Вспорхнули с лампы, алконосты,
Садилась на печальный плат,
И была горенка, как сад,
Где белой яблоней под платом
Благоухала жизнь богато⁴⁰.

В цикле стихотворений «Спас», написанном между 1916 и 1918 годами, у Клюева появляется еще одна сказочная птица — вещий Гамаюн.

Гость крылатый, безвестный,
Непостижный уму, —
«Здравствуй, тятенька крестный», —
Лепетал я ему⁴¹.

В славянской мифологии Гамаюн — посланник бога Велеса, его глашатай, поющий людям божественные гимны и предвещающий будущее тем, кто умеет слышать тайное. Гамаюн знает все на свете о происхождении земли и неба, богов и героев, людей и чудовищ, птиц и зверей. Он передает людям мудрость и волю Божью [12, с. 9]. По В. Далю, гомююн — это «заботливый, усердный, трудолюбивый, или же напротив — непоседа, крикун, хлопотун» [5, с. 329].
Клюев называет себя крестником Гамаюна.

Где ты, гость светлолицый,
Крестный мой — Гамаюн?⁴²

В произведениях Клюева эта вещая птица пророчествует, а вместе с ней плачет, грустит и поэт об уходящей берестяной Руси, о том, что безвозвратно гибнет веками устоявшийся дедовский уклад жизни.

Но цветы, как время, облетели.
Пляшет сталь, и рыкает чугун.
И на дымно-закоптелой ели
Оглушенный плачет Гамаюн⁴³.
Ручью вещает Гамаюн,

---

⁴⁰ «Песнь о великой матери» [9, с. 714].

⁴¹ «Я родил Эммануила...» [9, с. 344].

⁴² Из цикла «Спас» [9, с. 345].

⁴³ «Плач дитяти через поле и реку...» [9, с. 340].

Как шум вершин, печальным бубном⁴⁴
Но где же душегрейка
И Гамаюн-платок?!⁴⁵

Не размыкать сейсмографу русских кручин,
Гамаюнов — рыдающих птиц красоты⁴⁶.

Кроме Гамаюна, Сирина и Алконоста в произведениях Клюева упоминаются и другие фантастические птицы: Финист, Фиюз, Жар-птица, Кува, Рох, Евстрафиль.

Имя последнего мифологического персонажа звучит по-разному в текстах русских духовных стихов о «Голубиной книге»: Страфиль, Страфил, Стратим-птица, Страх-Рах, Ногай-птица. Этот образ считается прародителем и владыкой всего птичьего мира, олицетворяет ветер и бурю. Подобно Алконосту, она живет среди моря-океана и возвещает о начале нового дня. Видимо, об этой же гигантской птице повествует древняя рукопись: «Есть кур, головой достигающий до небес, а море ему до колена; когда солнце омывается в океане, тогда океан всколебается, и начнут волны бить кура по перьям; он же, ощутив волны, кричит “коко-реку”, что значит: “Господи, яви миру свет!”» [14]. В предисловии к своей книге «Медный кит» Клюев писал: «Только во сто лет раз слетает с Громового дерева огнекрылая Евстрафиль-птица, чтобы пропеть-провещать крещеному люду Судьбу-Гарпун» [8, с. 5].

В произведениях Клюева евстрафиль сообщает весть не людям, а растениям, оттого, что люди забыли и не исполняют дедовских заветов.

Не тебе в хлеборобье по теплым овинам
Паскараги псалмят, гомонят естрафили
Куманике лиловой да мхам журавлиным
Эти свитки бересты, где вещицы были...⁴⁷.

Фиюз-птица — сказочная быстролетная птица. В словаре местных, старинных и редко употребляющихся слов, используемых Клюевым, значит, что «фиуз, фиюз, фиюз — резкий зимний ветер несущий снег,

⁴⁴ «Повесть скорби» [9, с. 698].

⁴⁵ «Песнь о великой матери» [9, с. 745].

⁴⁶ «Солнце верхом на овине» [9, с. 485].

⁴⁷ Цит. по: [11].

небольшая метель» [9, с. 1036]. В стихотворении «Скрытый стих» поэт дает следующее описание этой фантастической птицы.

Норовят сконать Птицу-Фиюса,
Вьюжный пух с нее снегом выперхать,
Кровь заре отдать, гребень — сполоху,
А посмертный грай волку серому⁴⁸.

Еще одна волшебная сказочная птица, упоминающаяся в произведениях Клюева — жар-птица. А. Н. Афанасьев объяснял этот образ как олицетворение огня, света, солнца. Перья жар-птицы обладают способностью светить, происхождение слова «жар» в имени чудесной птицы связано с древнеиндийским «гарас» — «огонь», «пламя». Золотой окрас птицы и ее золотая клетка объясняется тем, что живет она в тридесятом царстве, в райском саду, окружающем терем Царь-девицы, то есть в царстве мертвых, куда путь человеку неведом [6].

Приведем поэтические строки, в которых упоминается эта птица в творчестве Клюева:

Но в душе, как хмель, струится
Вещих звуков серебро —
Отлетевшей жаро-птицы
Самоцветное перо⁴⁹.

У Садко — цвет-призорник,
Жар-птица, синь туман⁵⁰.

Мы кречетов стая, жар-птицы, орлы...⁵¹.

Кува — мудрый ворон, один из главных персонажей в мифах народов Севера [9, с. 1009].

А на спрос: «откуль» да «что впоследствии»
Нам проиграет Кува — красный ворон;

⁴⁸ «Скрытый стих» [9, с. 208].

⁴⁹ «Прохожу ночной деревней...» [9, с. 163].

⁵⁰ «Без посохов, без злата...» [9, с. 168].

⁵¹ «Под древними избами, в красном углу...» [9, с. 312].

Он гнездищем с Громом поменялся,
Чтоб снести яйцо — мужичью долю⁵².

В своих произведениях поэт довольно часто отождествляет себя с вороном:

На развалинах строк, созвучий
Каркнет ворон — мое перо,
И польется из трубной тучи
Живоносных рифм серебро!⁵³

В стихотворении «Поле, усеянное костями...» (1920) этот образ является стержнем поэтической композиции.

Кружусь вороном над страшным полем,
Узнаю чужих и милых скелеты.
... ..
Я — ворон, кружусь над великой гробницей
Где челюсть ослиная с розою рядом.
... ..
Мой грай почитают за песни народа, —
Он был в миллионах годин и столетий⁵⁴.

И еще к одному образу мифических птиц обращается Клюев — это птица Рох, Рок, Рух или птица-слон.

Зарождать жар-птицу, роха, сою
Я учусь у рябки, а не в Дерптах⁵⁵.

В средневековом фольклоре этим именем называлась огромная (как правило, белая) птица размером с остров. Персидский автор X века впервые упоминает эту сильную птицу, способную переносить слонов, в «Чудесах Индии» [12, с. 9].

Как показало изучение творчества Николая Алексеевича Клюева, поэт был хорошо знаком с мифологическими образами, он опирался на

⁵² «Беседный наигрыш, стих доброписный» [9, с. 178].

⁵³ «Осыпалась избяная сказка...» [9, с. 482].

⁵⁴ «Поле, усеянное костями...» [9, с. 472].

⁵⁵ «Счастье бывает и у кошки...» [9, с. 329].

глубинную семантику образов чудесных птиц, известную по русскому фольклору и памятникам книжной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова О. В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М.: Индрик, 1999. 320 с.
3. Гладкий В. Д. Энциклопедический словарь. Славянский мир I—XIX вв. М.: Центрполиграф, 2001.
4. Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Русские легенды и предания. М.: Эксмо, 2006. 208 с.
5. Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь славянской мифологии. Н. Новгород: Русский купец; Братья славяне, 1995. 560 с.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1. М.: Рус. Яз., 1979. 699 с.
6. Иванов В. А., Иванов В. В. Мифы языческой Руси. Словарь. Ярославль: Академия Холдинг, 2001. 288 с.
7. Иткина Е. И. Русский рисованный лубок конца 18—начала 20. Альбом. М, 1992. 459 с.
8. Ключев Н. А. Медный кит. М.: Столица, 1990. 125 с.
9. Ключев Н. А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Предисл. Н. Н. Скатова, вступит. ст. А. И. Михайлова; сост., подгот. текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: РХГИ, 1999. 1072 с.
10. Ключевский сборник. Вып. 3 / Отв. ред. Л. Г. Яцкевич. Вологда: Легия, 2002. 196 с.
11. Куняев С. «Ты, жгучий отпрыск Аввакума...» // Наш современник. Литературно-художественный и общественно-политический ежемесячный журнал. № 8. 2012. Режим доступа: URL: <http://nash-sovremennik.ru/main.php?m=trpage> (дата обращения: 01.09.2012).
12. Мифология древнего мира. М.: Белфакс, 2002. 344 с.
13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1994. 928 с.
14. Пашко О. В. Сирин и Алконост в поэзии Николая Ключева: К вопросу о влиянии на нее старообрядческих настенных листов // Православие и культура. № 1—2. Киев, 2002. С. 99—109.
15. Русская изба (Внутреннее пространство, убранство дома, мебель, утварь): Иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство, 2004. 492 с.

«КЛЮЕВСКИЙ РОДНИЧОК» В ШКОЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ

Родная земля... Это прежде всего место, где начинается наша жизнь, проходит наше детство. Она всегда близка и дорога каждому из нас. С 1992 года при библиотеке МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 1 г. Вытегры» работает фольклорно-этнографическая группа «Олония». Его участники собирают материалы по фольклору и этнографии своей малой родины, делают первые шаги в изучении творчества Н. А. Клюева.

Последние десятилетия XX века называют эпохой запоздалых литературных открытий. После многих лет насильственного забвения поэзия Клюева стала возвращаться к читателям и в первую очередь к читателям — землякам поэта. В 1990-е годы мы вновь открыли для себя творчество Николая Алексеевича Клюева.

Словно предчувствуя последующий интерес к его творчеству, весной 1921 года поэт писал:

... В живых веках
Заколосится наше семя,
И вспомнит нас младое племя
На песнотворческих пирах!⁵⁶

Мечты Клюева постепенно претворяются в жизнь. Основой деятельности по изучению творчества поэта-земляка является экспедиционная работа. Ежегодно дети вместе с педагогами выезжают в деревни Вытегорского района для сбора фольклорно-этнографических материалов и предметов старины.

В результате многолетних экспедиций по району нами было собрано большое количество экспонатов, что послужило поводом для открытия в 1999 году в школе этнографического музея «Прялица», в котором воссоздан интерьер вытегорской зимней избы Андомского типа — заднехи. Может быть, когда-то в такой избушке сидел маленький Коля

---

⁵⁶ «В степи чумацкая зола...» [2, с. 499]. Здесь и далее в сносках цитируются фрагменты произведений Н. Клюева.

Клюев и слушал мамушкины рассказы. В музее «Прялица» проходят вечера, беседы, уроки-экскурсии, посвященные традиционной народной культуре Олонецкого края.

Основная цель деятельности фольклорно-этнографической группы «Олония» — изучение творчества поэта в контексте фольклора и этнографии Вытегорского края. С 1992 года ребята принимают участие в ежегодных Клюевских чтениях, проводимых в Вытегре. Ведь истинный любитель народного быта и родной старины найдет в его стихах много отголосков седой старины. Поэзия Клюева — настоящий кладезь народных обрядов и обычаев, фольклорных текстов и диалектных выражений.

В 1995 году появились первые опыты детской исследовательской деятельности, посвященные творчеству поэта. За прошедшие годы написано 26 работ, объединенных темой «Клюев и Вытегорский край». Стихи поэта-земляка раскрывают читателям неизвестные страницы жизни наших предков. Так, например, в одном из стихотворений поэта есть такие строки:

Под порогом зарыт «Богородицын сон», —
От беды-худобы нас помилует он⁵⁷.

В ходе фольклорных экспедиций ребята целенаправленно искали в вытегорских деревнях известный апокрифический текст «Сон Богородицы». И ответ был найден — пожилая женщина передала в школьный этнографический музей ветхие листочки. С трудом прочитав текст, стало понятно, что это и есть та самая молитва-оберег, которая упоминается в стихотворении Н. Клюева «Ворон грает к теплу» (1914).

Некогда текст «Сна Богородицы» был широко распространен в наших краях: он помогал женщинам во время беременности и родов, а младенцу — в зыбке. Во время строительства дома рукописные листочки с народной молитвой клали под порог будущего дома, чтобы он оберегал жилище от пожара, молнии и других напастей. В настоящее время в школьном музее хранится уже три списка знаменитого апокрифа.

Благодаря поэзии Клюева и встречам со старожилами, ребятам студии удалось узнать много новых старинных вытегорских названий птиц, которые поэт использовал в своих произведениях. Среди них:

⁵⁷ «Ворон грает к теплу» [2, с. 244].

знобьяник — подмаренник болотный, габук — ястреб, витлюк — кулик, дребезда — коростель и др. А какие удивительные рецепты традиционных блюд и, особенно, выпечки зафиксировали ребята у старожилов района, узнав их названия из стихотворений поэта! Результатом этой большой работы стало издание книги «Кухня Вытегорского края» [3].

Чтобы ощутить всю красоту и пленительную силу поэзии Клюева, школьники учатся анализировать стихотворения поэта — это позволяет им глубже проникнуть в строй его чувств и мыслей, понять художественный подтекст произведений.

За большую работу по изучению и пропаганде творчества Клюева и народной культуры Вытегорского края среди учащихся 22 октября 2000 года школьной библиотеке было присвоено имя Николая Алексеевича Клюева — она стала первой в России библиотекой, носящей имя поэта.

В течение четырех лет членами «Олонии» велась большая поисковая работа по созданию литературного музея «Клюевский родничок» при библиотеке. Ребята не раз выезжали в д. Коштуги и с. Макачёво — места, где родился и вырос поэт, беседовали со старожилами, собирали экспонаты и фиксировали фольклорно-этнографические данные. Открытие музея состоялось 27 сентября 2004 года — оно было посвящено 120-летию со дня рождения Николая Клюева. Новый музей стал связующим звеном между творчеством самобытного земляка и юными читателями. В музейной экспозиции представлены сведения о семье Клюева, его дружбе с русскими поэтами, писателями и художниками, а также экспедиционные материалы.

Музей при библиотеке сделал жизнь школы более интересной, содержательной. Здесь проводятся экскурсии, литературные вечера, встречи с интересными людьми. Традиционным мероприятием библиотеки стали ежегодные предметные недели, посвященные Клюеву. Частым гостем в нашей библиотеке и музее был ленинградский композитор Виктор Панченко, который написал цикл музыкальных произведений на стихи Клюева.

На сегодняшний день разработан цикл мероприятий, посвященных жизни и творчеству поэта для учащихся 2—11 классов: издан рекомендательный список литературы «Песни мои олонетские», создана картотека газетно-журнальных статей «Наш земляк Н. А. Клюев», оформле-

на постоянно действующая экспозиция «Он жив, Олонецкий ведун». В школе ежегодно проводится конкурс иллюстраций к стихотворениям Клюева, конкурс самодельных книг из произведений поэта и др. В музее поэта проходят выставки книг поэтов Серебряного века: А. Блока, С. Есенина, В. Брюсова, А. Ахматовой под названием «Поэтический венок Клюева».

Известно, что Есенин считал Клюева своим учителем: оба печатались в одних и тех же изданиях, вместе посещали литературные собрания. В 2000 году группа «Олония» побывала на юбилейном празднике в музее «Тропа к Есенину» средней школы № 641 г. Москвы, где познакомилась с правнучкой Сергея Есенина. Со временем наладились и контакты с Государственным музеем-заповедником С. А. Есенина в селе Константиново Рязанской области, а также с музеем поэта при Мурманской областной детско-юношеской библиотеке. Некоторые результаты работы школы № 1 г. Вытегра по пропаганде творчества Клюева изложены в сборнике Карельского научного центра РАН [3].

Очевидно, что наша работа не проходит бесследно: в душах детей живет любовь к поэзии, слову, людям и добрым делам. Надеемся, что еще немало ребят по-новому откроет для себя поэзию Клюева — этого самобытного поэта русской глубинки, ведь корень судьбы поэта — его малая родина, бревенчатая Русь, сердечной болью за которую пронизано все его творчество.

ЛИТЕРАТУРА

1. XXI век на пути к Клюеву: Материалы международной конференции «Олонецкие страницы жизни и творчества Н. Клюева и проблемы этнопоэтики». Петрозаводск, 2006. 371 с.
2. Клюев Н. А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Предисл. Н. Н. Скатова, вступит. ст. А. И. Михайлова; Сост., подготовка текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: РХГИ, 1999. 1072 с.
3. Кухня Вытегорского края. Фольклорно-этнографическая группа «Олония». Вологда: «Альфа-принт». 2004. 8 с.

ПЛАЧ ПО НИКОЛАЮ КЛЮЕВУ

«Мне приснился сон: стою в большом православном храме — соборе, в народной гуще и вижу, какой-то светлый старик в белом одеянии зажигает свечу у иконы. Мне его лицо незнакомо. Стоящий рядом со мной человек говорит мне: „Это мученик Николай, поэт Клюев“. Я проснулся потрясённый и в это же утро стал писать „Плач по Николаю Клюеву“. Так за несколько дней написалась эта небольшая поэма».

I

Сколько знает Россия тяжких, горьких неволь!..
Столько вод утекло, не пришло забытьё,
Поселилась в душе моей долгая вязкая боль,
Разрыдалось по Клюеву скорбное сердце моё.

И мне чудится — слышу, плачут в дымке леса,
Отзывается Эхо Печали вдали,
И на лицах полей засветилась слезами роса,
Улетая, прощаясь, рыдают по нём журавли.

Но я верю, возникнет ясный званный рассвет
Над изломами мрачных туманных годин,
И очнётся, вернётся, воскреснет великий поэт,
Олонецкий гусляр, свято-русского Севера сын.

II

Словесный жемчуг, не тая,
Сумела сыну передать
Сказительница, плачя
Прасковья-Параскева, мать.
И образ материнский в нём,
Светя таинственным огнём,
В живой строке его горит,
Напевом древним говорит.

Миф, с поэзией сращённый —
Это в сказках не стереть:
Сын черёмухи — лосёнок,
Сын большой сосны — медведь.
Этот звук и этот слог
Принёс он с северных дорог,
Чтоб красотой сердца согреть. —
Подделать это не суметь:
Были в Ниолу с детства посеяны
Мифы, напевы народов северных.

III

В нём смолоду пела заветная дума,
Влекла серебристого Севера ширь.
В крови своей чуял костёр Аввакума,
Спасаться ходил в Соловки — в монастырь.
Та дорога земная была не забыта.
Как вырослел молодой человек?..
Тайна тех юных лет до сих пор не раскрыта
И не будет, наверно, раскрыта вовек.

IV

Сны революции пришли:
И думал он, взойдёт крестьянство
Взамен пожухлого дворянства
И станет во главе земли.

И расцветёт тогда Деревня —
Хранительница сказов древних,
Обычаев и языка,
Светящегося сквозь века.

Слова он не хранил в закуте
И, как ребёнок, шёл к огням.
И имя ласковое «Кутя»
Дарил он детям и друзьям.

И в каждую входя обитель,
Где незнакомый дух стоит,
Он молвил запросто: «Хотите,
Я вам прочту стихи свои?»

Старинных слов являя лики,
Ведун — неведомый пророк,
Читать стихи — артист великий,
Иным казалось — скоморох.

V

Коммунизма — мечта невозможная —
Распростёрлась железная длань,
И над волей — неволя острожная,
Вседеревня едина — Страдань.

Рай земной обернулся проказою,
Ощутимо особо в глуши.
И гусяр олонецкий предсказывал
Разрушение народной души.

Рухнул мир с самобранкою-скатертью.
Развеяли красный дурман
Песнь его о Великой Свет-Матери,
В «Погорельщине» — лики крестьян.

Велика в его «Песни» печаль:
Обезбожена русская даль.

Часто Клюеву снилось провидчески:
Наведён на него пистолет,
Говорит он стрелку героически:
«Не стреляйте, я русский поэт!»

От народного чувства, наверное,
В глубине неисчезнувших лет
Это Пушкин сказать мог и Лермонтов:
«Не стреляйте, я русский поэт!»

По провидцу — певцу деревенскому
Слово горькое в сердце не прячь.
И по Блоку, по Павлу Флоренскому,
По страдавшему Лосеву плачь...

Сколько было великих загубленных
Сыновой твоих пламенных, Русь,
Топром ярим-варварским срубленных,
Перечислить я всех не берусь.

Русская песенность,
Дух твой рассеян.
Есенин повесился,
Клюев расстрелян.
Под личиной разгула свободного
Всем мучителям Духа народного
В дебрях внутренней, чёрной войны —
Не достичь искупленья вины.

VI

Все, кто были убиты, затравлены,
Будут в Боге народом прославлены.

И на Севере русском, на взгорье, —
Снится мне — во Вселенском соборе —
Я в народе стою и молчу.
Школа жизни — суровая школа...
Новомученик Клюев Никола
У икон зажигает свечу...

*Маунтэн-Вью, Калифорния
24 декабря 2013 — 7 января 2014*

Сведения об авторе поэмы: Владимир Яковлевич Лазарев (р. 1936) — поэт, прозаик, публицист, историк культуры, автор многих книг разных жанров. На его стихи написаны песни, получившие широкую известность в 1960-е — 1970-е гг. («Березы», «Ночной разго-

вор», «Как не любить мне эту землю», «Не остуди свое сердце, сынок», «Сергею Есенину», «Русское поле» и др.). В 1980-е — 1990-е гг. вел интенсивную литературно-общественную деятельность. Активный участник возрождения имени Николая Клюева в российском общественном сознании. В составленном им альманахе «День поэзии 1981» (Москва, издательство «Советский писатель») впервые в Советском Союзе было опубликовано клюевское стихотворение «Клеветникам искусства». Благодаря Вл. Лазареву 100-летие со дня рождения поэта было отмечено в 1984 г. публикацией стихов Клюева и воспоминаний о нем в журнале «Огонек», вышедшем полумиллионным тиражом. Лазарев стал одним из инициаторов проведения Клюевских чтений на родине поэта (г. Вытегра Вологодской обл.), приняв участие в самом первом из этих мероприятий (1985 г.). В 1991 г. опубликовал произведения Клюева на страницах журнала «Наше наследие», где вел отдел литературы. С 1999 г. живет в Калифорнии (США).

Ксения НАУМОВА

РУКОПИСНЫЕ НОТАЦИИ З. В. ЭВАЛЬД МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА ЗАОНЕЖЬЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН

По мнению исследователей творчества Николая Алексеевича Клюева, любовь к искусству была привита ему матерью, происходившей из крестьянской семьи. Прасковья Дмитриевна родилась в Заонежье в семье старообрядцев. Н. А. Клюев ценил русские народные предания, песни, духовные стихи, сказки. Позже он вспоминал о том, что «грамоте, песенному складу и всякой словесной мудрости» обязан своей покойной матери, память которой он чтит до самой смерти [1, с.3]. Стихотворения, посвященные Прасковье Дмитриевне, литературные критики признали вершиной творчества Н. Клюева.

В течение нескольких столетий Заонежский край привлекает внимание краеведов, собирателей фольклора и исследователей. Начало публикаций фольклорных материалов было положено в начале XIX в. Святославом Афанасьевичем Раевским, другом М. Ю. Лермонтова. В Заонежье работали такие выдающиеся собиратели, как П. Н. Рыбников, А. Ф. Гильфердинг, Е. В. Барсов. Славу Заонежья как в России, так и за рубежом составили имена знаменитых сказителей, среди них династия Рябининых, Василий Петрович Щеголёнок, Козьма Иванович Романов, Ирина Андреевна Федосова.

Своеобразной кульминацией развития собирательской деятельности в истории отечественной фольклористики можно считать середину 20-х гг. XX в. В 1926 г. состоялась одна из первых комплексных экспедиций Государственного института истории искусств (ныне РИИИ) на Русский Север — в Заонежье под руководством председателя изобразительного отдела К. К. Романова. Архитектор, искусствовед, специалист по деревянному и каменному зодчеству древней Руси, К. К. Романов побывал в 1925 г. в научной командировке в Германии, где в Обществе друзей новой России возник проект большой выставки крестьянского искусства (вышивка, ткачество, деревянная резьба, роспись и т. д.). В связи с этим в Институте была запланирована экспедиция на Русский Север. Летом того же года Борис Владимирович Асафьев совершил индивидуальную поездку в Заонежье, которое поразило его своим музыкальным, поэтическим и художественным богатством⁵⁸.

Заонежская экспедиция стала поворотной в судьбе многих участников. А. М. Астахова, Н. П. Колпакова (аспирантка), И. В. Карнаухова, З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиус (младшие научные сотрудники) специализировались именно на научном изучении фольклора, позже стали ведущими фольклористами страны.

Одна из участниц экспедиции, Наталья Павловна Колпакова писала:

«Мы были первыми, которые подошли к искусству Заонежья со всех сторон одновременно, т. е. изучали песни, не отрывая текстов от напевов, архитектуру — вместе с бытом населения, костюм вместе с праздниками, ради которых он одевался» [6, с. 47].

---

⁵⁸ См. его рассказ о поездке: [Асафьев, 1926. С. 10—18] и переиздание: [Асафьев, 1987. С. 178—186]. Основой для публикации послужил доклад Б. В. Асафьева в Наркомпросе РСФСР [Северная страна искусства, 1925 (Опубл. в 2004)].

Для З. В. Эвальд экспедиция 1926 г. была первой; в процессе ее подготовки, осуществления и последующей работы с заонежскими материалами происходило ее становление как собирателя и исследователя-фольклориста. В Заонежье З. В. Эвальд вместе с Е. В. Гиппиусом вели запись музыкальных образцов фольклора на фонограф.

Остались интересные воспоминания Н. П. Колпаковой о реакции народных исполнителей на техническое оснащение экспедиции:

«В трепет и восхищение приводит фонограф. Когда мы объяснили исполнителям его устройство и предложили кому-нибудь первому спеть “в трубу”, толпа с визгом шарахнулась в сторону, и потребовалось не мало уговоров, чтобы заставить одну из певиц спеть в фонограф любимую местную песню “Экой Ваня”. Но после того как это было благополучно исполнено, и фонограф в точности «отпел» все, что было в него напето, толпа слушала, затаив дыхание, и по окончании записи долго волновалась и шумела от восхищения. С тех пор, куда мы не придем “с машиной”, — изба миглом набивается народом, и успех записи обеспечен» [6, с. 21].

В результате поездки был собран солидный архив уникальных материалов: эпические жанры (духовные стихи, былины, баллада), причитания (свадебные, похоронные, рекрутские), лирические песни раннего и позднего историко-стилевых пластов, песни, сопровождающие хореографическое движение.

Материалы экспедиции ныне хранятся в главных научных центрах страны. Основная их часть отложилась в архивах ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом):

1. Рукопись З. В. Эвальд — Рукописный фонд Фонограммархива ИРЛИ, п. V, ед. хр. 1, л. 1–27;

2. Звуковые коллекции — Фонограммархив ИРЛИ, № 001 F, 002 S (1926–1927 гг.), ФВ 0001–0056;

3. Материалы комплексной экспедиции ГИИИ в Заонежье 1926 г. (Астахова А. М., Колпакова Н. П., Карнаухова И. В., Попова Т. В.) — Рукописный отдел ИРЛИ, р. V, кол. 2, п. 1—7;

4. Рукопись Н. П. Колпаковой — Рукописный фонд Фонограммархива ИРЛИ, п. 143, ед. хр. 1 «Тексты Архангельской губ., Печорского у. Зап. Н. Колпаковой 1929 г. и тексты: Пинега 1926 и 1927 гг.». Сюда вошли поэтические тексты песен экспедиции 1926 г.

Известно, что по возвращении из экспедиции сразу началась активная подготовка материалов к публикации в сборнике «Искусство Се-238

вера. Заонежье» [5]. Помимо статей, в него вошли слуховые нотации и расшифровки собирателей. Не все хранящиеся на сегодняшний день в архиве материалы были включены в публикацию. Их введение в научный оборот и текстологическое изучение представляется важным в связи с оценкой процесса и характера работы, а также становления методологии работы с фонозаписями.

Использование в экспедиционной деятельности фонографа вызвало к жизни новый вид научно-творческой деятельности — расшифровку фонограмм. Расшифровки предназначались в первую очередь для публикации экспедиционных материалов. Наряду с беглыми слуховыми записями, сделанными еще в экспедиции, они отражали процесс осмысления собирателями музыкальных образцов.

Рукопись заонежских материалов, выполненная З. В. Эвальд, представляет собой папку, включающую 78 расшифровок (без № 1). Это собрание нотных листов с черновыми и беловыми автографами З. В. Эвальд, выполненными в поле и стационарно — по возвращению из экспедиции. Важно отметить, что в рукописи встречаются пометы и ремарки Е. В. Гиппиуса, выполненные в разные годы, что свидетельствует о востребованности нотаций Эвальд в течение длительного времени, пока шла разработка материалов по Русскому Северу.

Большая часть материалов — слуховые расшифровки с фоноваликов. Они представлены:

- набросками (незаконченные нотации, фрагменты строф, выполненные скорописью с минимальным числом авторских помет),
- черновыми и беловыми расшифровками (звукозапись нотирована полностью или почти полностью, авторские пометы отражают особенности темпа, ритма, исполнительские приемы и т. д.).

Значительные различия с большей частью собрания нотаций имеет беловая рукопись, подготовленная для выполнения оттисков и последующей печати в журнале «Музыка и революция» за 1927 г. Ее характерными особенностями являются: ровный каллиграфический почерк, полные выходные данные, законченное оформление нотации с указаниями темпа и метра; образец написан тушью.

Способы оформления расшифровок З. В. Эвальд, выполненных в конце 1920-х гг., демонстрируют аналитический подход к нотированию. Методы работы нотировщика можно проиллюстрировать на примере расшифровки двух вариантов лирической песни «Кабы веял вете-

рочик» из с. Косозеро. Один вариант записи песни — сольный, другой — ансамблевый.

The image shows two pages of handwritten musical notation. The top page is labeled 'n. 9' and the bottom page '38'. Both pages show a vocal line and a piano accompaniment line with lyrics in Russian. The notation includes clefs, notes, rests, and bar lines. The bottom page has a circled number '38' and a tempo marking 'Allegretto'.

Нотация № 9 — это расшифровка-набросок, выполненная наскоро. Нотация № 38 — это более полноценная расшифровка. Напев подтекстован, появляются тактовые черты, обозначение темпа исполнения (метроном) и ряд условных знаков, показывающих звуковысотные изменения — все это признаки завершенной расшифровки.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что первая нотировка (№ 9) является более ранней расшифровкой-наброском песенного образца, которую позже З. В. Эвальд дорабатывала в более полный вид (нотировка № 38). Исследовательница возвращалась к своей нотации, насколько позволяли технические возможности фонографа (каждое проигрывание записи ухудшало качество звуковой дорожки), с целью внесения разного рода уточнений, проверки и дальнейшей публикации. Известно, что именно полная расшифровка опубликована в сборнике «Песни народов Карело-Финской ССР» [14, № 11]. Все это свидетельствует о многослойности процесса создания как всего рукописного собрания, так и каждой расшифровки.

Подводя итог текстологическому исследованию заонежского автографа, необходимо заметить, что З. В. Эвальд считала расшифровку очень важным этапом в процессе исследования традиции, при этом использовала методы, актуальные и сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

Азадовский К. М. Жизнь Николая Клюева: Докум. повествование / Азадовский К. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2002. 368 с.

Асафьев Б. В. [Крестьянское искусство Севера] // Асафьев Б. В. О народной музыке / Сост. И. Земцовский, А. Кунанбаева. Л.: Музыка, 1987. С. 178—186.

Асафьев Б. В. [О рекогносцировочной поездке по Прионежью] // Крестьянское искусство Севера: Об искусствоведческой экспедиции на русский Север [брошюра]. Л., 1926. С. 10—18.

Северная страна искусства. Из доклада композитора Б. В. Асафьева в Наркомпросе РСФСР о поездке в Онежский край летом 1925 г. Карелия, 2004. № 50 (13 мая). URL: <http://gov.karelia.ru/Karelia/1181/27.html> (дата обращения 17.09.2015).

Крестьянское искусство СССР: В 2 т. Т. 1: Искусство Севера. Заонежье. Л.: Academia, 1927. 205 с.

Колпакова Н. П. У золотых родников (записки фольклориста): с рисунками автора / Подгот. А. Ф. Некрылова, А. В. Грунтовский. СПб.: Русская земля, 2002. 332 с.

Гиппиус Е. В. З. В. Эвальд и ее исследования Белорусского народного песенного искусства // Эвальд З. В. Песни белорусского Полесья / Сост. З. Я. Можейко, ред. Е. В. Гиппиус. М.: Советский композитор, 1979. С. 6—14.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН: Фонограммархив. Буклет / Текст Ю. И. Марченко, Г. В. Маркелова; фото из собрания Фонограммархива В. М. Барановского и А. Ю. Балакина; ред. Г. В. Маркелова. СПб., 2009. 8 с.

Эвальд З. В. Протяжные песни Заонежья // Крестьянское искусство СССР: В 2 т. Т. 1: Искусство Севера. Заонежье. Л.: Academia, 1927. С. 165—175.

Можейко З. Я. От составителя // Эвальд З. В. Песни белорусского Полесья / Под ред. Е. В. Гиппиуса. М.: Сов. композитор, 1979. С. 3—5.

Марченко Ю. И. Ранние звукозаписи в собрании Фонограммархива Пушкинского Дома (по материалам экспедиций в районы Обонежья, Поморья, на Мезень, Пинегу и Печору) // Рябининские чтения —2007 / Отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск, 2007. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/guabinin-2007/467.html> (дата обращения 13.04.2014).

Эпические баллады и духовные стихи Обонежья в записях 1926—1934 годов: Публикация А. Ю. Кастрова. С. 403—438.

Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 г. СПб., 2009. 800 с.

Песни народов Карело-Финской ССР: Сборник карельских, вепсских и русских песен / Сост. В. П. Гудков и Н. Н. Леви. Петрозаводск, 1941. 99 с.: ноты.

Гиппиус Е. В. Музыкальный быт Заонежья // Музыка и революция: Общественно-политический массовый журнал музыкального искусства. 1927. № 5—6. С. 16—20.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ПРИНОШЕНИЕ КЛЮЕВУ

11 января 2012 года ушел из жизни замечательный петербургский композитор Виктор Иванович Панченко. Он родился в 1929 году, получил образование в Музыкальное училище в Ставрополе, а затем в Ленинградской консерватории. Его профессиональная деятельность началась в Государственной академической капелле имени М. И. Глинки. Панченко работал в различных концертных организациях страны, много гастролировал. Как композитор, он написал значительное число песен на стихи Пушкина, Есенина, Ахматовой, Шевченко и других поэтов. Панченко был единственным композитором, кто озвучил столь значительный пласт лирики Николая Клюева (около 100 песен).

Песня Виктора Панченко на стихи Николая Клюева «Ах вы други», положила начало музыкальному дуэту «Заряницы» в составе: Галина Лужкова (гусли), Анастасия Медведева (вокал, гитара). Название дуэта было заимствованно из словаря местных, старинных и редко употребляющихся слов в сборнике произведений Клюева «Сердце Единорога»⁵⁹.

Обращение к поэзии Клюева является основой творческой деятельности дуэта «Заряницы». Его живое поэтическое слово насыщает нас духовной и жизненной энергией, вдохновляет на творчество.

Осенью 2010 года при подготовке к вечеру памяти Николая Клюева Галина Лужкова написала музыку к его стихотворению «Молитва», а 22 октября этого же года состоялось первое исполнение произведения в рамках конференции «Николай Клюев — поэт русского эпоса».

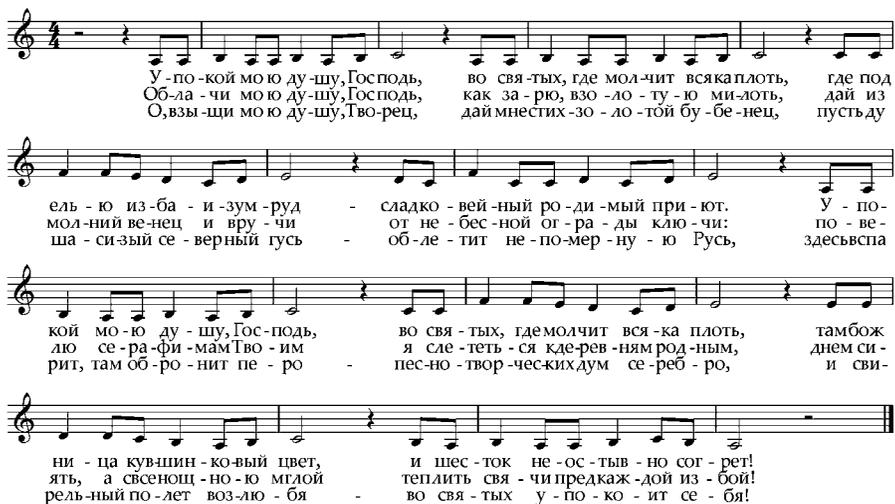
---

⁵⁹ Словарь местных, старинных и редко употребляющихся слов // *Клюев Н. А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы.* СПб.: РХГИ, 1999. С. 1002.

Молитва

стихи Николая Клюева

музыка Галины Лужковой

У - по - кой мою ду - шу, Господь, во свя - тых, где мол - чит всяка плоть, где под
Об - ла - чи мою ду - шу, Господь, как за - рю, взо - ло - ту - ю ми - лоть, дай из
О, взы - щи мою ду - шу, Тво - рец, дай мнестих - зо - ло - той бу - бе - нец, пусть ду

ель - ю из - ба - и - зум - руд - сладко - вей - ный ро - ди - мый при - ют. У - по -
мол - ний ве - нец и вру - чи от не - бес - ной ог - ра - ды клю - чи: по - ве -
ша - си - зый се - верный гусь - об - ле - тит не - по - мер - ну - ю Русь, здесь спа

кой мо - ю ду - шу, Гос - подь, во свя - тых, где молчит вся - ка плоть, там бо ж
лю се - ра - фи - мам Тво - им я сле - тетъ - ся где - рев - ням род - ным, днем си -
рит, там об - ро - нит пе - ро - пес - но - твор - ческим дум се - реб - ро, и сви

ни - ца кувшин - ко - вый цвет, и шес - ток не - ос - ть - но сог - рег!
ять, а свсенощ - но - ю мглой теплить свя - чи предкаж - дой из - бой!
рель - ный по - лет воз - лю - бя - во свя - тых у - по - ко - ит се - бя!

Сведения об авторах

Байнин Сергей Вячеславович, аспирант филологического факультета Вологодского государственного университета (Вологда).

Богданова Серафима Алексеевна, почетный директор библиотеки «Славянка» (Санкт-Петербург).

Будникова Юлия Юрьевна, заместитель директора Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов по музейно-выставочной работе (Санкт-Петербург).

Валевская Екатерина Александровна, главный хранитель фондов Фольклорно-этнографического центра им. А.М. Мехнецова СПбГК (Санкт-Петербург).

Горбунова Ольга Геннадьевна, ученица 11 класса средней школы №1 г. Вытегры.

Маквей Гордон, профессор Бристольского университета (Англия), один из первых издателей произведений Н. А. Клюева.

Доманский Валерий Анатольевич, д-р пед. наук, профессор ГУМРФ им. адмирала С. О. Макарова, член Союза российских писателей (Санкт-Петербург).

Казаков Алексей Леонидович, член Союза писателей России, член Союза российских журналистов (Челябинск).

Коломийцева Елена Юрьевна д-р. филол. наук, профессор кафедры журналистики МГУКИ (Москва).

Лазарев Владимир Яковлевич, поэт, прозаик, публицист, историк культуры, один из инициаторов проведения Клюевских чтений на родине поэта (Калифорния, США).

Логинов Константин Кузьмич, канд. ист. наук, старший научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск).

Митрошкина Нина Алексеевна, преподаватель, научный руководитель исследовательских проектов изучения творчества Н. Клюева в средней школе №1 г. Вытегры (Вытегра).

Наумова Ксения Юрьевна, аспирантка ИРЛИ РАН

Ольшукова Елизавета Ивановна, ученица 8 класса средней школы №1 г. Вытегры (Вытегра).

Павлова Евдокия Сергеевна, ведущий библиотекарь отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

Пронских Антоний, студент Санкт-Петербургской православной духовной академии (Санкт-Петербург).

Подковырова Вера Григорьевна, ведущий библиотекарь отдела рукописей БАН (Санкт-Петербург).

Синичкина Дарья, докторант университета Сорбонна (Париж, Франция).

Скороходов Максим Владимирович, канд. филол. наук, старший научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ РАН (Москва).

Субботин Сергей Иванович, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ РАН (Москва).

Семибратов Владимир Константинович, краевед, кандидат культурологических наук, член Союза журналистов России и Союза писателей России (Вятка).

Шабарова Юлия Владимировна, соискатель СПбГУ, сотрудник Общества русской традиционной культуры.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
-------------------	---

СУДЬБА ПОЭТА И НАСЛЕДИЯ

Доманский В. А. «Я — посвященный от народа ... »: миссия поэта в творчестве Николая Клюева	7
Павлова Евдокия. Автографы Николая Клюева в Отделе рукописей РНБ	15
Маквей Гордон. К истории моих публикаций о Николае Клюеве	23
Коломийцева Е. Ю., Скороходов М. В. (Вступительная статья и комментарии). В. К. Завалишин о крестьянской поэзии и творчестве Н. А. Клюева (по материалам Бахметьевского архива Колумбийского университета)	30

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ И ТРАДИЦИОННАЯ РУССКАЯ КУЛЬТУРА

Пронских А. А. Церковное социальное служение на примере Покровской общины г. Санкт-Петербург: проекты	57
Подковырова В. Старообрядческое «поддонное» православие Николая Клюева	63
Шабарова Ю. Николай Клюев в Русском городке Царского Села и «Общество возрождения художественной Руси»	72
Будникова Ю. Николай Клюев, Николай Рерих — творческие параллели	81
Доманский В. А. «Песнь о Великой Матери» Н. А. Клюева и ее древнерусские источники	102

ТВОРЧЕСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ И КОНТЕКСТ

Синичкина Дарья. По пути с революцией и отход от неё: «Новые песни» Николая Клюева	113
Субботин С. И. Клюевская «Песнь Солнца» по-немецки (1920-е годы)	124

Богданова Серафима. Николай Клюев и Сергей Есенин.....	140
Валевская Е. Документы о жизни и деятельности Михаила Николаевича Мехнецова (1890—1941)	151
Семибратов В. К. Сибирский город, прежняя столица «страны мертвых».....	170

ПРОБЛЕМЫ ЭСТЕТИКИ И ПОЭТИКИ. ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Казиков А. Л. Неувядаемый цвет поэзии.....	175
Байнин С. В. Поэма Н. А. Клюева «Погорельщина» в оценке современников.....	181
Логинов К. К. Н. А. Клюев и пророческо-пророческие народные практики Обонежья.....	188
Ольшукова Е. И. Сказочные мотивы в творчестве Н. А. Клюева	204
Горбунова Ольга. Фантастические птицы в творчестве Н. А. Клюева	216
Митрошкина Н. «Клюевский родничок» в школьной библиотеке: из опыта работы.....	228
Лазарев Владимир. Плач по Николаю Клюеву. Поэма.....	232
Наумова К. Ю. Рукописные нотации З. В. Эвальд музыкального фольклора заонежья по материалам Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН	236
Музыкальное приношение Клюеву.....	242
Сведения об авторах.....	244

